

ISSN 2413-8258

Научный журнал

ЧЕЛОВЕК > ОБЩЕСТВО < ГОСУДАРСТВО

Scientific journal

Person > Society < State

12+

Челябинск
2017

УДК
304.9 ББК
6/8 ЧЗ9

12 +

Человек > Общество < Государство: научный журнал / ОАНОВО «Челябинский Многопрофильный Институт»; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского»; науч. ред. Е.А. Куштым. – 2017. – № 1 (3). – Челябинск : ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, 2017. – 140 с. – ISSN 2413-8258.

UDC
304.9 LBC
6/8 CH39

Chelovek >Obshchestvo <Gosudarstvo [Person > Society < State] : Nauchnyj zhurnal / OANOVO «Chelyabinskij Mnogoprofil'nyj Institut»; SBEI HE «South Ural state Institute of arts named after P.I. Tchaikovsky»; nauchn. red. E.A. Kushtym. – 2017. – № 1 (3). – Chelyabinsk : P.I. Tchaikovsky SUrSIA, 2017. – 140 s. – ISSN 2413-8258.

Научный журнал адресован специалистам в области гуманитарных (искусствоведение, культурология, исторические науки и археология, философские, филологические науки и др.), общественных и психолого-педагогических наук (педагогические, психологические, экономические, социологические, юридические науки, политология и др.); аспирантам, общественным деятелям, а также тем, кто интересуется проблемами гармонизации отношений человека, общества, государства.

Совместная работа современных исследователей способствует установлению междисциплинарных связей в решении актуальных вопросов современности.

Научный журнал
Человек > Общество < Государство
ISSN 2413-8258
Основан в 2015 году
№ 1 (3)
Декабрь 2017

Scientific journal
Person > Society < State
ISSN 2413-8258
Founded in 2015
No 1 (3)
December 2017

Учредитель

ОАНО ВО
«Челябинский Многопрофильный Институт»
ОАНО ВО «ЧелМИ»

Издатель

ГБОУ ВО
«Южно-Уральский государственный институт
искусств имени П.И. Чайковского»
ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского»
Адрес: ул. Плеханова, 41,
г. Челябинск, Россия, 454091
E-mail: info@uyrgii.ru

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Загвоздина Любовь Генриховна,
учредитель, председатель Совета организации
ОАНО ВО «ЧелМИ»
(Россия, г. Челябинск)

Председатель Редакционной коллегии

Сизова Елена Равильевна,
доктор педагогических наук, профессор;
ректор ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

Сопредседатель Редакционной коллегии

Виктория Лезьер,
доктор философских наук, профессор;
президент Центра культуры и познания
(Франция, г. Бриньоль)

Научный редактор

Куштым Евгения Александровна,
кандидат философских наук, доцент;
проректор по научной работе
и международному сотрудничеству
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

Заведующие рубрикой «Гуманитарные науки»

Таскаева Анна Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры иностранных языков,
заведующий ассистентурой-стажировкой
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского;
(Россия, г. Челябинск)

Ивлев Никита Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных и психолого-педагогических
дисциплин ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

Founder

Educational Autonomous Non-profit Organization of
Higher Education
«Chelyabinsk Multidisciplinary Institute»
EANOHE «ChelMI»

Publisher

State Budget Educational Institution of Higher Education
«P.I. Tchaikovsky South Ural State Institute of Arts»
SBEI HE «P.I. Tchaikovsky SURSIA»
Address: 41, Plekhanova street,
Chelyabinsk, Russia, 454091
E-mail: info@uyrgii.ru

EDITORIAL BOARD

Chief editor

Liubov G. Zagvozdina,
founder, Chairman of the Board Organization
EANOHE «ChelMI»
(Russia, Chelyabinsk)

The Chairman of the editorial Board

Elena R. Sizova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;
Rector of P.I. Tchaikovsky SURSIA
(Russia, Chelyabinsk)

Co-Chairman of the editorial Board

Viktoriiia Lezer,
Doctor in Philosophy, Professor;
President of the Center of Culture and Cognition
(France, Brignoles)

Scientific editor

Evgeniia A. Kushtym,
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor;
Vice-rector for scientific work
and international cooperation
of P.I. Tchaikovsky SURSIA
(Russia, Chelyabinsk)

Heads of heading «Humanities»

Anna V. Taskaeva,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages,
Head of the Department of Assistantship
of P.I. Tchaikovsky SURSIA;
(Russia, Chelyabinsk)

Nikita N. Ivlev,
Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor of the
department of social-humanitarian and psycho-pedagogical
disciplines of P.I. Tchaikovsky SURSIA
(Russia, Chelyabinsk)

**Заведующие рубрикой
«Общественные и психолого-педагогические науки»**

Рахимова Майя Вильевна,
кандидат философских наук,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных
и психолого-педагогических дисциплин
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского;
Викторов Дмитрий Валерьевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой физической культуры
и безопасности жизнедеятельности
(Россия, г. Челябинск)

Ответственные за международные контакты

Куштым Евгения Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
проректор по научной работе
и международному сотрудничеству
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского;
Таскаева Анна Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры иностранных языков,
заведующий ассистентурой-стажировкой
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

Ответственные за выпуск

Сундарева Лариса Анатольевна,
заведующий редакционно-издательским отделом
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского;
Сидоров Михаил Александрович,
редактор редакционно-издательского отдела
ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

**Ответственный
за информационно-техническое обеспечение**
Помелов Владимир Александрович,
Web-администратор ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского
(Россия, г. Челябинск)

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Гуманитарные науки

Гужва Александр Павлович,
доктор философских наук, профессор;
Днепропетровская академия музыки им. М. Глинки,
заведующий кафедрой вокально-хорового
искусства и музыковедения
(Украина, г. Днепр)

Жилина Вера Анатольевна,
доктор философских наук, профессор;
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
заведующий кафедрой философии
(Россия, г. Магнитогорск)

Парфентьева Наталья Владимировна,
доктор искусствоведения, профессор;
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
профессор кафедры теологии, культуры и искусства
(Россия, г. Челябинск)

**Heads of heading
«Social and Psycho-pedagogical Sciences»**

Maiia V. Rakhimova
Ph.D. in Philological Sciences,
head of the department of social-humanitarian
and psycho-pedagogical disciplines
Dmitrii V. Viktorov
Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department
of Physical Education and life safety
(Russia, Chelyabinsk)

Responsible for international contacts

Evgeniia A. Kushtym,
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor,
Vice-rector for scientific work
and international cooperation
of P.I. Tchaikovsky SUrSIA;
Anna V. Taskaeva,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages,
Head of Assistant Traineeship
of P.I. Tchaikovsky SUrSIA
(Russia, Chelyabinsk)

Responsible for edition

Larisa A. Sundareva
head of publishing department
of P.I. Tchaikovsky SUrSIA;
Mikhail A. Sidorov,
Editor of the Editorial Department
of P.I. Tchaikovsky SUrSIA
(Russia, Chelyabinsk)

**Responsible
for information and technical support**
Vladimir A. Pomelov,
Web-administrator of P.I. Tchaikovsky SUrSIA
(Russia, Chelyabinsk)

BOARD OF EXPERTS

Humanities

Aleksandr P. Guzghva,
Doctor of Philosophy, Professor;
Dnipropetrovsk Academy of Music n. M.Glinka,
Head of the Department of vocal-choir
Arts and Musicology
(Ukraine, Dnepr)

Vera A. ZHilina,
Doctor of Philosophy, Professor;
Magnitogorsk State Technical
University n. G.I. Nosov,
Head of the Department of Philosophy
(Russia, Magnitogorsk)

Natalia V. Parfenteva,
Doctor of Art Criticism, Professor;
South Ural State University
(National Research University),
Professor of the Department of theology, culture and art
(Russia, Chelyabinsk)

Рыбин Владимир Александрович,
доктор философских наук, профессор;
Челябинский государственный университет,
профессор кафедры философии
(Россия, г. Челябинск)

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор;
Благовещенский государственный педагогический
университет, профессор кафедры всеобщей истории,
философии и культурологии
(Россия, г. Благовещенск, Амурская область)

Ульянов Иван Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент;
филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске
(Россия, г. Челябинск)

Общественные и психолого-педагогические науки

Немыкина Ирина Николаевна,
доктор педагогических наук, профессор;
Московский государственный педагогический
университет, профессор кафедры музыковедения
и музыкального образования
(Россия, г. Москва)

Апуктина Нина Георгиевна,
доктор философских наук, профессор;
Челябинский государственный институт культуры,
профессор кафедры философских наук
(Россия, г. Челябинск)

Гладышев Владимир Иванович,
доктор философских наук, профессор;
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
профессор кафедры философии
(Россия, г. Челябинск)

Рахимбаева Инга Эрленовна,
доктор педагогических наук, профессор;
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского, заведующий кафедрой теории,
истории и педагогики искусства
(Россия, г. Саратов)

Карипов Балташ Нурмухамбетович,
доктор политических наук, доцент;
Кокшетауский государственный университет
имени Шокана Уалиханова,
профессор кафедры всеобщей истории и философии
(Казахстан, г. Кокшетау)

Некрасов Станислав Николаевич,
доктор философских наук, профессор;
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина;
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры философии
(Россия, г. Екатеринбург)

Тараданов Александр Ардалионович,
доктор социологических наук, профессор;
Челябинский государственный университет,
профессор кафедры социальной работы и социологии
(Россия, г. Челябинск)

Vladimir A. Rybin,
Doctor of Philosophy, Professor;
Chelyabinsk State University, Professor
of the Department of Philosophy
(Russia, Chelyabinsk)

Aleksandr S. Chuprov,
Doctor of Philosophy, Professor;
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Professor of the Department
of General History, Philosophy and Cultural Studies
(Russia, Blagoveshchensk, Amur region)

Ivan V. Ulianov,
Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor;
VUNTS branch of the Air Force "VVA" in Chelyabinsk
(Russia, Chelyabinsk)

Social and Psycho-pedagogical Sciences

Irina N. Nemykina,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;
Moscow State Pedagogical University,
Professor of the Department
of Musicology and music education
(Moscow, Russia)

Nina G. Apukhtina,
Doctor of Philosophy, Professor;
Chelyabinsk State Institute of Culture,
Professor of the Department of Philosophy
(Russia, Chelyabinsk)

Vladimir I. Gladyshev,
Doctor of Philosophy, Professor;
South Ural State University
(National Research University),
Professor of the Department of Philosophy
(Russia, Chelyabinsk)

Inga E. Rakhimbaeva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;
National Research Saratov State University named
after N.G. Chernyshevsky, Head of the Department
of Theory, History and pedagogy of art
(Russia, Saratov)

Baltash N. Karipov,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor;
Kokshetau State University named after Shokan
Valikhanov, Professor of the Department
of general history and philosophy
(Kazakhstan, Kokshetau)

Stanislav N. Nekrasov
Doctor of Philosophy, Professor;
Ural Federal University
named after the first Russian President B.N. Yeltsin;
Ural State Agricultural University, Professor
of the Department of Philosophy
(Russia, Ekaterinburg)

Aleksandr A. Taradanov,
Doctor of Social Sciences, Professor;
Chelyabinsk State University,
Professor of the Department
of Social Work and Sociology
(Russia, Chelyabinsk)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Журнал адресован специалистам в области гуманитарных, общественных и психолого-педагогических дисциплин, а также студентам и аспирантам по соответствующим направлениям подготовки.

Публикации учитываются ВАК при защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук.

Тематика публикаций должна соответствовать профилю журнала. Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, предъявляемым для публикации, размещены на последних страницах журнала.

При использовании материалов статей, опубликованных в журнале, ссылка на журнал обязательна. Мнение членов редакционно-экспертного совета может не совпадать с мнением авторов статей.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы статей.

Журнал выходит 1 раз в год

Цена свободная

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации – научного журнала
«Человек > Общество < Государство»
ПИ N ФС77-61151 от 30 марта 2015 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 29.12.2017 г.
Формат 60x84 1/8

Усл. п.л. 17,5. Уч.-изд. л. 13,75
Заказ № 62. Тираж 500 экз.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в РИО ГБОУ ВО «ЮУрГПИ им. П.И. Чайковского»
454091, г. Челябинск, ул. Плеханова, 41
Телефон: (8-351) 790-10-24

INFORMATION FOR READERS AND AUTHORS

The journal is addressed to experts in the field of humanitarian, social and psycho-pedagogical disciplines, as well as for students and postgraduate students.

Publications are counted by VAK during the thesis defense, getting the degree of doctor of science and scientific degree of candidate of sciences.

The subject of publications should correspond to the profile of the journal. Manuscripts are reviewed.

Requirements for manuscripts of scientific articles submitted for publication are placed on the last pages of the journal.

By using materials from articles published in the journal, a reference to the journal is obligatory.

The opinion of the members of the editorial and the Expert Council may be different from the views of the authors of articles.

The authors of the articles have the responsibility for the authenticity and accuracy of quotations, names, titles and other information, as well as for the observance of intellectual property law.

The magazine is published once a year

The price is free.

The certificate of registration
of mass media – scientific journal
«Person > Society < State»
ПИ № ФС77-61151 of 30.03. 2015
issued by Federal Service
for Supervision in the sphere
of Mass Media and Communications.

Passed for printing on 29.12.2017
Format 60X84 1/8. Reference sheet area 8,75.
Order № 62. Issues 500 copy.

This publication was prepared for printing and printed
in Editorial Department of State Budget
Educational Institution of Higher Education
P.I. Tchaikovsky South Ural State Institute of Arts
41, Plekhanova street, Chelyabinsk, Russia, 454091
Phone number: (8-351) 790-10-24

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENT
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	HUMANITIES
Виктория Лезьер Истоки и сущность философии музыки А.Н. Скрябина 9	Viktoriya Lezer The origins and gist of the philosophy of music by A.N. Scriabin 9
Май К Да Основные причины неудачи французского протестантизма во Вьетнаме в конце XIX – начале XX в. 21	Mai K Da The main reasons for the failure of french protestantism in Vietnam in the late XIX – early XX century 21
Дымова Ирина Георгиевна, Чикина Екатерина Владимировна Категория Света как генерирующее начало творчества Александра Изосимова 27	Dymova Irina Georgievna, Chikina Ekaterina Vladimirovna Light category as a generating beginning of art of Alexander Izosimov 27
Зелезинская Лариса Андреевна, Чупров Александр Степанович Природа комического и смешного в зеркале европейской философии 32	Zelezinskaja Larisa Andreevna, Chuprov Alexander Stepanovich Nature of the comic and ridiculous in the mirror of the European philosophy 32
Ищенко Елена Борисовна, Ищенко Николай Прокофьевич Челябинск дореволюционный: формирование профессиональных традиций музыкального искусства 40	Ishchenko Elena Borisovna, Ishchenko Nikolai Prokofievich Pre-revolutionary Chelyabinsk: formation of professional traditions of musical art 40
Растворова Наталья Валерьевна Художественные образы национального татаро-башкирского праздника Сабантуй в контексте диалога культур многонациональной России 46	Rastvorova Natalia Valeryevna Artistic images of the tatar-bashkir holiday Sabantuy in the context of the Russian dialogue of cultures 46
Романова Кира Степановна Ментальные особенности национального характера и их проявление в российской истории 50	Romanova Kira Stepanovna Mental peculiarities of national character and their manifestation in Russian history 50
Секретова Лариса Адольфовна Культурологический аспект феномена музыкального мышления 55	Sekretova Larisa Adolfovna Culturological aspect phenomenon of music thinking 55
Соковиков Сергей Степанович Перечитывая Ницше: немецкий философ XIX века о постмодернизме и не только 62	Sokovikov Sergey Stepanovich Reviewing Nietzsche: german philosopher of the XIX century on postmodernism and else besides 65
Степанова Наталья Викторовна Герменевтический подход в осмыслении проблемы интерпретации музыкально-художественного текста 66	Stepanova Natalia Victorovna The hermeneutic approach in comprehension of the problem of interpretation of musical and artistic text 66
Ткаченко Станислав Олегович Открытка советского времени как форма коммуникации государства и человека 70	Tkachenko Stanislav Olegovich Postcard of the Soviet era as a form of communication between the state and man 70

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL SCIENCES
Арпентьева Мариам Равильевна Смысложизненные отношения при наркоманиях 72	Arpentieva Mariyam Ravilievna Multiple relationship at drug addictions 72
Балынская Наталья Ринатовна, Гафурова Василия Минсалиховна Этнонациональные конфликты в современной России и возможности использования медиации в их регулировании..... 83	Balynskaia Natalia Rinatovna, Gafurova Vasilija Minsalikhovna Ethnonational conflicts in modern Russia and the possibilities of use of mediation in their regulation..... 83
Новокрещенов Александр Васильевич Жизнь после выхода на пенсию: ресоциализация или доживание 88	Novokreshchenov Alexander Vasilevich Life after retirement: re-socialisation or living out 88
Стожко Дмитрий Константинович, Стожко Константин Петрович Феномен социального самоуправления: философские основания исследования 96	Stozhko Dmitrii Konstantinovich, Stozhko Konstantin Petrovich Phenomenon of social self-government: philosophical bases of research..... 96
Шамгунов Александр Николаевич, Жилина Вера Анатольевна Русофобский синкретизм: философский и психологический анализ 102	Shamgunov Aleksandr Nikolayevich, Zhilina Vera Anatolievna Russophobic syncretism: philosophical and psychological analysis 102
Агафонов Игорь Сергеевич, Воловин Константин Александрович Фаворитизм в студенческих советах 105	Agafonov Igor Sergeevich, Volovin Konstantin Aleksandrovich Favoritism in student councils 105
ДИСКУССИИ, ПОЛЕМИКА, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ	DISCUSSIONS, DEBATES, ROUND TABLES
Заседание круглого стола «Россия и зарубежные страны: искусство созидать» 108	The session of round table Russia and foreign countries: the art of creating 108
Авторы номера 131	Authors of the issue 131
Требования к рукописям научных статей 137	Requirements for manuscripts of research articles 137

Viktoriya Lezer,
 Ph. D. in Philosophy, Professor;
 President of the non-profit educational association
 "The center of culture and knowledge"
 France, Brignoles

THE ORIGINS AND GIST OF THE PHILOSOPHY OF MUSIC BY A.N. SCRIBIN

Abstract. The article considers the philosophical views of the Russian composer A.N. Scriabin (1871-1915). The author of the article sought to show the ideological origins of the philosophical views of A.N. Scriabin, to uncover the philosophical ideas of the composer, which in many ways determined the themes and content of his music. The Scriabin universe is not described only by musical characteristics: it contains a variety of ways of knowing and describing reality.

Keywords: the origins of the views of A.N. Scriabin, the search for truth, thinking of A.N. Scriabin, a description of reality, learning style.

Introduction

L'une des particularités de la philosophie russe est de s'être développée non seulement grâce aux philosophes, mais aussi grâce à la part active qu'y ont pris hommes de lettres, critiques, savants et artistes. Il est difficile de dire à quel «domaine» – philosophique ou littéraire – appartiennent des hommes comme Alexandre Herzen, Fiodor Dostoïevski, Vladimir Soloviev, Nikolaï Tchernychevski et tant d'autres. La littérature, pour reprendre l'expression du critique Alexandre Glinka-Volzhski, cité par Alexeï Lossev dans son article sur les spécificités de la philosophie russe, est une «philosophie singulière, brillante, parée des couleurs du verbe, illuminée par tout l'arc-en-ciel de la pensée, l'incarnation en chair et en os des vivantes images de l'art» [1, p. 212]. Aussi trouve-t-on chez des artistes tels que Mikhaïl Vroubel, Mikalojus Čiurlonis ou Marc Chagall des idées philosophiques d'une grande profondeur.

Ce lien étroit entre littérature et philosophie a été étudié par Alexandre Herzen, Nikolaï Berdiaev, Alexeï Lossev ou encore Ivan Ilyine. Les grands compositeurs russes, tels que Rachmaninov, Scriabine, Stravinski ou Tchaïkovski ont largement contribué au développement de la pensée philosophique russe. Pourtant, le rôle de la musique russe dans la l'histoire de la philosophie russe n'a pratiquement pas été étudié. Alors que la langue musicale, brillante et savante, tend non seulement à produire des synthèses philosophiques novatrices, mais propose en outre une interprétation originale de problèmes aussi complexes que la spiritualité, l'être ou le cosmos. Deux grandes figures du début du XXème siècle, avec qui s'ouvre une nouvelle page de l'histoire de la musique, sont à l'origine d'innovations philosophiques: Alexandre Scriabine et Igor Stravinsky.

Scriabine et la philosophie russe du XXème siècle

Le développement de la pensée philosophique dans la Russie du début du XXème siècle est marqué par

le pressentiment, puis l'expérience d'un effondrement des anciens idéaux, et, simultanément, par le désir d'exprimer le sens de l'existence humaine dans sa totalité, l'unité de la vie matérielle et des aspirations de l'idéal.

Berdiaev fait état de cette particularité et note que:

La pensée russe fut toujours préoccupée de changer la réalité. La notion de connaissance sera toujours liée à une transformation. Dans leur élan créateur, les Russes vont chercher une vie parfaite, et non pas seulement des œuvres parfaites [2, p. 36].

Ces projets de «vie parfaite» furent divers. Par exemple, les philosophes de la «nouvelle conscience religieuse» conçurent le projet d'une renaissance de la Russie en tant que «communauté chrétienne» (Dimitri Merejkovski), «union politique chrétienne» (Serge Boulgakov), ou encore «anarchie théocratique» (Berdiaev), afin de résoudre les problématiques sociales de la Russie.

La philosophie russe attache beaucoup d'importance au problème de l'essence et de l'existence de l'homme, au sens de sa vie. Le problème de l'essence de l'homme a été abordé par les philosophes dans sa dimension spirituelle et morale, à travers l'étude du monde intérieur de la personne. À leurs yeux, l'essence de l'homme «ne saurait être que spirituel[le], soutien interne de la liberté de l'homme, ne pouvant découler de la nature et de la société ni de ce qui est extérieur à l'homme» [2, p. 145]. La philosophie russe a également posé les problèmes de la valeur intrinsèque de l'homme, de sa liberté, tout en reconnaissant l'imperfection de sa nature, la présence de principes irrationnels en lui. C'est dans le cadre d'un compagnonnage fraternel entre la philosophie, d'une part, et les arts, en particulier la musique, d'autre part, qu'ont été élaborés les problèmes du potentiel créateur de l'homme, du monde de ses émotions, de ses idéaux esthétiques.

L'œuvre du compositeur et penseur russe Alexandre Scriabine est tout à fait révélatrice à cet égard. L'univers de Scriabine ne se réduit pas à sa dimension musicale, on y trouve de nombreux instruments (aussi bien philosophiques, qu'esthétiques ou scientifiques) de connaissance et de description de la réalité. Scriabine rêvait d'une nouvelle humanité, de la naissance d'un nouveau monde qui serait l'accomplissement de l'histoire du cosmos, ce qui le poussa à étudier le réel en profondeur, à rechercher très sérieusement et de façon systématique la vérité. D'où son intérêt pour la philosophie. Scriabine était l'artiste russe typique du début du XXème siècle: son enthousiasme frénétique, ses idées de grande envergure, son attrait passionné pour les solutions radicales – sont autant de points communs entre lui et les autres chercheurs de vérité en Russie. L'œuvre philosophique de Scriabine ne manquait pas de sources d'inspiration, aussi bien dans la culture russe – l'anthropocosmisme de Berdiaev, Soloviev, ou Fiodorov, le symbolisme d'Andreï Biély ou Viatcheslav Ivanov – que dans la pensée philosophie européenne (Nietzsche, Fichte, Schopenhauer), dans la théosophie d'Helena Blavatsky ou encore dans la philosophie indienne ancienne. Pourtant, nous avons affaire chez Scriabine à une philosophie autonome dans laquelle les idées de l'Orient et de l'Occident sont interprétés d'une manière propre au compositeur et tout à fait novatrice pour son époque.

Nous étudierons ici les sources immédiates de sa pensée, analyse qui nous permettra d'exposer non seulement son style de pensée, mais aussi son système philosophique en général: les lettres et les notes du compositeur, publiées dans le tome 6 des *Propylées russes*, rédigées sous la forme de notes quotidiennes. La majorité d'entre elles n'a pas été détaillée et nécessitait un travail de déchiffrement dont nous nous sommes chargés dans le cadre de cette étude. Celle-ci s'appuie également sur les souvenirs des contemporains de Scriabine et les livres contenant des extraits de sa correspondance et de ses prises de parole (Ivanov, Ivan Lapchine, Boris Pasternak, Léonid Sabaneïev, Boris de Schloezer etc.)

L'ontologie d'Alexandre Scriabine

Le principe absolu du monde selon Scriabine est le **Néant**. Le compositeur emprunte ce concept à la philosophie indienne de la période védique. Ce principe est Néant, dans la mesure où il n'est pas quelque chose, il n'est rien de déterminé, ni un être limité, car il est au-delà de toute détermination et libre de tout. Il est le Néant et le Non-être dont provient l'Être: «Le néant, c'est la Béatitude, le Chaos, c'est Dieu» [3, p. 163]. Suivant en cela la tradition de la pensée religieuse indienne, Scriabine conçoit la création du monde comme un sacrifice divin: le monde est la transformation de la cause première. Dans la mesure où rien n'est ni peut être en dehors de Dieu, qui est absolument indépendant, tout être déterminé ne peut advenir que par un acte d'autodétermination de l'Absolu.

Dans l'*Acte Préalable*, on trouve cette description de la naissance de l'Univers:

Encore une fois l'Incréé veut
Que vous connaissiez la joie de la création
Encore une fois l'Infini veut
Se reconnaître dans le fini
Ô la vie ! S'embrace
Ta divine lumière,
L'Univers est en train de naître [3, p. 202].

Au terme de cet acte divin, apparaît l'Un, au sein duquel est créé tout ce qui vit. L'Un irradie à travers le monde entier tout en ne s'y épuisant pas et en demeurant en dehors de lui. Scriabine concevait l'Univers comme une réalité supérieure, aussi bien immanente que transcendante, comme un seul tout organique. Aussi affirme-t-il: «L'Univers est l'Unité..., l'intégralité du tout... l'être dans son ensemble et en tant que tel: Dieu» [3, p. 202].

L'Unité en état d'activité est le multiple. L'Un ne s'oppose pas au multiple, comme à une réalité qui lui serait extérieure, il imprègne le multiple, sans lequel il ne pourrait pas être réel, se déployer, et resterait un être purement potentiel, inapparu – un Néant. Scriabine écrit encore:

«Sans la multiplicité réelle, il n'y a pas de vie. Les conditions de la vie sont l'Unité et le multiple (réel).» [3, p. 147].

L'Un de Scriabine est la mesure de l'être de toutes choses, la mesure de leur importance. C'est le sens immanent à l'ensemble du multiple, du temporel. La multiplicité est nécessaire à l'Un pour que se réalise le rapport de l'un à l'autre en tant qu'acte, pour que le réel existe en tant que système d'actions et la réalité en tant que résultat de ces dernières. L'influence de Vladimir Soloviev apparaît clairement dans la métaphysique de Scriabine: sa doctrine de l'Absolu conçu comme «Unitotalité», la production par l'Absolu de son «autre» est nécessaire au principe divin lui-même, à l'Un, afin que «les êtres multiples reçoivent leur spécificité réelle, sans quoi la force de l'unité divine, ou amour, ne pourrait se manifester en rien» [4, p. 114]. Chez Scriabine, l'Un possède l'autodétermination et l'autodifférenciation, c'est-à-dire une personnalité et une conscience. Dans ses notes philosophiques, il écrit: «Dieu – sa personne – est l'organisme unitotal de l'univers» [3, p. 189].

L'autodifférenciation de l'Un est sa conscience, qui n'est pas conscience d'une forme déterminée, mais Conscience Universelle inhérente à toutes ses formes. La conscience est inséparable de l'Un en tant qu'elle est son essence réelle: «Dieu est la Conscience Universelle... L'Un traverse une multitude d'états de conscience» [3, p. 147].

Comme dans la philosophie védique, la conscience chez Scriabine, étant l'essence de l'Un, ne dépend pas du monde matériel. Au contraire, l'Un est la Conscience Universelle qui par soi-même se donne l'existence et se découvre ; et chaque objet du monde

matérielle est une forme de l'Être-Conscience dans son auto-dévoilement. L'Univers réside dans la «conscience en général», il «forme avec elle une sorte d'unité» [3, p. 185]. Pour le compositeur, ni l'apparition du monde, ni son évolution ne se conçoivent en dehors de la conscience. Cependant, avant l'apparition de la conscience, le monde n'est pas absent absolument parlant, mais précisément en tant que monde **conscientisé**. Il n'existe pas, au sens où nul ne le connaît, ni ne le comprend, car connaître le monde signifie le créer:

«Toi, savoir, premier rayon de lumière de ma conscience divine, illuminant jusqu'à ce jour l'errance aveugle et, par là-même, la créant...» [3, p. 158]. Le compositeur fait de la conscience le principe suprême «reliant les faits isolés de l'expérience en un monde unifié», apparaissant comme une série d'états «d'une seule et même Conscience Universelle» [3, p. 185-186].

La vie de l'Esprit se trouve dans l'Un. L'Un est l'Esprit qui engendre. On peut mettre en parallèle cette idée avec ce qu'écrivait Nikolai Berdiaev:

La négation de la réalité du monde spirituel est généralement liée au fait qu'on le pense comme une essence métaphysique substantielle, comme une réalité matérielle objective. Or la substance est une monade limitée et close sur elle-même [5, p. 192].

Chez Scriabine, l'Esprit est pensé aussi bien comme activité que comme mouvement créateur, et ne saurait être assimilé à la notion de substance. Cette dimension actualiste persiste tout au long de son travail philosophique. Pour Scriabine, il existe un acte, un «courant universel d'activités reflétant la substantialité de l'être» [6, p. 192]. On constate ici une évidente proximité entre les idées de Scriabine et celles de Berdiaev qui affirme que Dieu est Esprit, et que l'être est acte et non substance, mouvement et non repos immobile, vie et non objet.

Scriabine n'élabore pas de concept de l'Esprit en tant qu'attribut de l'Un, dans la mesure où toute qualité attribuée à un sujet est pour lui une limitation. C'est ce qu'affirmait déjà Spinoza dans cette formule: «Toute détermination est une négation» [7, p. 365]. On ne peut, dans les écrits philosophiques de Scriabine, que saisir au vol des signes de l'Esprit: liberté, activité créatrice, amour, union avec le monde divin. La liberté qui s'élève vers le Chaos préexistant à l'Être est l'un des principaux signes de l'Esprit. La liberté est l'exode de la vie elle-même à partir de quoi se détermine l'être.

Dans le *Poème de l'extase*, Scriabine décrit poétiquement la vie de l'Esprit:

Esprit joueur
Esprit désirant...
Je demeure déjà en toi
Ô, mon monde !...
Par le désir interdit
D'une liberté divine... [3, p. 192, 199].

L'interprétation de l'Esprit comme liberté chez Scriabine est évidemment très proche de la pensée de Berdiaev: «L'esprit est liberté. L'esprit ignore toute extraposition, il ne connaît rien des réalités objectives, de la recherche illusoire, chimérique de la liberté dans le seul monde naturel» [5, p. 87].

Tout comme Berdiaev, Scriabine considérait la liberté comme l'un des premiers stades de la dynamique de l'esprit, comme l'un des moments du mystère de l'esprit, de la primovie. Ce processus a lieu dans les profondeurs secrètes du monde spirituel. La liberté de l'esprit est prioritaire par rapport à l'être qui apparaît déjà comme disharmonie et stase. L'esprit, selon Scriabine, est une brèche dans le monde matériel disparate, c'est le dynamisme, la création, l'envol:

L'esprit prend son envol
Vers la sphère du chagrin et de la souffrance...
Dans cet envol
Divin
L'esprit se connaît soi-même
Par la puissance de sa volonté
Une et libre... [3, p. 196-197].

Pour Scriabine, l'être lui-même est le résultat de l'activité de l'Esprit, qui constitue l'une des formes de manifestation de l'Un dans l'être. Il écrit dans son journal:

«Tout est uniquement activité de l'esprit» [3, p. 143]. L'esprit se réalise dans le monde matériel comme force créatrice, inséparable de l'Un, produisant tout ce qui vit: «L'essence de l'esprit... est essence créatrice, elle est désir d'activité et de repos, d'éternel renouvellement, produisant équilibre, harmonie, justice» [3, p. 173].

Grâce à l'Esprit, l'Univers-Conscience crée le monde des phénomènes. Par conséquent, l'Esprit selon Scriabine est un acte créateur cohérent, la cause du devenir créateur du monde. L'activité de l'Esprit est un jeu divin: «il est tout entier l'ivresse sacrée de son jeu divin» (*Acte préalable*) [3, p. 229]. Ces idées sont manifestement des emprunts à la mythologie et à la philosophie indienne. Dans le Rig-Véda, par exemple, le déva Indra se manifeste sous différentes formes grâce à des forces créant l'illusion (*Māyā*) [8, p. 342]. La Śvetāśvatara Upanishad affirme, quant à elle, que l'origine (*prakriti*) du monde réside dans la forme magique du dieu, grâce à laquelle il donne naissance, dans l'imagination, au monde et à tous ses étonnants objets [8, p. 432]. Scriabine emprunte également à la philosophie indienne le concept de *Māyā*, qui permet d'interpréter le monde comme le jeu divin de l'Esprit. Néanmoins, contrairement à l'interprétation indienne de la *Māyā*, qui n'est qu'apparence illusoire, limitation, finitude, apposée sur la réalité par ignorance, la *Māyā* de Scriabine exprime et conditionne la liberté et la joie de la vie, la cause du devenir du monde.

Dans le *Poème de l'extase*, voici comment l'artiste décrit le jeu de l'Esprit:

Il est tout entier enivré
De ce jeu
Libre, divin,
De cet amour, de ce combat [3, p. 194].

Il est possible que l'idée de jeu divin soit née chez Scriabine en partie sous l'influence de Nietzsche. Dans l'œuvre de Nietzsche, l'image héraclitéenne de l'enfant qui pose des pierres çà et là, fait des tas de sable, puis les renverse, devient un symbole du monde. Chez Nietzsche, le monde est créé par le jeu de la volonté du monde. L'enfant, l'artiste, la nature sont pris par le jeu et leur création est une répétition affaiblie du jeu cosmique [9, p. 30]. Pour Scriabine, le jeu est création de l'Esprit immanent au monde, le mode d'existence de l'être. On peut en déduire qu'à travers l'idée de jeu divin, Nietzsche et Scriabine tentent de confirmer cette intuition que la véritable liberté n'est possible que dans l'absence de finalité de l'être, dans le jeu. Scriabine a été guidé jusqu'au bout de sa démarche créatrice par la «conscience de l'absence de finalité et du libre jeu... l'ivresse de la liberté» [3, p. 184]. Le biographe du compositeur, Boris de Schloezer, rapporte qu'à la question du sens de la vie de l'univers, Scriabine répondait: «L'univers dans son ensemble doit reconnaître qu'il est un jeu, qu'il est à soi-même sa propre fin» [3, p. 193].

Tout acte de l'esprit est un acte créateur, possédant, selon Scriabine, deux aspects: l'un ascendant et l'autre descendant. Le mouvement descendant, c'est l'empreinte que l'esprit laisse dans la matière, la matérialisation. Le mouvement ascendant de l'esprit, quant à lui, s'accomplit dans son élan créateur, dépassant et triomphant du monde. Pour Scriabine, la matière n'est que le support de l'activité simple et de la manifestation de la création de l'esprit, servant de lien immédiat entre l'Un et ses formes d'existence. Nous avons déjà indiqué l'apparente ressemblance entre la conception scriabinienne de l'essence de la matière et la philosophie indienne de la période védique. Néanmoins, le Védanta montre l'opposition existant entre l'existence terrestre contingente et la conscience spirituelle sublime ; il établit l'incompatibilité de la vie dans la *Māyā* avec la concentration de l'esprit dans la vie pieuse du Brahmane [8, p. 372]. Chez Scriabine, en revanche, la matière engendrée par le jeu divin qui illumine le monde, est seulement «l'obstacle que l'Esprit s'oppose à lui-même» [3, p. 184-185], pour atteindre un degré supérieur de perfection en dépassant et en triomphant de l'être naturel. Scriabine souhaite conquérir le monde matériel pour Dieu, et non pour sacrifier le pur Esprit à une Divinité lointaine et invisible.

L'Un est, selon Scriabine, le jeu de l'Esprit avec la matière au sein du devenir cosmique:

Le monde est création. Rien n'existe, rien ne se réalise: tout est jeu. Et ce jeu est la réalité la plus hautement réelle. Tout est... activité libre et une, et rien n'est en dehors d'elle. Elle-même est jeu [3, p. 137].

La vie tout entière est ce jeu de l'Esprit avec les manifestations de la matière. «Sans ce jeu, il n'existe pas de création au sens d'autoexpression de l'Esprit» [3, p. 173]. Cette idée de jeu divin, au sein duquel de nouvelles valeurs s'affirment, rend tout schéma métaphysique inconsistant: le monde sensible est le monde de l'esprit. Elle s'oppose à l'idée platonicienne d'une dualité ontologique selon laquelle le monde visible, accessible aux sens, n'est que la pâle copie, l'imitation de la réalité «véritable». Le dualisme métaphysique de Platon a trouvé un développement original dans la philosophie des symbolistes russes. André Biély et Viatcheslav Ivanov, par exemple, considéraient qu'on ne pouvait accéder aux profondeurs du monde naturel que par l'esprit, à la lumière de l'intelligence comme symbole de l'esprit [3, p. 31].

Pour Scriabine, la matière est le seul obstacle, la seule limite à l'œuvre de l'esprit, barrant la route à l'œuvre illimitée de l'univers. La vie elle-même est le lieu de la lutte, du devenir, la sphère de la manifestation encore inachevée de l'Absolu. Ici-bas, dans notre vie sur terre, dans ce corps matériel, nous pouvons, selon Scriabine, donner réalité à la grandeur transcendante de Dieu en transfigurant la matière. Ainsi écrit-il:

Toute l'histoire de l'humanité est une ascension...

L'activité est l'ascension de la vie...

La vie est libération par la lutte, par l'activité... [3, p. 162, 126].

L'activité créatrice de l'Esprit s'accomplit dans le monde matériel par le dépassement d'étapes et de finalités limités, dans une éternelle recherche de nouveauté et d'altérité. L'Esprit qui crée se dépasse lui-même, détruit ce qu'il était auparavant, s'efforçant constamment d'atteindre ce qu'il doit devenir. Dans le *Poème de l'extase*, Scriabine proclame:

L'uniformité,

Le ver du dégoût,

Consumme le sentiment.

Et l'Univers entier

S'écrie:

Du nouveau! du différent! [3, p. 196].

L'abolition du monde phénoménal, le désir d'unité et de cohésion constituent le retour à un monde de dignité et de sens. Ils donnent à l'homme un sentiment de responsabilité à l'égard du monde. On remarquera que le thème de la cohérence du devenir universel traverse presque toute l'œuvre de Nietzsche. On trouve chez lui, comme chez Scriabine, ce thème de la victoire de l'Esprit, de la volonté sur l'impuissance, le thème de l'ouverture de l'homme à la création de la vie. Cependant, la conviction de Scriabine selon laquelle «l'Univers est la seule activité libre» [3, p. 177] n'indique pas tant l'influence de Nietzsche qu'une vision irrationaliste typiquement russe propre à

l'artiste: l'être ne s'appréhende que dans la vie de l'esprit, que dans la plénitude de la vie. Chez Soloviev, par exemple, la transfiguration et l'état idéal du monde n'est en aucun cas le règne d'un pur esprit. Le contenu de l'idée n'a pas de valeur propre sans la matière, sans la chair ; le bien lui-même seraient incomplet sans elles. Transfiguration signifie ici spiritualisation de la matière, matérialisation intégrale de l'idée [11, p. 91]. Nikolai Fiodorov, qui fonda la théorie de la cause commune, était convaincu que le mal disparaîtrait si l'humanité apprenait à gouverner la nature, à gouverner sa force déraisonnable [12, p. 406]. Pour Scriabine:

L'Esprit doit épuiser sa capacité créatrice (contradiction), s'enivrer de sa création avant de revenir à l'état de repos [3, p. 162].

Par conséquent, le principe actif, créateur et libre – l'Esprit créateur – chez Scriabine intègre dans le jeu divin global la matière comme sa limite ; il s'élève en l'illuminant et en la transfigurant. Sans la matière comme sphère de résistance à l'Esprit, l'ascension vers l'Unité Divine serait impossible.

La gnoséologie de Scriabine

La connaissance qui s'accomplit dans la vie spirituelle comme événement au sein de l'être même, à l'intérieur même de sa lumière, est une condition indispensable à l'ascension de l'esprit. La pensée de l'artiste, créatrice autant que philosophique, se propose de découvrir la vérité comme chemin vers la vie. Il s'agit d'une connaissance intérieure, créatrice, de l'être, de ses profondeurs cachées, qui ne s'appréhendent pas au moyen de concepts logiques, mais dans la mobilité de la vie intérieure. La Conscience Universelle de Scriabine n'est pas la raison transcendante, se trouvant au fondement de toutes choses, de la philosophie occidentale, tandis que tout ce qui ne cadre pas avec cette raison est évacué comme un élément gênant et considéré comme pure invention ou comme construction humaine subjective [11, p. 75]. La pensée de Scriabine pose l'Un au fondement de toutes choses. Dans l'Un s'incarne tout ce qui vit. Par conséquent, il ne se trouve rien qui ne soit irradié par lui. Le compositeur construit ainsi sa pensée ontologique de l'Être et de la conscience en accord avec ce trait spécifique de la philosophie russe.

La doctrine de Soloviev, établissant que seule l'unité positive ou Unitotalité peut constituer l'entière et authentique vérité, a profondément influencé la gnoséologie de Scriabine. Pour Soloviev, «le véritable objet de la connaissance est l'Unitotalité qui possède l'être» [11, p. 93]. Aussi lit-on chez Scriabine: «Je connais le monde. Je connais l'Un (l'être en général) et le multiple réel (de l'individualité)» [3, p. 166]. L'analyse de la gnoséologie de Scriabine montre qu'elle diverge aussi bien de la théorie de la connaissance du rationalisme européen que des sagesses d'Orient. Elle est très proche, en revanche, de la définition de la connaissance du monde proposé par le symbolisme russe. En effet, les religions orientales (notamment indienne) invitent constamment l'homme à se soustraire au multiple, à toute forme pour s'unir à

Dieu. Cependant, la connaissance de l'Un, en son sens exclusivement numérique, dans sa seule unicité, est une semi-connaissance, dans la mesure où l'Un est le principe de toute multiplicité, ou, pour reprendre l'expression de Lossev, «*hen kai pan*, l'Un (le seul) et tout» [13, p. 212]. La tradition occidentale tend, au contraire, à concevoir l'unicité dans la multiplicité des formes et des individualité comme un ordonnancement purement extérieur.

L'Un de Scriabine, c'est l'être dans son ensemble, dans toute la multiplicité de ses formes. On trouve cette remarque dans son journal: «Le monde est multiple. Pourquoi ? Si quelque chose n'était qu'un, il serait le néant...» [3, p. 147].

À la différence des théories de la connaissance du rationalisme, la connaissance de l'Un, selon, Scriabine, c'est-à-dire la connaissance de Dieu, est un processus dynamique, ne s'achevant dans aucune des catégories figées et statiques de l'ontologie. C'est précisément dans le symbolisme russe que Scriabine trouve une méthode pour établir son approche de la connaissance du monde: la Divinité est un objet de connaissance illimité et inépuisable, accessible uniquement à l'expérience spirituelle sous sa forme d'expression symbolique. D'où une connaissance sans délimitations précises ni horizon assignable, ce qui n'est possible que dans le cadre d'un acte créateur, en reconnaissant la connaissance comme création.

L'Un lui-même possède, selon Scriabine, un seul attribut: la création, comme libre activité absolument libre. La création est égale à elle-même partout et en tout, dans toutes ses manifestations. Toute la variété du monde est découverte de l'activité de la création. La création tend à l'accomplissement, à la transformation de la matière, à la conquête de l'espace et du temps. L'essence de toutes ces choses, l'énigme du monde et sa forme motrice sont conditionnés par l'activité, par la création. Le monde selon Scriabine n'est rien d'autre que la création se découvrant elle-même. Ainsi lit-on dans ses carnets:

La création ne peut être expliquée par rien. C'est un concept supérieur car il produit tous les concepts. On ne peut expliquer la création avec des mots» [3, p. 136]. La connaissance n'est qu'une des manifestations de la création et le «matériau de la connaissance, c'est la pensée créatrice, l'expression créatrice [3, p. 168].

Connaître le monde, pour Scriabine, c'est connaître la nature de la libre création [3, p. 147]. La connaissance dans la philosophie de Scriabine présente un caractère cosmogonique. L'activité artistique de connaître suppose chez l'artiste connaissant une liberté sans laquelle la connaissance est impossible. Dans la connaissance, la liberté s'unit à la Conscience Universelle dans la mesure où «Dieu est la seule conscience intégrale – la libre création» [3, p. 175].

La connaissance n'est pas seulement le reflet de l'être, **c'est un acte créateur**, donc une **transformation** de l'être. Les idées de Scriabine font écho à celles du symboliste André Biély qui explique notamment que: «la gnoséologie libère le sujet

connaissant du temps et de la durée d'un point de vue théorique. La tâche de l'humanité est déréaliser pratiquement cette liberté, et cette tâche est réalisable dans le principe de la création des valeurs. Mais la théorie des valeurs est une théorie de la création» [14, p. 161].

On trouve, peu ou prou, dans les *Critiques* de Kant, dans la philosophie de Hegel, Fichte ou Schelling la formulation d'une définition de la connaissance par la création. Il n'est guère étonnant, à cet égard, que Fichte ait considérablement influencé les philosophèmes de Scriabine, comme en témoigne son ami le compositeur Boris Vogt. Ce dernier indique que l'idée de Fichte selon laquelle l'activité créatrice de l'homme est le principal signe de l'esprit «semblait à Scriabine tout à fait décisive, réformatrice» [15].

Mais c'est la philosophie tardive de Nietzsche qui influença le plus directement Scriabine. Le lien est tout à fait clair: la justification de l'homme à travers la création et seulement à travers la création, telle est l'une des idées phares de la pensée de Nietzsche. Dans *Zarathoustra*, l'enfant, c'est-à-dire l'esprit libre, est l'expression symbolique de la volonté créatrice de l'homme: Oui, pour le jeu divin de la création, ô, mes frères, il faut une sainte affirmation: l'esprit veut maintenant sa *propre* volonté, celui qui a perdu le monde veut gagner son *propre* monde» [16, p. 36].

Néanmoins, c'est encore la vision russe des profondeurs secrètes et irrationnelles du cosmos, appréhendées au moyen de la force créatrice de l'imagination, qui se reflète le plus clairement et avec la plus grande constance dans la gnoséologie de Scriabine. Les idées de Vladimir Soloviev, sur le rôle de la création dans la vie de l'homme et de l'Univers et sur la réalisation par l'art de l'Unitotalité en tant que beauté absolue, ont eu une grande importance pour le compositeur [17, p. 745].

Dans le prolongement de ces réflexions, Scriabine écrit dans son journal: l'art commence là où est affirmé le primat de la création sur la connaissance, dans la mesure où la vie elle-même est création [3, p. 131, 175, 147]. Les conclusions du compositeur font écho aux idées de Biély lorsqu'il dit que la vie est une des catégories de la création et que «l'art est le principe de fusion de la vie» [14, p. 154]. De même, lorsque Berdiaev explique que c'est dans l'acte de création que l'homme devient l'égal de Dieu, car la création est le prolongement de la création du monde, on retrouve le sens que Scriabine donne à la religion de la Divino-humanité [18, p. 6]. Berdiaev dit d'ailleurs de Scriabine:

Je ne connais personne dans l'art contemporain qui soit animé d'un élan créateur aussi ardent, détruisant l'ancien monde pour en créer un nouveau [19, p. 6].

Ainsi, la connaissance de l'Un pour Scriabine supprime la cause se trouvant à l'origine de la finitude de l'existence humaine, dans la mesure où, dans la connaissance-crédation, le personnel et le supra-personnel se trouvent réunis.

L'amour et la création comme formes de connaissance du monde

L'amour est, pour Scriabine, le sommet de la connaissance. L'amour est le sommet de l'être et, sans lui, il est impossible d'accéder aux profondeurs de l'absolu ou d'atteindre une connaissance intégrale de l'être. L'amour, qui mène à la connaissance parfaite, vient en aide à la création Divine car l'activité libre signifie la réalisation dans une multiplicité d'individualités d'un seul amour voué à Dieu. Aussi lit-on dans le Poème de l'extase:

Dans la connaissance une,
Dans l'amour un
L'Esprit connaît
La nature de sa divine
Essence [3, p. 195].

L'histoire du monde est l'histoire de l'amour que Dieu porte à ses créatures et de l'amour joyeux que ces dernières portent à leur Créateur. «Dieu est amour», dit Scriabine [6, p. 222]. D'un côté, l'amour est le support de l'unité du monde, de l'autre, l'unité de monde et de Dieu est l'accomplissement de l'amour. L'amour et la création chez Scriabine sont le dernier mot de l'être, le mystère de l'Esprit [3, p. 157, 201, 227, 232]. L'esprit est liberté et l'amour est réunion, interpénétration des parties de l'être au sein de la vie Une et totale.

Scriabine affirme l'unité de l'homme en tant que Personne («Moi»), Amour et Éternité, lesquelles sont inextricablement liées dans l'acte créateur. L'amour, selon Scriabine, présente un sens éternel, pour autant qu'il est dirigé vers Dieu, il affirme son éternité par son énergie [3, p. 194-195]. Les intuitions de Scriabine présentent une grande proximité avec la doctrine chrétienne, selon laquelle le mystère de l'amour s'apparente absolument au mystère de la personne, à l'immersion dans le visage unique de l'autre, à la vision de ce visage en Dieu [5, p. 182].

L'amour est toujours une relation de personne à personne. L'immortalité, la résurrection, l'éternité de la personne sont autant d'exigences de l'amour, d'affirmation de la présence de l'être aimé en Dieu, c'est-à-dire dans l'Éternité.

Le biographe de Scriabine, Boris de Schloezer indique que si, dans ses jeunes années, le compositeur était surtout proche de la théosophie et des sagesse orientales, dans ses dernières années d'activité, il se tourne de plus en plus souvent vers le christianisme, attiré par l'idée de la singularité et de l'unicité de la vie de la personne, et par l'affirmation de la valeur de l'être concret individuel.

Boris de Schloezer écrit:

La personne c'est le Christ...avec le temps, la conscience de cette filiation se développe de plus en plus chez Scriabine [20, p. 61, 63].

Appréhendant la vie de l'Esprit comme liberté, création et amour, Scriabine place l'homme au centre de l'être dans sa philosophie. L'homme est un microcosme dans lequel l'univers entier se déploie, il

est appelé à jouer le rôle principal dans la vie du monde. C'est pourquoi l'homme ne peut avoir accès au contenu positif de la vie s'il ne dépasse pas les limites transcendantes qui le séparent de Dieu et du monde. L'homme est un être non seulement naturel, mais aussi spirituel, le point d'intersection de deux mondes. L'esprit et la vie spirituelle sont immanentes à l'homme et non transcendantes. La nature de l'homme, pour Scriabine, se ramène à son essence spirituelle. Si l'homme est semblable à Dieu, c'est précisément grâce à sa capacité de création [3, p. 186].

On trouvera dans l'histoire de la philosophie d'autres exemples d'interprétation de l'homme comme co-créateur, microcosme, s'élevant par la puissance de sa création au niveau de Dieu. Dans la philosophie occidentale, Fichte considère que le «Moi» individuel (empirique pour reprendre sa terminologie) est de même nature que le «Moi» absolu, universel que Fichte pose à la place de Dieu [21, p. 184]. Dans ses dernières œuvres, Nietzsche situe l'accomplissement de la finalité de l'humanité non pas dans une fin lointaine, mais au sein de ses représentants les plus éminents qui, par leur participation active au processus universel, subliment et illuminent la nature tout entière. La métaphysique de l'Unitotalité développée par Soloviev définit le mouvement ascendant, partant de la nature changeante de l'homme pour arriver à une essence intemporelle, absolue. Berdiaev décrit ce mouvement comme à la fois «cosmocentrique, capable de voir les énergies divines au sein du monde créé et tourné vers la transfiguration de l'homme», et «anthropocentrique... tourné vers l'activité de l'homme dans la nature et dans la société» [22, p. 235]. Cette aspiration est l'une des principales marques de fabrique de la philosophie russe. Elle est réinterprétée par différents artistes, à commencer par Scriabine. Le compositeur était fermement convaincu que l'homme portait en soi le cosmos tout entier et que son destin était lié aux idées Divines: «chaque homme contient l'univers» [3, p. 157], «il faut découvrir le sens cosmique de chaque expérience personnelle singulière, l'histoire du sentiment humain est l'histoire de l'univers» [23, p. 114].

Comme les symbolistes, Scriabine croyait fermement qu'il était dans la nature même de l'homme d'essayer de transgresser les limites imposées par son être limité, relatif, individuel, en vue de la liberté. Pour lui, cette conquête de la liberté, de l'être absolu, passe par la recréation de la culture elle-même au sein d'un nouvel être, par la création théurgique devant aider l'homme à traverser le tourbillon cosmique. En appréhendant la réalité comme un acte Créateur de l'Esprit, Scriabine affirme que l'artiste doit exprimer l'essence de la Conscience-Univers et, pour ainsi dire, la reproduire dans sa nature créatrice [15, p. 9].

«Je veux créer» est un leitmotiv des réflexions du compositeur. Il est l'auteur d'une philosophie où la création, le travail de l'artiste ne sont pas seulement un moment central, décisif, de l'essence de l'Univers,

mais surtout la principale force motrice de son évolution en vue de son accomplissement définitif.

Le Mystère chez Scriabine

En tant que représentant de la philosophie religieuse, Scriabine a élaboré une philosophie du mythe tout à fait originale. De Platon à Schelling, en passant par Plotin et Hartmann, les représentants de la pensée philosophico-religieuse s'appuient sur des mythologèmes. Platon, par exemple, dans le *Phèdre*, le *Banquet* ou le *Phédon*, fait du mythe un mode de connaissance.

Cette tradition a eu une importance considérable pour Scriabine. Dans la lignée de symbolistes, le compositeur associe la nature à celle du symbole. Selon Boris de Schloezer, Scriabine s'était donné pour mission d'«exprimer l'intuition... en symboles» [23, p. 114]. Du point de vue de l'artiste, le mythe figure la vie spirituelle de la matière, reliant symboliquement deux mondes [3, p. 162]. Scriabine s'efforce d'exprimer sous la forme du mythe, non pas la foi de l'homme dans le Divin, mais la vie Divine elle-même, la profondeur même de l'être au sein de l'expérience spirituelle. C'est ainsi qu'apparaît dans son œuvre l'idée du Mystère, constituant non seulement un tableau mythologique, mais aussi un style de pensée.

L'idée de Mystère est au centre de toute la vie artistique du Scriabine de la maturité et constitue son sens véritable. Elle est à la fois le principe d'unité de l'œuvre du compositeur et sa principale source de cohésion. Le Mystère demeure, chez Scriabine, inachevé, il n'existe qu'à titre de projet, mais ce projet, élaboré en détail par le compositeur, aussi bien dans ses écrits philosophiques que dans ses œuvres, est la clé de compréhension de sa philosophie.

L'idée du Mystère a vraisemblablement émergé pendant les années où Scriabine était ami avec Sergueï Troubetskoï (1904-1906) [10, p. 18]. Troubetskoï avait étudié très attentivement la philosophie des mystères antiques et leur avait consacré une section particulière dans son étude intitulée *La métaphysique en Grèce ancienne* (1889). En s'appuyant sur les traités et les monuments de la Grèce ancienne, Troubetskoï analyse en détail les rites cultuels et les mystères célébrés chaque année dans l'ancienne Hellade [24, p. 337].

Les Mystères étaient un itinéraire symbolique au cours duquel, en plus d'une préparation longue et difficile, les participants assistaient à des représentations théâtrales mettant allégoriquement en scène la pérégrination des mondes, les voyages de l'âme, la naissance de l'âme dans la matière, sa mort et sa résurrection. Seuls les initiés pouvaient prendre part aux mystères. On disait que l'initiation procurait l'immortalité, enseignait comme se sauver de la désolation éternelle du «séjour des mortels», offrait la vie dans la mort [25, p. 359-360].

Au XIXème – XXème siècle, Scriabine n'était pas le seul à éprouver les séductions de l'idée de Mystère. Nietzsche pensait la liberté comme dissolution dans un enthousiasme collectif éveillant l'homme à un acte

mystérieux, capable d'exprimer immédiatement la vie cosmique. Du point de vue de Nietzsche, Dionysos et son art sortent l'homme de son isolement, ils indiquent la voie conduisant au centre de la vie divine où l'âme humaine est entièrement transfigurée [9, p. 26]. André Biély, Vladimir Soloviev et Fiodor Sologub ont également décrit le «mystère panuniversel» comme l'accomplissement de la finalité de l'art religieux.

La musicalité du drame contemporain, lit-on chez Biély, leur symbolisme n'indiquent-ils pas l'ambition du drame de devenir un mystère?... Le mystère est un office divin... Le drame vient du mystère. Il est voué à y revenir... à transformer la vie elle-même en mystère [26, p. 105, 130, 143].

L'attrait exercé par cette idée, non seulement sur Scriabine, mais sur beaucoup d'autres artistes du début du XXème siècle, s'explique par toute une série de facteurs.

Premièrement, cette époque se caractérise par une forte tendance apocalyptique, une terreur mystique de la fin. L'idée d'apocalypse est présente dans la philosophie de Biély, Blok, Soloviev ou encore Vassili Rozanov. Dans son *Mystère*, Scriabine voulait figurer l'idée apocalyptique de la mort d'un monde obsolète.

Deuxièmement, la perception de la crise, du désordre de leur époque, suscitait l'ambition d'exprimer, ne serait-ce qu'au moyen de l'art et du mythe, l'unité et la cohérence de l'être. Tout comme Richard Wagner, Scriabine était à la recherche d'une forme artistique capable, au sein d'une synthèse des arts, de manifester la diversité et l'unité de la vie du Cosmos. Malgré tout l'intérêt qu'il portait à la musique de Wagner, Scriabine considérait cependant que le compositeur allemand se trompait en voulant poser au fondement de l'opéra la création d'une synthèse des arts [24, p. 337]. Scriabine en était arrivé à la conclusion que le syncrétisme des arts avait déjà disparu dans le drame grec antique et n'existait que dans des mystères chronologiquement antérieurs. Pour Scriabine, les mystères possédaient un sens religieux vivants et il rêvait de créer son propre mythe, au sein duquel la vie elle-même deviendrait une forme de création [14, p. 160].

Troisièmement, la conscience du caractère tragique de la vie individuelle dans le monde contemporain avait enfanté le rêve d'un mystère qui serait un acte artistique et religieux dans lequel la personnalité s'arracherait à son être individuel limité et parviendrait à un état d'unicité et de cohésion avec l'humanité entière et avec le Cosmos. Scriabine se sentait intérieurement semblable à l'univers dans son action créatrice et considérait la voie religieuse par laquelle l'homme acquiert l'être universel comme la seule voie efficace [3, p. 169, 170]. Il s'agit ici de fusionner son «Moi» avec l'Unitotal et de s'enraciner en lui. Les idées de Scriabine concordent avec celles de Soloviev, Semion Franck, Pavel Florenski, Sergueï Boulgakov et de toute une série de penseurs russes professant la métaphysique de l'Unitotalité.

Le *Mystère de Scriabine*, écrit Boris de Schloezer, était destiné à accomplir l'extase, la mort et la transfiguration de l'Univers [10, p. 179].

L'accomplissement, et non pas la représentation, et le caractère universel, suprapersonnel de cette fin constituent deux aspects décisifs dans le développement du *Mystère*. Le plan du mystère scriabinien peut se résumer de la manière suivante: l'histoire de l'humanité comme processus de différenciation et d'immersion progressive de l'Esprit dans la matière, l'inclusion de la nature dans l'esprit, la victoire sur la pesanteur, l'inertie, le morcellement du monde naturel et le mouvement retour vers l'unité [3, p. 114]. Il s'agit là d'un processus d'évolution et d'involution cosmique, abordé par Scriabine comme un processus exclusivement spirituel.

Le compositeur s'est passionné pour l'idée d'évolution en découvrant la théosophie à travers les travaux d'Helena Blavatsky (*Isis dévoilée* et la *Doctrine secrète*). Il était impressionné par l'entreprise universelle d'une synthèse religieuse, philosophique et cosmique. Comme en témoignent ses lettres et ses écrits, Scriabine n'a pas seulement lu, mais a étudié très sérieusement les livres de Blavatsky et d'Annie Besant, dans lesquels l'évolution est interprétée synthétiquement comme le déploiement cyclique de l'Absolu, mêlant l'Esprit créateur et la matière-substance, et où la manifestation de l'Esprit créateur s'opère par l'enrichissement maximal de soi-même et de sa conscience de soi [27, p. 547-548].

La théosophie a considérablement influencé le choix du thème principal du *Mystère de Scriabine*: une histoire des races humaines parvenant, au terme d'une évolution active, à l'Unité originare [28, p. 314].

L'évolution, selon Scriabine, est la croissance, le dévoilement et la découverte progressives du «Moi» supérieur et de son Esprit. On lit dans ses écrits philosophiques:

L'histoire de l'univers, c'est la croissance de la conscience humaine parvenue à une conscience divine intégrale, c'est l'évolution de Dieu (l'être en général) parvenu à la découverte de l'Absolu [3, p. 170].

L'évolution est définie comme «activité, éternelle insatisfaction, éternel effort, éternelle négation du passé» [3, p. 169]. Du point de vue de Scriabine, la vie se signale principalement par une «volonté d'expériences nouvelles» [3, p. 169], constituant l'essence du processus créateur de l'être. «Un organisme qui n'évolue pas, écrit Scriabine, c'est-à-dire qui ne recherche pas, consciemment ou inconsciemment, de nouvelles expériences, s'atrophie et finit par s'éteindre» [3, p. 169].

Dans le *Mystère*, tel que le conçoit Scriabine, le mouvement désordonné, tortueux, détourné de son orientation optimale, est remplacé par une évolution rapide, consciente et autonome, destinée à guider l'humanité, dans la mesure du possible, en ligne droite jusqu'à un but défini. Le compositeur note dans son journal:

L'histoire de l'univers est... une évolution sémelfactive... un mouvement simple, dirigé vers le foyer de la conscience illuminatrice universelle, Dieu, c'est un éclaircissement, une ascension...» [3, p. 183].

Scriabine explique qu'il serait faux, dans un certain sens, de donner un quelconque horizon final à cette évolution, qui pourrait tout à fait être infinie. On peut néanmoins se représenter une finalité, accessible à un Esprit libéré, et en particulier l'acquisition d'une puissance parfaite qui déploie cette finalité au-delà des limites de l'individu, la création d'une Humanité Divine.

Dans le *Poème de l'extase*, Scriabine décrit en détails les étapes de l'accession de l'humanité à la Divino-humanité: 1) Apparition du désir de créer, soit d'inconnu ; 2) Envol vers les hauteurs du refus créateur, création ; 3) Lutte de la volonté créatrice contre le doute et le désespoir ; 4) Libération par l'amour et la conscience de l'unité ; 5) L'Homme est Dieu. Conscience de l'absence de finalité, libre jeu, ivresse de la liberté [3, p. 183-184].

Pour Scriabine, le but du Mystère est la renaissance, la transfiguration en Dieu de l'humanité tout entière et du cosmos dans son ensemble: «Le but final – l'être absolu – c'est l'épanouissement de tout» [3, p. 171]. C'est là l'ultime étape où l'individualité humaine atteint son plein épanouissement et où devient possible la synthèse de l'homme et de Dieu. Scriabine explique: La plus parfaite synthèse est cette synthèse divine contenant, au dernier stade de l'être, tout l'univers en soi et lui permettant de s'épanouir harmonieusement... [3, p. 171].

La philosophie du Mystère reflète l'orientation cosmologique, évolutive des recherches philosophiques et scientifiques menées en Russie au début du XXème siècle par Soloviev, Fiodorov, Vladimir Vernadski, Constantin Tsiolkovski et bien d'autres. Il s'agit avant tout de rendre compte du caractère ascendant de l'évolution, de la croissance de la raison en elle et de reconnaître la nécessité d'une nouvelle étape consciente et active, laquelle recevra différentes dénominations de la «régulation de la nature» jusqu'à la «noosphère» (Vernadski), en passant par la «pneumatosphère» (Tsiolkovski). Pour les cosmistes religieux, dont Scriabine fut le représentant dans le monde de la musique, la finalité la plus haute du mouvement, la zone de transfiguration de l'être, a pour nom le Royaume de Dieu, le Royaume des Cieux. Un nouveau regard est porté sur l'homme, qui n'est pas seulement envisagé comme sujet biologique ou social, mais comme être en évolution, comme être cosmique. Qui plus est, ce n'est pas l'homme isolé, mais l'ensemble de la communauté formée par les êtres conscients, toute l'humanité réunie à travers ses multiples générations, qui est appréhendée comme le sujet de ce processus de transfiguration planétaire et cosmique. L'Âme du monde, la Sophia divine sont les archétypes idéaux de cette «humanité formant un tout unifié» (Sergueï Boulgakov).

Dans les projets conçus par Scriabine, l'Extase, dont l'expérience mène à une transformation intégrale du Cosmos, et, en lui, de l'humanité, est la finalité et le résultat de tout processus historique et cosmique:

L'extase est le sommet, le stade ultime... comprenant toute l'histoire de l'humanité... L'être absolu s'accomplit... au moment où s'achève la création divine, au moment de l'extase [3, p. 163].

L'œuvre de Scriabine opère une synthèse entre l'extase dionysiaque et l'extase chrétienne. D'un côté, il s'agit toujours de cet instant de bienheureuse libération, de destruction des chaînes de l'être souhaités par les orgiastes. Mais il y a une différence radicale entre la liberté appelée de ses vœux par Scriabine et celle recherchée par les orgiastes. La libération orgiaque est un moment de délitement, de destruction de la personnalité, c'est la liberté dans le Chaos, la victoire de l'élément amorphe sur la volonté individuelle organisatrice et déterminative. La libération désirée par Scriabine, quant à elle, ne consiste pas dans la destruction, mais dans la restauration et la renaissance de la personnalité. Dans l'extase, la personnalité éprouve immédiatement sa nature divine. Selon Scriabine, «le désir d'extase crée l'histoire de l'univers, c'est-à-dire la croissance de la conscience humaine jusqu'à devenir la conscience Divine» [3, p. 171].

Le compositeur aborde donc le problème de la personne, de son droit à créer, comme un problème religieux, en faisant appel aux motifs fondamentaux de la mystique chrétienne. Pour lui, la personne n'est pleinement transfigurée que dans son effort en vue de la dignité absolue, de la liberté absolue, droit qu'elle s'est acquis au cours de son devenir créateur. C'est précisément dans le christianisme «à la lumière de la Divino-humanité qu'est née la personne non seulement responsable devant Dieu, mais surpassant en valeur la possession du monde entier» [29, p. 41-42]. Selon Scriabine, la personne ne peut atteindre l'extase, c'est-à-dire la joie suprême de fusionner avec l'Univers, que grâce à sa capacité de création. L'Esprit de l'homme trouve dans l'envol, le jeu, la création libres, la seule possibilité de «s'épuiser totalement» [30, p. 23], de déployer sa divinité. Dans son livre sur Scriabine, Assafiev explique:

Le plaisir, le jeu, le caractère sacré de l'élan créateur et la création elle-même, envisagée comme fin en soi, comme manifestation de la libre volonté dans ce qu'elle a de plus aérien, telles sont les valeurs affirmées par le compositeur à la veille de la Grande Guerre et d'immenses bouleversements [30, p. 37-38].

Dans sa philosophie, Scriabine proclame, en effet, le caractère divin de l'œuvre de l'esprit humain. Son extase est la réalisation de l'idée de Dieu [3, p. 164]:

Je suis Dieu
Je suis le jeu, je suis la liberté, je suis la vie !
Je suis la limite, je suis le sommet...
Je suis l'efflorescence, je suis
La béatitude... [3, p. 142].

Il faut souligner que l'artiste, dont la conception du Mystère a été largement inspirée par la théosophie d'Helena Blavatsky, se sépare progressivement des principales idées des théosophes. Les contemporains de Scriabine, Kabloukov, Sabaneïev, Schloezer, indiquent que dans les dernières années de sa vie (1913-1915), entièrement consacrées à son travail sur le Mystère et l'*Acte Préalable* (une œuvre dramatique et musicale dont l'exécution devait constituer une préparation à l'accomplissement du Mystère), la rupture avec la théosophie devient manifeste [23, p. 113].

Cette divergence s'observe d'abord dans sa compréhension du processus de l'évolution. Pour le compositeur, le processus cosmique est semelfactif, l'Univers ne connaît qu'un seul cycle: il naît du Néant et vise, comme étant sa fin dernière, l'être absolu [3, p. 181, 183]. La théosophie, en revanche, fait état d'une multitude de cycles cosmiques dans l'espace et dans le temps: le «sport» du Brama ne connaît pas de fin, les manvantaras et les pralayas se succèdent dans des temps infinis. La théosophie ignore toute eschatologie, toute aspiration à la perfection Divine. Pour elle, il existe entre l'essence Divine et l'essence de l'homme «une évolution sans fin des mondes spirituels qui, au fond, constitue l'essence divine elle-même» [5, p. 178, 180]. Or, pour Scriabine, l'évolution instantanée qui se produit pendant le Mystère possède une finalité et un achèvement. On ne sera pas étonné de lire sous la plume de Berdiaev cette remarque à propos de Scriabine:

Il avait le sentiment que l'ancien monde était parvenu à son terme, il... était à la recherche d'une nouvelle terre et d'un nouveau ciel... il voulait créer un nouveau cosmos [31].

Pour Scriabine, l'histoire de l'Univers est l'histoire de la fin qui est en même temps la finalité et le moteur de l'évolution. Il crée ainsi une philosophie de la fin et de l'acte ecclésial devant accomplir la fusion de l'Esprit avec la matière et leur réunion avec l'Un.

Scriabine rejoint les cosmistes russes d'inspiration chrétienne comme Fiodorov, pour lesquels l'orientation du développement est le fondement de l'être. D'après leur prémisses (leur foi) ontologique, le monde doit avoir un commencement, être orienté ou recevoir une orientation consciente, et se diriger vers un point final qui, à son tour, diffusera les rayons concentriques du nouvel être (supra-vie et supra-conscience, Éternité).

Chez Scriabine, ce point suprême d'où procède l'être, le nouvel Univers transfiguré, c'est l'extase:

Sous la forme de la pensée, l'extase est le sommet. L'extase est la synthèse suprême. Sous la forme du sentiment, l'extase est la béatitude suprême [3, p. 171].

C'est pourquoi toute l'histoire de l'humanité est une ascension vers son stade ultime: l'extase. Dans le *Poème de l'extase*, l'artiste s'écrit:

Et l'Univers
S'exclame joyeusement:
Je suis! [3, p. 164].

Sur ces hauteurs divines prend naissance une nouvelle vague de création, d'autres mondes magnifiques [32].

On peut sentir l'influence de la philosophie indienne dans le concept scriabinien d'extase, au sens de catastrophe finale, de transfiguration de la chair par l'embrassement du monde, de disparition du multiple dans l'Un. Sa conception eschatologique d'un changement transcendant du monde et de la conscience rappelle, quant à elle, la philosophie de Hartmann et Schopenhauer, mais aussi la doctrine chrétienne de la fin du monde. Cependant, l'artiste donne à ces idées un aspect nouveau qui fait écho à l'anthropocosmisme russe. Il rend à l'homme et à son activité sa signification royale et exclusive: l'Apocalypse est prédéterminée par tout le cours de l'évolution, mais non seulement l'homme peut l'accélérer, mais l'apocalypse ne peut avoir lieu qu'à travers l'homme:

La synthèse divine ne peut s'opérer que grâce à la conscience humaine, grâce à l'individualité suprême qu'est la conscience humaine, elle libère l'esprit des chaînes du passé et entraîne dans son divin envol créateur tout ce qui vit [3, p. 171].

Scriabine croyait que son rêve ne manquerait pas de se réaliser.

Il était de ceux, écrit Assafiev, qui avaient le désir et la volonté de faire advenir par leur œuvre le Royaume de l'Esprit plus tôt qu'il n'était destiné à se réaliser [32]. Son Mystère apparaît comme une entreprise de transformation de l'espace du monde individuel en Réalité universelle, au sein de laquelle la pensée créatrice de l'humanité deviendrait le centre d'un nouvel Univers, d'un «globe au rayon d'une grandeur infinie» [3, p. 164].

Le temple sphérique du Mystère et la synthèse supposée des arts sont comme les éléments d'un tunnel spatio-temporel permettant le passage de l'humanité vers les plus hautes sphères de l'être. Il est tout à fait compréhensible que les plans de Scriabine, en raison de leur envergure et de leur caractère global, n'aient pas pu être réalisés par un seul homme et dans le cadre d'une seule œuvre. Mais ce qui compte ici, ce n'est pas tant le résultat réel que le projet du compositeur en lui-même. Il faut garder à l'esprit que la musique, par sa nature même, ne permet qu'à un très faible degré de représenter concrètement les choses et les phénomènes. De plus, les concepts philosophiques, même les plus abstraits, ne peuvent pas toujours être adéquatement exprimés sous la forme de la pensée musicale. Scriabine en avait conscience et a recherché de nouvelles formes de pensée, ce qui n'a pas toujours réussi, loin de là. Dans la littérature scientifique des années 30-60, Scriabine était généralement accusé de formalisme. Nous avons essayé, au contraire, de montrer ici que la forme pour la forme était une vision profondément étrangère et inacceptable pour le

композитор. Les formes nouvelles auxquelles il est parvenu étaient exceptionnellement riches et constituaient des tentatives d'explication d'idées philosophiques d'une grande profondeur. C'est une tout autre question de savoir dans quelle mesure ces idées ont trouvé une expression musicale adéquate. Scriabine ne distinguait pas le fond de la forme, on trouvera bien davantage chez lui une contradiction entre ses ambitions et leur réalisation possible avec les moyens sonores de la musique.

Conclusions

Les positions philosophiques de Scriabine ont évolué avec le temps: il est parti de l'individualisme pour arriver à un acte ecclésial; il s'est efforcé d'atteindre un seul et unique but: l'unité de l'humain et du cosmique. L'idéologie de Scriabine est une théorie de l'unité et des moyens permettant d'y parvenir. La foi, professée par Soloviev et adoptée par les symbolistes, dans la force transfiguratrice toute-puissante de l'art devient fondatrice chez Scriabine.

Le rêve d'un art synthétique, ecclésial, théurgique, a donné à l'œuvre du compositeur sa dimension «universelle», son activisme spirituel qui outrepassa les limites du simple impact esthétique. Le Mystère était destiné à couronner les efforts de

l'artiste. L'accomplissement du Mystère signifiait la transfiguration du monde dans son ensemble, sa transformation en œuvre d'art. Il devait sauver de la dispersion définitive l'infinie diversité d'éléments en conflit les uns avec les autres en les menant à la fusion de tout en Dieu. C'est là pour Scriabine la finalité du devenir et de la dynamique universels.

Les cosmistes russes étaient convaincus que «l'humanité [était] vouée à devenir l'arme Divine pour sauver le monde» [33, p. 387]. Cette idée exprime indubitablement le sens de la philosophie de Scriabine. Aux errements tragiques de l'homme dans l'histoire, à l'impuissance tragique de l'humanité, le compositeur opposait une foi optimiste dans l'inévitable création par l'humanité ecclésiale d'un nouvel Univers, rempli d'harmonie et de beauté.

Scriabine évoque en ces termes sa vocation personnelle d'artiste-théurge:

L'œuvre et la vie de l'humanité doivent devenir l'œuvre et la vie de la nature tout entière, et avec elle du cosmos tout entier, non seulement le petit monde de notre planète, mais le cosmos tout entier, l'univers, doit devenir l'expression et l'incarnation de la musique de l'être [15, p. 16].

*Виктория Лезьер,
доктор философии, профессор;
Образовательная некоммерческая ассоциация
«Центр культуры и познания», Президент
Франция, Бриньоль*

ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ А.Н. СКРЯБИНА

Аннотация. В статье рассмотрены философские взгляды русского композитора А.Н. Скрябина (1871–1915). Автор статьи стремился показать идейные истоки философских взглядов А.Н. Скрябина, раскрыть философские идеи композитора, которые во многом определили темы и содержание его музыки. Скрябинский универсум не описывается только музыкальными характеристиками, в нем содержится разнообразие способов познания и описания реальности.

Мечты о будущем человечества, о рождении нового мира как завершении всего космического процесса побуждали Скрябина к глубокому познанию действительности, систематическому и основательному поиску истины. Отсюда особый интерес Скрябина к философии. Скрябин был типичным русским художником начала XX в: неистовая увлеченность, размах идей, страсть к радикальным решениям – все это роднит его со многими русскими искателями истины. Философское творчество Скрябина не избежало влияний: здесь и русский антропокосмизм Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, и символизм А. Белого, Вяч. Иванова, и европейская философская мысль (Ф. Ницше, И.Г. Фихте, А. Шопенгауэр), теософия Е.П. Блаватской, и древняя мудрость Индии. Тем не менее, мы имеем дело с действительно цельной и самостоятельной философией, в которой философские идеи Запада и Востока получили новую для своей эпохи, свойственную лишь художественному мышлению композитора, интерпретацию.

Автор обращается к тем источникам, анализ которых позволяет сделать выводы не только о способе мышления Скрябина, но и о его оригинальной философии. Это письма и записки композитора, опубликованные в шестом томе «Русских Пропилеев», которые он делал в форме дневниковых заметок. Большинство из них не было детализировано и нуждалось в определенной расшифровке, предпринятой нами в исследовании. Работа опирается на воспоминания о Скрябине его современников, а также на книги, где были опубликованы выдержки из его писем и высказываний (Вяч. Иванова, И.И. Лапшина, Б.Л. Пастернака, Л.Л. Сабанеева, Б.Ф. Шлецера и др.).

Ключевые слова: истоки взглядов А.Н. Скрябина, поиск истины, мышление А.Н. Скрябина, описание реальности, способ познания.

Literatur:

1. LOSSEV, Aleksej, *Filosofija. Mifologija. Kul'tura* [Philosophie. Mythologie. Culture], Moscou, 1991, p. 212.
2. BERDIAEV, Nicolas, *L'idée russe*, Maison MAME, 1969, p. 36.
3. Zapisi A. N. Skrjabina [Carnets de notes d'Alexandre Scriabine] in. *Russkie Propilei : Materialy po istorii mysli i literatury v 6 tomah* [Propylées russes : Éléments d'histoire de la pensée et de la littérature en 6 tomes], T. 6, Moscou, 1919, p. 163.
4. SOLOVIEV, Vladimir, *Čtenija o bogočelovečestve* [Leçons sur la divino-humanité], Saint-Pétersbourg, 1934, p. 114.
5. BERDJAEV, Nikolaj, *Filosofija svobodnogo duha* [Philosophie de l'esprit libre], Moscou, 1994, p. 30.
6. Cit. d'après ŠLECER, Boris, A.N.Skrjabin. *Monografija o ličnosti i tvorčestve* [Scriabine : sa personnalité et son œuvre], Berlin, 1925, p. 192.
7. Cit. d'après CHATTERJEE, Satischandra, DATTA, Dhirendramohan, *Indijskaja filosofija* [La philosophie indienne], Moscou, 1994, p. 365.
8. CHATTERJEE, Satischandra, DATTA, Dhirendramohan, *Indijskaja filosofija* [La philosophie indienne], op.cit., p. 342.
9. ASTVACATUROV, Aleksej, *Tri velikie knigi Fridriha Nicše* [Trois grands livres de Friedrich Nietzsche], Saint-Pétersbourg, 1993, p. 30.
10. ŠLECER, Boris, A.N.Skrjabin. *Monografija o ličnosti i tvorčestve* [Scriabine : sa personnalité et son œuvre], op.cit., p. 193.
11. LOSEV, Aleksej, *Russkaja filosofija* [La philosophie russe], in. LOSEV, Aleksej, *Strast' k dialektike* [La passion de la dialectique], Moscou, 1990, p. 91.
12. FEDOROV, Nikolaj, *Filosofija obščego dela* [Philosophie de la cause commune], T.1, Moscou, 1916, p. 406.
13. LOSEV, Aleksej, *Zhiznennyj put' Vl. Solovieva* [Le chemin de vie de Vladimir Soloviev], in LOSEV, Aleksej, *Strast' k dialektike* [La passion de la dialectique], op.cit., p. 212.
14. BELYJ, Andrej, *Teatr i sovremennaja drama* [Le théâtre et le drame contemporain], in BELYJ, Andrej, *Simvolizm kak miroponimanije* [Le symbolisme comme conception du monde], Moscou, 1994, p. 161.
15. FOHT, Boris, *Filosofija muzyka A.N. Skrjabina* [Philosophie de la musique de Scriabine].
16. NIETZSCHE, Friedrich, *Ainsi parlait Zarathoustra* (trad. Henri Albert), Société du Mercure de France, 1903, in *Œuvres complètes de Frédéric Nietzsche*, vol. 9, p. 36.
17. SOLOVIEV, Vladimir, *Kritika otvlečennyh načal* [Critique des principes abstraits], in SOLOVIEV, Vladimir, *Sočinenija*, Moscou, 1988, p. 745.
18. BERDJAEV, Nikolaj, *O naznačenii čeloveka* [De la destination de l'homme], Paris, 1931, p. 158.
19. BERDJAEV, Nikolaj, *Krizis iskusstva* [La crise de l'art], Moscou, 1918, p. 6.
20. ŠLECER, Boris, « Ot individualizma k Vseedinstvu » [« De l'individualisme à l'Unitotalité »], *Appolon*, 1916, n° 4-5, p. 61, 63.
21. NARSKIJ, I. S., *Zapadno-evropejskaja filosofija XIX v.* [La philosophie européenne du XIXème siècle], Moscou, 1976, p. 184.
22. BERDJAEV, Nikolaj, « Russkaja ideja » [« L'idée russe »], *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture* [La Russie et la culture philosophique russe], Moscou, 1990, p. 235.
23. Cit. d'après ŠLECER, Boris, *Zapiska o Predvaritel'nom Dejstvii* [Notes sur l'Acte préalable], in *Russkie Propilei* [Propylées russes], op.cit., T. 6, p. 114.
24. RUBCOVA, V.V. A.N. Skriabin [Alexandre Scriabine], Moscou, 1989, p.337.
25. USPENSKIJ, P. V., *V poiskah čudesnogo* [À la recherche du merveilleux], Saint-Pétersbourg, 1992, p. 359-360.
26. BELYJ, Andrej, *Formy iskusstva. Magija slov* [Les formes de l'art. La magie des mots], in BELYJ, Andrej, *Simvolizm kak miroponimanije* [Le symbolisme comme conception du monde], op.cit., p. 105, 130, 143.
27. BLAVATSKAJA, E. P., *Tajnaja doktrina* [La doctrine secrète], T. 2, Partie 1, Saint-Pétersbourg, 1991, p. 547-548.
28. SABANEEV, L. L., A. N. Skriabin [Alexandre Scriabine], Moscou, 1925, p. 314.
29. KARTAŠEV, A., *Reforma, reformacija i ispolnenije cerkvi* [Réforme, réformation et accomplissement de l'Eglise], 1916, p. 41-42.
30. ASAF'EV, Boris, *Skrjabin : opyt harakteristiki* [Scriabine : essai de caractérisation], 1921, p. 23.
31. BERDJAEV, Nikolaj, « Očarovanije otrazhennyh kul'tur » [« Séduction des cultures en miroir »] in *Birzhevye vedomosti* [La Gazette de la Bourse], 1916.
32. ASAF'EV, Boris, « Velikaja zhertva » [« Le grand sacrifice »], *Muzyka* [Musique], 1915, N° 220.
33. FEDOROV, Nikolaj, *Filosofija obščego dela* [Philosophie de la cause commune], in *Sočinenija* [Œuvres], T. II, Moscou, 1913, p. 387.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Американский и французский протестантизм – это две силы, которые фактически параллельно осуществляли свою миссионерскую деятельность во Вьетнаме в конце XIX – начале XX в., однако их судьба во вьетнамской культуре совершенно различна. В то время как американские миссионеры добивались успеха и играли все большую роль в создании протестантского сообщества, французским протестантам пришлось отступить, оставив свои позиции на землях, являвшихся французской колонией. В статье анализируются три основные причины, приведшие к потере влияния французского протестантизма на религиозную жизнь во Вьетнаме: 1) неблагоприятные для миссионерской деятельности социально-экономические условия, 2) ограниченный объект и неправильные методы проповедования, 3) слабость теологической аргументации. Изучение этого вопроса имеет первостепенное значение для решения проблем протестантского богословия в современном Вьетнаме и является интересным для современных религиоведов.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Евангелическая церковь во Вьетнаме, французский протестантизм, католицизм во Вьетнаме, Реформатская церковь Франции.

Говоря о протестантстве во Вьетнаме, отечественные исследователи главным образом имеют в виду роль американского протестантизма и в первую очередь – деятельность Христианского миссионерского альянса (ХМА). Наряду с американскими миссионерами французские протестанты также прилагали определенные усилия по созданию протестантского сообщества во Вьетнаме в конце XIX – начале XX вв. через деятельность Реформатской церкви Франции (Église Réformée de France). Однако судьба этих двух протестантских сил во Вьетнаме весьма различна. Если североамериканские протестанты постепенно завоевали себе достаточно прочное место, то французским последователям этого учения пришлось смириться с поражением и после 1975 г. уйти, не оставив никакого следа во вьетнамском обществе.

Несмотря на то, что деятельность французских протестантов во Вьетнаме была краткосрочной, и их усилия по распространению своей веры не увенчались успехом, однако они внесли свои краски в мозаику идеологической жизни Вьетнама конца XIX – начала XX вв. Более того, уроки и опыт, извлеченные из их поражения, возможно, имеют немалое значение не только для понимания развития протестантизма в последующие периоды, но и для решения религиозных вопросов в современном Вьетнаме. Именно поэтому изучение истории проповедования французского протестантизма на этом этапе и поиск причин его неудачи имеет актуальное значение и большую важность как с теоретической, так и с практической точек зрения. Это не только дает возможность воссоздать полную религиозную картину Вьетнама в конце XIX – начале XX вв., но и наводит на многие мысли касательно вопросов

богословия и культурного диалога протестантства во Вьетнаме в наши дни.

Этапы французского протестантского миссионерства во Вьетнаме, а также причины его неудачи до сих пор еще недостаточно изучены, или говоря точнее, это те проблемы, которым не уделялось должного внимания во вьетнамских исследовательских кругах. Основной причиной такого положения в первую очередь можно назвать то, что, с одной стороны, французское протестантство за свое короткое пребывание в Вьетнаме не оставило заметных следов во вьетнамской культуре, с другой – и материалов о деятельности французских протестантов здесь исключительно мало. Именно поэтому проблема оказалась фактически вне интересов исследователей, а анализ и оценка указанных факторов несомненно являются непростым делом.

Пастор Ле Хоанг Фу в своей работе «История протестантской церкви во Вьетнаме», которая считается самой полной историей протестантизма во Вьетнаме, не затрагивает этот этап, хотя он и дает довольно глубокий анализ духовной и религиозной жизни вьетнамского общества того времени [11, с. 84]. Первым серьезным и, можно сказать, единственным на сегодняшний день исследованием этой проблемы являются труды профессора До Куанг Хынг из Ханойского государственного университета. Основываясь на анализе некоторых материалов, собранных им во Франции, он приходит к довольно глубоким выводам о причинах неудачи французского протестантизма во Вьетнаме. В своей статье «Протестантизм во Вьетнаме: истоки, богословские особенности и религиозная жизнь он особенно выделяет две причины, приведшие к отступлению французского протестантства во Вьетнаме:

1) неблагоприятные социально-экономические условия для миссионерской деятельности французских протестантов как в самой Франции, так и в ее колониях в Индокитае; 2) ошибки в методах религиозной пропаганды [7, с. 53-70]. Однако для дальнейшего уточнения этого вопроса, на наш взгляд, необходимо добавить анализ его теологическо-религиозных аспектов. По нашему мнению, именно это является важной причиной неудачи французской протестантской церкви во Вьетнаме.

В настоящей статье прежде всего мы перечислим основные исторические события процесса распространения французского протестантского учения в конце XIX – начале XX вв. во Вьетнаме с тем, чтобы способствовать реконструкции участия французских протестантов в общей картине протестантизма во Вьетнаме. Затем на основе анализа изложенных событий мы постараемся найти ответ на вопрос, почему французские протестанты потерпели поражение в своих попытках религиозной пропаганды на территории индокитайской колонии самой же Франции.

Миссионеры Римско-католической церкви начали прибывать во Вьетнам в XVI веке [14, с. 146-150; 17, с. 6]. К XVIII веку католическая церковь получила мощное развитие и в определенной степени заняла довольно прочное, хотя и пока скромное место в духовной жизни вьетнамцев [16, с. 12-13; 17, с. 14-15]. При этом мировое протестантское сообщество пока не проявляло интереса к вьетнамским землям [11, с. 84]. С начала XVI века в Европе начинается реформаторское протестантское движение, а с начала XVII века протестантское учение начинает проникать во Вьетнам через капелланов или просто последователей – французских, голландских, английских купцов, заходивших во Вьетнам на торговых судах. Выдающимся последователем протестантизма в начале XX в. был Жан-Батист Шено (Jean Baptiste Chaigneau) [13, с. 163]. Он был французским морским офицером, одним из соратников императора Зя Лонга в усилиях вновь объединить страну и основать династию Нгуенов в 1802 г. [12, с. 84]. Это был период истории, когда на дом Нгуенов имели большое влияние миссионеры из Парижского общества заграничных миссий (Société des Missions étrangères de Paris), и поэтому появление в рядах советников Зя Лонга протестанта Ж.-Б. Шено было явлением довольно необычным.

С конца XIX в. Реформатская церковь Франции (главным образом представители кальвинистской деноминации) укрепляет свою миссионерскую деятельность в колониальных странах, в том числе во Вьетнаме. После подписания Договора о протекторате (Traité Patenôtre, 1884) императоры Нгуен признали протектора Франции над всей территорией

Вьетнама. Французские протестантская церковь направила своих пасторов во Вьетнам в качестве капелланов для протестантов, служивших в военных и административных учреждениях колониальной администрации в Индокитае. В 1894 г. в Хайфоне ими была построена первая в Индокитае протестантская церковь. Вслед за этим протестантские храмы и конгрегации появляются в Ханое, Сайгоне, Далате... Они успешно развиваются до марта 1945 г., до того момента, когда японские войска оккупируют Индокитай и захватывают французских граждан [11, с. 84; 15, с. 339].

Еще одним важным событием для французской протестантской церкви явилось создание в 1918 г. Миссии по изучению религиозной пропаганды в Индокитае (Étude préparatoire à la fondation d'une mission protestante française en Indochine). Три года спустя члены этой Миссии по главе с известным проповедником Полем Моне и двумя вьетнамскими проповедниками прибыли из Парижа в Ханой. В 1922 г., спустя лишь год после приезда во Вьетнам, эта Миссия создала Студенческое общество Аннама и Центр студенческой деятельности, который расположился в доме № 5 по улице Вонг Дык (в Ханое). Кроме того, начал выходить двуязычный франко-вьетнамский журнал – Bulletin du Foyer des Étudiants Annamites, – целью которого было привлечение молодой ханойской интеллигенции [4, с. 68; 6]. Однако отчасти из-за недостатка финансирования, отчасти из-за политических и правовых условий в Индокитае в июле 1925 г. Миссия прекратила свою деятельность. Это событие ознаменовало полное прекращение миссии французского протестантизма во Вьетнаме. В дальнейшем деятельность французских протестантов во Вьетнаме ограничивалась лишь работой пасторов в крупных городах (до подписания Женевских соглашений в июле 1954 г.), а также в Сайгоне и Далате до 30 апреля 1975 г. [6].

Можно сказать, что французскому протестантизму во Вьетнаме пришлось отступить и уступить место протестантизму американскому по целому ряду объективных и субъективных причин. По нашему мнению, основными причинами этого поражения были следующие факторы.

Во-первых, неблагоприятные для миссионерской деятельности социально-экономические условия. Можно сказать, поражение французских протестантов в проповеди своего учения в Индокитае имеет глубокие корни, связанные с историей и положением протестантизма в самой Франции. Протестантство появилось в Европе как оппозиция Римско-католической церкви, однако и на самом европейском континенте оно не смогло одержать верх. Протестантизм смог добиться победы, обеспечить свое развитие и занять самое важное

место в религиозной системе только в молодой и динамичной Америке.

Положение протестантизма издавна является сложной социально-политической проблемой во Франции, где католическая церковь была одной из величайших светских сил как в период до, так и после французской революции. В памяти французских протестантов неизменно живут воспоминания о «Столетней войне» и истории борьбы с реформацией [10, с. 87]. Несмотря на то, что после революции 1789 г. протестанты во Франции были признаны и гонения на них прекратились, они по-прежнему находились в меньшинстве и испытывали определенные опасения в сфере идеологии и теологии.

Недоверчивое отношение колониальных властей Индокитая к протестантизму было вполне понятным: «И именно на местах проповеди соперничество между католиками и протестантами иногда становилось ожесточенным» [3, с. 147]. Впоследствии подобное недоверие можно было наблюдать и в отношении американских протестантов: французские колонизаторы опасались, что американцы закрепятся здесь именно через деятельность своей конгрегации. Есть множество материалов, указывающих, что в 1915 г. французские колониальные власти запрещали миссионерам контактировать с вьетнамцами [4, с. 85]. Протестантские проповедники неизменно находились под подозрением, и немалое их количество было выдворено из страны [6]. Это легко понять, поскольку процесс завоевания Индокитая и установления здесь французского господства тесно связаны с ролью и интересами Римско-католической церкви. Этим отчасти можно объяснить, почему на земле колонии, принадлежавшей французам, французские же протестанты так и не смогли найти благодатной духовной почвы, чтобы посеять семена своего учения.

Также следует добавить, что в деле пропаганды веры у протестантов Франции в частности и Европы в целом не было никаких преимуществ. В отличие от миссионерской истории Римско-католической церкви, центр которой всегда находился в Западной Европе, на протяжении истории протестантского миссионерства центр пропаганды учения менял свое расположение. В конце XVII века это была Европа, но затем очень скоро он переместился в Северную Америку [1, с. 169-170; 5, с. 1]. Хотя с конца XVII века, во время и после движения «Пробуждения» (Le Reveil) в Европе появилось множество миссионерских обществ, таких, как: Лондонское общество миссий (1795 г.), Норвежское общество миссий (1795 г.), Базельское общество евангелических миссий (1815 г.), Общество евангелических миссий в Париже (1822 г.), Берлинское миссионерское общество (1824 г.) и др., однако в начале XX в. Соединенные

Штаты взяли на себя половину миссионерских расходов, а в 1960 г. обеспечили две трети людских ресурсов для осуществления этой деятельности [10, с. 152; 9, с. 15].

Во-вторых, ограниченный объект и неправильные методы проповедования. Очевидно, что французская протестантская церковь вела свою деятельность целеустремленно и серьезно, достаточно продуманно развивая ее в начале XX в. Однако французские протестанты мало беспокоились о том, чтобы пропагандировать свое учение среди широких народных масс. Создание Студенческого общества Аннама, Центра студенческой деятельности и выпуск двуязычного франко-вьетнамского журнала вместо проповеди Евангелия населению ясно демонстрировали, что Поль Моне ориентировался на молодую интеллигенцию и, в первую очередь, – на студенчество, людей, получивших образование и способных наиболее быстро воспринимать новую, пришедшую из-за рубежа идеологию. Через культурные мероприятия Центра студенческой деятельности, например, продвижение латинизированной письменности «куокнгы», выпуск журналов и газет, популяризацию западной цивилизации и западного образа жизни он стремился помочь им познакомиться с деятельностью, в которой выражаются христианский дух и христианская мысль, проникнуться к ним симпатией и через это вовлечь их в протестантскую веру. Этот метод проповедования учения не дал больших результатов. Количество верующих было слишком мало.

С другой стороны, миссионерский план Поля Моне не был одобрен и многими французскими протестантами и даже его противниками. Это привело к расколу во французской Миссии по изучению религиозной пропаганды в Индокитае. Первым следствием этого было то, что Улисс Сулье (Ulysse Soulier), приехавший в Ханой вместе с Полем Моне в 1921 г., переехал в Бакнинь, чтобы читать проповеди и вести миссионерскую деятельность среди простого народа [6]. И, соответственно, все финансирование от протестантских организаций из Франции было перенаправлено на поддержку деятельности Сулье. Именно поэтому – отчасти из-за недостаточного финансирования, отчасти из-за отсутствия единства в миссионерской политике – Миссия Моне завершила свою проповедническую миссию во Вьетнаме [6].

Первый недостаток их методологии заключался в том, что они отделили евангельскую проповедь от практики. Кроме того, они не уделяли достаточного внимания подготовке проповедников, отдавая всю свою энергию на образование, выпуск газет и журналов, общественную деятельность, в основном, направленные на студенческие круги. Слишком ограниченный объект проповедования

наряду с методом распространения веры, не носившим прорывной характер, привели к более чем скромным результатам.

В-третьих, слабые стороны теологического аспекта французского протестантизма. Вьетнам – это страна, в которой сосуществуют многие религии и верования. Задолго до того времени, когда протестантизм проник во Вьетнам, буддизм, конфуцианство, даосизм имели здесь давнюю историю и уже стали местными религиями, в то время как католицизм пустил корни во вьетнамском обществе с XV в. и уже сформировал определенные религиозные общины. Французский протестантизм пришел во Вьетнам, в частности, в его северные провинции, в условиях в высшей степени неблагоприятных, и ему пришлось участвовать в острой конкуренции за поиск духовной почвы для распространения своей веры. Выбор Северного Вьетнама, а именно Ханоя, для начала распространения своего учения, с нашей точки зрения, был не самым мудрым решением французских протестантов. Это место на протяжении своей истории являлось столицей очень многих вьетнамских династий, это было место, где влияние местных религий на духовную жизнь народа было огромным, более того, замкнутая система деревенской и общинной культуры долины Красной реки стала бы значительным препятствием для любой новой религии, которая попыталась бы проникнуть в нее. В этом плане американские протестанты оказались мудрее, выбрав в качестве стартовой площадки для своей миссионерской деятельности город Дананг и центральные провинции Вьетнама.

Теологический конфликт протестантизма с местными религиями во Вьетнаме был неизбежен. С той же проблемой пришлось столкнуться и католической церкви при проникновении во Вьетнам. По мнению Ж. Буа (G. Bois), одного из ключевых деятелей Французской евангелической миссии, французские миссионеры в тот момент не до конца осознавали особенности культурных и религиозных традиций Востока, основой которых была «конфуцианская мудрость» (*Sagesse confucéenne*). Нравственность, образ жизни, семейные традиции – всё находилось под влиянием конфуцианской идеологической системы, а также буддийского и даосского учений. Он отмечал: «“Всепроникающий” дух Божий все же недостаточно силен, чтобы “уничтожить” эти местные верования. Именно поэтому, хотя католицизм пришел во Вьетнам еще в XVI веке, прошел несколько этапов проникновения, он только сейчас смог закрепиться здесь» [2, с. 86].

Придя во Вьетнам на четыре века позже католицизма, протестантизм встретил гораздо больше трудностей. Французским протестантам пришлось столкнуться не только с сопротивлением со стороны коренных религий, конкурировать с католиками, но и противостоять новому вызову –

марксизму, быстро развивающейся доктрине, чрезвычайно популярной не только в среде интеллигенции, но и среди рабочего класса в начале XX в. Марксизм с его идеями общественной собственности и коллективной экономики действительно становится духовным противовесом христианским идеалам» [2, с. 86]. Это тот фактор, который практически не затрагивают исследователи, в том числе при изучении отношений между католичеством и местными верованиями.

Пастор Ле Хоанг Фу дает довольно тонкие замечания о слабостях французских священников: «Первые представители протестантского духовенства во Вьетнаме обнаружили религиозных людей, которые всегда жаждали узнать новые понятия из области метафизики и этики, чтобы противостоять быстрым переменам, происходившим в современном обществе. Благодаря этой относительной открытости души и ума, встречи между практически всеми верующими – представителями [разных] религий были теплыми и дружелюбными, особенно в первые 20 лет присутствия здесь протестантства» [11, с. 82]. Это очень тонкое замечание французских протестантских миссионеров об открытости и восприимчивости вьетнамской культуры к новому. Однако французы увидели только один аспект проблемы. Они забыли о том, что Римско-католическая церковь на протяжении довольно длительного времени получала как раз решительный отпор со стороны местных религий и верований и находилась с ними в серьезном конфликте. Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) также тщательно изучал направления богословской и проповеднической деятельности Французской евангелической миссии по полученным им официальным документам Миссии. Он считал, что французские протестантские проповедники абсолютизировали универсальность Откровения, спасения человека, тогда как для народов Юго-Восточной Азии истина может присутствовать во многих идеологических системах и религиях. Более того, «когда Индокитай находился под господством колониализма, здесь не могло быть настоящего христианского сообщества» [8, с. 6]. В такой религиозно-духовной ситуации французский протестантизм явно не имел необходимой подготовки и не мог совершить прорыва в богословии и миссионерских методах привлечения верующих. Минимальные пропагандистские материалы ни в коей мере не освещали революционный характер теологии протестантизма, который выражался тремя главными лозунгами: «Есть только Иисус» (*Dieu seul*); «Есть только Библия» (*L'Écriture seul*) и «Спасение только как благодать» (*La grâce seul*) – основные идеологические особенности протестантизма [18, с. 8]. Работа по популяризации Библии, протестантскому богословию, а также перевод Библии на

вьетнамский язык, перевод и написание работ по богословию, евангелизации выполнялись только силами Христианского миссионерского альянса. По нашему мнению, это является основной причиной неудачи французских протестантских миссионеров в их попытках создать сообщество сторонников своей веры во Вьетнаме в начале XX в.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что события начала XX века в Индокитае показывают «отчаянные усилия» Французской евангелической миссии по поиску своего места в духовной жизни вьетнамского народа. Столкнувшись со сложными историческими условиями, будучи недостаточно подготовленными в теологическом плане и обладая ограниченными методами евангелизации, французские протестанты были вынуждены завершить свою миссию по распространению веры во Вьетнаме и уступить место протестантам американским. Французские протестанты признали, что «Если Господь захочет, Христианский миссионерский альянс (ХМА) продолжит нашу миссию...» [2, с. 83].

Литература:

1. Bauberot J. Histoire du protestantisme. Paris: Presses universitaires de France, 2006. (translated to Vietnamese by Tran Sa. Hanoi: The gioi, 2006). – 190 p.

2. Bois G. Histoire des Missions en Indochine et les Protestantismes français. Avignon: French Protestant Church, 1952. – 88 p.

3. Delumeau J. Le Fait religieux. Paris: Payard, 1994. – 782 p.

4. Đỗ Hữu Nghiêm. Phương pháp truyền giáo của Tin Lành giáo tại Việt Nam. Sài Gòn: Viện Đại học Sài Gòn, 1968. – 319 tr. (*До Хью Нгьем. Методы евангелизации во Вьетнаме. Сайгон: Сайгон университет, 1968. – 319 с.*)

5. Đỗ Quang Hưng. Đạo Tin Lành ở Đông Bắc Á: Những kịch bản giải quyết xung đột với văn hóa bản địa // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2013. № 5 (177). Tr. 60-71 (*До Куанг Хынг. Протестантизм в Северо-Восточной Азии: проблема решения конфликтов с коренными культурами // Социальные науки. 2013. № 5 (177). – С. 1-13.*)

6. Đỗ Quang Hưng. Đạo Tin Lành ở Việt Nam, một cái nhìn tổng quát. Ban Tôn giáo Chính phủ. Ban Tôn giáo Chính phủ. [Tài nguyên số]. URL: <http://btgcp.gov.vn/> (ngày tra cứu: 12.12.2017) (*До Куанг Хынг. Протестантизм во Вьетнаме: общий анализ [Электронный ресурс] : Правительственный комитет по делам религий. – Дата обращения: 12.12.2017.*)

7. Đỗ Quang Hưng. Đạo Tin Lành ở Việt Nam: Nguồn gốc, những đặc điểm thần học và đời sống tôn giáo // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2010. № 10 (146). Tr. 53-70. (*До Куанг Хынг. Протестантизм во Вьетнаме: происхождение, богословские особенности и религиозная жизнь // Социальные науки. – 2010. – № 10 (146). – С. 53-70.*)

8. Đỗ Quang Hưng. Hồ Chí Minh và đạo Tin Lành // Tạp chí Khoa học Xã hội thành phố Hồ Chí Minh. 2013. № 5(177). Tr. 1-13. (*До Куанг Хынг. Хо Ши Минь и протестантизм // Журнал социальных наук города Хошимина. – 2013. – № 5 (177). – С. 1-13.*)

9. Edward R. Dayton. Mission Handbook: North American Protestant Ministries Overseas, 11th ed. Monrovia, Calif.: MARC, 1977. – 645 p.

10. Jean Baubérot, Valentine Zuber, Une haine oubliée. L'antiprottestantisme avant le pacte laïque. (1870-1905), Paris: Albin Michel, 2000. – 332 p.

11. Lê Hoàng Phu. Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911 – 1965). Hà Nội: Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010. – 428 tr. (*Ле Хоанг Фу. История Евангелической церкви Вьетнама (1911–1965). Ханой: Религия, 2010. – 428 с.*)

12. Phạm Văn Sơn, Việt sử Tân biên, Vol. IV. Sài Gòn: Khai Trí, 1951. – 498 tr. (*Фам Ван Сон. Вьет Сы Тан Биен (История Вьетнама: новые заметки. Ханой: Хайчи, 1951. – 498 с.)*)

13. Trần Trọng Kim. Việt Nam sử lược. Hà Nội: Trung Bắc Tân Văn, 1920. – 252 tr. (*Чан Чонг Ким. Краткая история Вьетнама. Ханой: Трунг Бак Тан Ван, 1920. – 252 с.*)

14. Католическая энциклопедия. Вьетнам. Т. 1. Москва : Францисканцев. – 2002. – 976 с.

15. Нгуен Хонг Зыонг. Религиозная политика государства и компартии Вьетнама в период обновления. Вьетнамские исследования. Выпуск 7. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 329–347.

16. Новакова, О.В. Первые христианские общины во Вьетнаме (XVII в.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2011. № 6. – С. 12–22.

17. Новакова, О.В. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: на примере Индонезии, Вьетнама и Японии (XVI-XVII вв.) / Новакова О.В. Симонова-Гудзенко Е.К., Ульянов М.Ю. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 3. – С. 5–20.

18. Смирнов, М.Ю. Реформация и протестантизм : Словарь. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2005. – 194 с.

THE MAIN REASONS FOR THE FAILURE OF FRENCH PROTESTANTISM IN VIETNAM IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. American and French Protestantism are two forces that actually carried out their missionary activities in Vietnam in the late 19th and early 20th centuries, but their fate in Vietnamese culture is completely different. While American missionaries were successful and played an increasing role in the creation of the Protestant community, the French Protestants had to leave their positions on the lands that were the French colony. Based on the presentation of the most important religious events of the French Protestant Church in Vietnam, in this article analyze three main causes of the failure of French Protestantism: 1) unfavorable socio-economic conditions missionary activity, 2) limited object and wrong methods of preaching, 3) weakness of theological argumentation. This has important implications for solving the problems of Protestant theology in Vietnam nowadays.

Keywords: protestantism; missionary; The Evangelical Church; Vietnam, French Protestantism, the Gospel, the Reformed Church of France.

References:

1. Bauberot J. Histoire du protestantisme. Paris: Presses universitaires de France, 2006. (translated to Vietnamese by Tran Sa. Hanoi: The gioi, 2006) – 190 p. [in Vietnamese].
2. Bois G. Histoire des Missions en Indochine et les Protestanties francais. Avignon: French Protestant Church, 1952. – 88 p. [in French].
3. Delumeau J. Le Fait religieux. Paris: Payard, 1994. – 782 p. [in French].
4. Do Huu Nghiem. Phuong phap truyen giao cua Tin Lanh giao tai Viet Nam. Sai Gon: Vien Dai hoc Sai Gon, 1968. – 319 tr. (*Do Khyu Nghiem. Metody evangelizatsii vo V'etname. Saygon: Saygon universitet, 1968. – 319 p.*). [in Vietnamese].
5. Do Quang Hung. Đạo Tin Lành ở Đông Bắc Á: Những kịch bản giải quyết xung đột với văn hóa bản địa // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2013. № 5 (177). Tr. 60-71 (*Do Quang Hung. Протестантизм в Северо-Восточной Азии: проблема решения конфликтов с коренными культурами // Социальные науки. 2013. № 5 (177). p. 1-13.*). [in Vietnamese].
6. Do Quang Hung. Đạo Tin Lành ở Việt Nam, một cái nhìn tổng quát. Ban Tôn giáo Chính phủ. [Tai nguyên so]. URL: <http://btgcp.gov.vn/> (ngày tra cứu: 12.12.2017) (*Do Quang Hung. Protestantizm vo V'etname: obshchiy analiz [Elektronnyy resurs]: Pravitel'stvennyy komitet po delam religiy (data obrashcheniya: 12.12.2017).* [in French].
7. Do Quang Hung. Đạo Tin Lành ở Việt Nam: Nguồn gốc, nhưng đặc điểm than học vadoi song ton giao // Tạp chí Khoa học Xã hội. 2010. № 10 (146). Tr. 53-70. (*Do Quang Hung. Protestantizm vo V'etname: proiskhozhdenie, bogoslovskie osobennosti i religioznaya zhizn' // Sotsial'nye nauki. 2010. № 10 (146). p. 53-70.* [in Vietnamese].
8. Do Quang Hung. Ho Chi Minh và đạo Tin Lành // Tạp chí Khoa học Xã hội thành phố Ho Chi Minh. 2013. № 5(177). Tr. 1-13. (*Do Quang Hung. Kho Shi Min' i protestantizm // Zhurnal sotsial'nykh nauk goroda Khoshimina. 2013. № 5 (177). p. 1-13.*). [in Vietnamese].
9. Edward R. Dayton. Mission Handbook: North American Protestant Ministries Overseas, 11th ed. Monrovia, Calif.: MARC, 1977. – 645 p. [in English].
10. Jean Baubérot, Valentine Zuber, Une haine oubliée. L'antiprotestantisme avant le pacte laïque. (1870-1905), Paris: Albin Michel, 2000. – 332 p. [in French].
11. Le Hoang Phu. Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911–1965). Hà Nội: Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010. – 428 tr. (*Le Khoang Fu. Istoriya Evangelicheskoy tserkvi V'etnama (1911–1965). Khanoy: Religiya, 2010. – 428 p.*). [in Vietnamese].
12. Pham Van Son. Viet su Tan bien, Vol. IV. Sai Gon: Khai Tri, 1951. – 498 tr. (Fam Van Son. V'et Sy Tan Bien (Istoriya V'etnama: novye zametki). Khanoy: Khaychi, 1951. – 498 p.). [in Vietnamese].
13. Tran Trong Kim. Viet Nam su luoc. Hà Nội: Trung Bac Tan Van, 1920. – 252 tr. (Chan Chong Kim. Kratkaya istoriya V'etnama. Khanoy: Trung Bak Tan Van, 1920. – 252 p.). [in Vietnamese].
14. Katolicheskaya entsiklopediya. V'etnam. T. 1. Moskva : Frantsiskantsev. 2002. 976 p. [in Rus].
15. Nguen Khong Zyong. Religioznaya politika gosudarstva i kompartii V'etnama v period obnovleniya. V'etnamskie issledovaniya. Vypusk 7. – Moskva : IDV RAN, 2017. – 416 p. P. 329-347. [in Rus].
16. Novakova O.V. Pervye khristianskie obshchiny vo V'etname (XVII v.) // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2011. № 6. p. 12-22. [in Rus].
17. Novakova O.V. Pervye khristianskie obshchiny vo V'etname (XVII v. Novakova O.V., Simonova-Gudzenko E.K., Ulyanov M.Yu. Rol' pervykh evropeyskikh uchenykh i khristianskikh missionerov v razvitiy sovremennykh znaniy v stranakh Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii: na primere Indonezii, V'etnama i Yaponii (XVI-XVII vv.) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i Dal'nem Vostoke . 2017. № 3. S. 5-20.) // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2011. № 6. p. 12-22. [in Rus].
18. Smirnov M. Yu. Reformatsiya i protestantizm: Slovar'. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2005. – 194 p. [in Rus].

*Дымова Ирина Георгиевна,
кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ;
Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского,
заведующий теоретическим отделением факультета музыкального искусства
E-mail: i.g.dymova_80@mail.ru
Россия, г. Челябинск;
Чикина Екатерина Владимировна,
ДШИ № 12, преподаватель
Россия, г. Челябинск*

КАТЕГОРИЯ СВЕТА КАК ГЕНЕРИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ИЗОСИМОВА

Аннотация. В статье раскрывается категория «Свет» в контексте музыкального мышления Александра Изосимова.

Ключевые слова: свет, символика света, смысловая наполненность световых образов.

*Я благодарю Бога за то, что он
дал мне счастье прикоснуться к тайне света...
Эдисон Денисов*

Современный петербургский композитор Александр Изосимов – явление неповторимое, не имеющее аналогов, вызывающее неизменный интерес как у профессионалов, так и у любителей музыки, что связано, прежде всего, с категорией Света, как генерирующего начала творчества этого мастера. Свет – основной художественный образ музыкального мышления композитора, отражающий безграничное пространство духовного мира человека-художника. Но одновременно он представляет собой сверхидею творящего мирового Духа, преобразующего всё земное, наполняющего его божественным Светом, дарующим человеку понимание своего предназначения, помогающего осознать этот Свет в себе. В этом смысле в сочинениях Изосимова в сегодняшнем неустойчивом, тревожном мире данная категория является также воплощением добра, красоты, величия самой сущности жизни.

Понятия «свет» и «светонотность» настолько ёмкие, что вбирают в себя целый комплекс смыслов, значений, образности, нашедших воплощение в философии, науке, самых разных видах искусства. Светотень в живописи и графике, «световая архитектура», светодизайн, постановочный свет в сценических жанрах дают понимание света как средства художественной выразительности. Вместе с тем в произведениях религиозной тематики этот образ в виде нимба, ауры (ауреола), гории (глюриолы), мандорлы получает глубоко символический смысл как некое божественное начало – знак просветления, чистоты, бессмертия, откровения, истины...

Сведения об участии Света в творении мира встречаются в древнейших памятниках индуизма и буддизма (Бхагаватгита, Ригведа, Сутта-нипата), в античной философии Эхила, Гомера, Софокла, Пиндара (прим. 1), в Ветхом и Новом Завете.

Драгоценный опыт созерцания Света и взаимодействия с ним содержится в трудах христианских философов Средневековья, в жизни многих святых и подвижников (например, в сборнике стихов «Голубиная книга»).

Свет как необходимый элемент самосознания стал одной из основных тем русской религиозной философии, в которой нашли отражение явление Фаворского Света (П. Флоренский), Света как «физического выразителя мирового всеединства» (В. Соловьёв), Света как содержания внутренней жизни человека, подчиненной иерархическому строю вселенной (Н. Бердяев). Русский художник и философ Н. Рерих, опираясь на методологию Живой Этики, в своём творческом наследии развил концепцию «почитания Света».

В стихотворениях Рериха из цикла «Цветы Мории», в очерках из сборников «Шамбала», «Пути Благословения», «Твердыня Пламенная», «Держава Света» и многих других он говорит о Свете зримом и духовном, о его носителях, символике, проявлениях в природе, в жизни человека, влиянии на эволюцию мира. Задачу художника он видит в создании рукотворной красоты, отражающей красоту иных миров, нерукотворную красоту.

Одна из важных граней явления Света, по мнению И. Дьяченко, исследователя творчества Н. Рериха, принадлежит искусству, как «ведущей области творческого выражения человека и человечества, дающей возможность через образ, ритмическое построение, символ, эмоциональную напряженность, воспринимаемые непосредственно, во всей их чистоте, проникнуть в тайну природы материи и энергии, духоматерии в её многочисленных проявлениях, наконец, в тайну сознания» [2, с. 341].

Многие исследователи с восторгом писали о созерцании изысканной музыкальной палитры произведений О. Мессиана, от которых «исходит свет». Несомненно, это слово – одно из ключевых и для А. Веберна, характеризуется Ю. Холоповым

как «постоянный свет Luxaeterna». Художественную концепцию А. Веберна в плане светоносности продолжил Э. Денисов, говоривший о том, что «настоящий художник должен нести Свет людям. Люди в этом очень нуждаются, хотя чаще всего и не знают этого. Тот, кто несёт Свет людям, берёт на себя часть мук Христа» [1, с. 50].

В творчестве Александра Михайловича Изосимова символика света также становится определяющей, эстетико-стилевой категорией. По мнению исследователя Н. Климовой: «Подобно “Авроре” Бёма, “Духовным проповедям” Экхарда, мыслям о творящем Духе Скрябина, видениям Иакова Шёнберга или световым идеям Саариахо, музыка А. Изосимова обращена не к обыденному сознанию. Её светозвуковая неповторимость исходит из глубинных сверхчувственных связей человека с макрокосмосом, из таинства творения духовного внутри физического, из невидимых нитей, сплетающих алтарь искусства и рабочий стол музыканта. Такая музыка пробуждает забытые в наше время чувства красоты, восторга, трепетности и благоговения, перед открывающимися картинами Гармонии и Света, потрясает пронзительностью боли и влекущей силой Тьмы» [6, с. 192].

Смысловая наполненность световых образов А. Изосимова различна:

1) как проявление христианского начала (финал Квартета № 1, 3 часть Квартета № 2, заключительная часть «Ликов» для симфонического оркестра и меццо-сопрано на стихи А. Тарковского); 2) как образ «томящейся в плену Души» (произведение для хора асарелла «Сопереживание Душе»); 3) как связующее звено между идеями антропософии (прим. 2) и образом Христа (вокальный цикл «Песни прекрасного пришельца»). «Свет в искусстве идёт от Бога. Но это не религия, не первобытный божественный свет, а свет, который я осознаю в себе через медитации, которыми живу не одно десятилетие», – поясняет композитор в одной из бесед с Н. Климовой [7, с. 49].

Особенностью созидательного процесса А. Изосимова является исключительная требовательность к собственным творениям. Их «созревание» может длиться годами, став в итоге воплощением жизненного и творческого кредо композитора. К таковым можно отнести камерно-вокальную циклическую дилогию «Песни прекрасного пришельца» (1979-2004) и «Тетр. Песни, которые мне спела во сне Земля» (2007) (прим. 3), известные также как вокальные циклы-эстафеты, где солисты по замыслу автора как бы «передают друг другу слово», создавая тембровую драматургию с чертами психологического спектакля-размышления.

Значение слова в произведении поставлено на первое место, отчего жанровая специфика, например, первого цикла (18 песен) приобретает,

по мнению исследователя Г. Овсянкиной, черты стихотворений с музыкой, объединивших пантеистическое восприятие красоты и многообразия природы, преобладание духовности над реалиями жизни, светлый и поэтически-облагороженный взгляд на мир в строках Новалиса, Л. Уланда, Э. Мёрике, А. Блока и А. Тарковского. Выбор текстов чрезвычайно нестандартный: обилие глубоко медитативных образов сообщает особенную остроту полярных эмоциональных состояний. Из всех поэтов композитор, прежде всего, выделяет А. Тарковского, для текстов которого характерно присутствие света, исходящего от самого истока, от земли, связывающего понятия вечного и временного. Исследователь Г. Овсянкина развивает данную мысль: «Именно “Песни” на его стихи наиболее многочисленны в обоих циклах и являются образной доминантой, а поэтическая интонация Арс. Тарковского обретает семантическую значимость. Она становится носителем рефлексии, интровертного начала, столь значимого и для циклической дилогии, и для творчества Изосимова в целом. Всё, что контрастно данным образам, призвано оттенить мир поэзии Арс. Тарковского» [9].

Эпиграф к первому циклу – масштабное авторское послание, вокруг него вращается логика всего сочинения: «... О лучшем в каждом человеке, когда его лучистое средоточие душевных сил, как маленькое солнце, с любовью открывается миру, выявляя собственную, истинную, вечную, благую сущность. Тогда обретается сознание, подобное ангельскому, и всякий, хотя бы на мгновение, становится Человеком с большой буквы» [4, с. 4]. Композиция цикла строится следующим образом: созиданию духовного и прекрасного в человеке как части природы посвящена первая половина цикла (№№ 1–10), завершающаяся драматургическим центром «Река Сукаглия» (№ 11) – это «река памяти» – рубеж между реальностью и миром сновидений, момент, с которого начинает убывать энергия света. Последующие номера (№№ 12-18) – это размышления о человеческой судьбе, лирической кульминацией-исповедью которых становится триптих (№№ 13, 14, 15 на слова А. Тарковского).

Тематической аркой первой части дилогии являются две песни «Гимны дню» и «Гимны к ночи» на стихи Новалиса. Дневные светлые картины первой песни (тембр сопрано, разряжённая фактура, преобладание высокого регистра), представляют собой главного героя сочинения – «прекрасного пришельца» (узнаваемый облик Спасителя), дарующего «свой небесный образ каждому живому существу». Его высшее предназначение – созидание духовного и прекрасного в человеке как части природы. Ночные пейзажи завершающей песни, подчёркнутые низким звучанием баса, хоральной аккордовой

фактурой, воспринимаются неразрешённым вопросом о двойственности бытия (дуализм света и тьмы, дня и ночи, добра и зла): «Краткие радости и напрасные надежды проходят в серых одеждах как вечерний туман после захода солнца. В других пространствах раскинул свет весёлые шатры. Возвратится ли он когда-нибудь к своим детям, с невинною верой ждущим его?» [там же, с. 103].

Вторая часть диалогии «Тетр. Песни, которые мне спела во сне Земля», как пишет автор: «Это лабиринт душевных ощущений, где интуиция нащупывает путь, присущий характеру всего хода жизни конкретной личности <...>: Что же мне сказала Земля? – В Земле ищи Солнца Свет. Таков итог цикла» [цит. по 5, с. 42]. Композиция второй части диалогии основана на четырёх вокальных микроциклах (22 песни), в которых показаны метаморфозы человеческой личности, поясняемые следующим образом в авторском эпиграфе: «Земля без Человека – сирота, / Человек без Земли – пустота, / Человек без Земли не найдёт любовь, / Земля без Человека потеряет путь» [там же, с. 4]. Следовательно, содержание этой части связано с познанием Света Земли, путь к которому лежит через цепь духовных воображаемых картин-состояний, характеризующих постижение человеком могучих сил Земли, дарующих Свет на пути поисков самопознания.

Игра светотени в первом микроцикле «Блудница и дева» построена на основе специфического, quasi-архаичного эмоционального тона «дышащего лада» (прим. 4), развёртывающего постепенный процесс идеи светового возвращения. Загадочное существо из «других пространств», единое и одновременно дуальное по своей природе, объединило в женском облике божественное и земное, свет и тьму. Тема рокового союза любви и смерти проступает в романтических ночных видениях «Испанских песен» (второй микроцикл), где оживают «древние тени душ» (№ 8 «Есть души, где скрыты» на стихи Г. Лорки), волнующие воображение. Искренние и одновременно наивные тексты «Песен из золотого ларчика» (третий микроцикл) побуждают человека обратиться к забытому прошлому Земли и осознать свою причастность к нему в череде эпизодов о людских судьбах.

Свет Земли заполняет пространство «Титании» (четвёртый микроцикл), носящей исповедальный характер и одновременно являющейся вершиной драматургического замысла сочинения. Между апокрифическим образом из другого мира, расположенного в центре диалогии («Блудница и Дева»), и картиной финала обнаруживается сходство в обращении к слушателю через форму монолога и тембр меццо-сопрано, как «краски» выражения тайны и света человеческой души. Световой поток «дышащего лада», достигнув максимальной насыщенности, щедро изливается в «поэму света» или даже «поэму

лада», а в авторском варианте – в «Поэладу», вторую световую вершину в общей задуманной структуре диалогии. Многозначность поэтических метафор Изосимова – в структуре всей диалогии и в синтезе с текстом стихотворения Тарковского – придаёт последней песне волшебное, «эльфийское настроение» (термин композитора):

*«Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге ярко стрекозующих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл».*

Это сочинение камерно только по исполнительскому составу и психологической детализации, а по содержательной философско-этической сущности, религиозной идее, её развёртыванию – это «гигантская светомузыкальная диалогия». Из сорока песен выстраивается конструкция в виде «чаши», образуя «движение от света-дня к свету-ночи, от Света Христа («Пришельца») к Свету Земли» [5, с. 43]. Тема-символ Христа, проходящая сквозной линией в «безмолвной» партии фортепиано, соединяя в себе самые разнообразные ладогармонические краски, детально высвечивающие текст.

Интересно отметить, что вокальный цикл «Песни прекрасного пришельца» благодаря своей поэтико-музыкальной живописности стал импульсом к возникновению видеоряда для документального фильма «Песни прекрасного пришельца» к 233-летию со дня рождения Новалиса, созданного в мае 2005 года съёмочной группой «Витков» при участии композитора. Слово, благодаря продуманной цветовой режиссуре, приобрело звукокрасочную характеристику. Более того, петербургские художники Сабир и Светлана Гаджиевы создают серию живописных полотен, созвучных музыкальной диалогии Александра Изосимова: «“Метаморфозы”, “игра”, “превращения” – вот возможные ключевые слова для определения некоего общего “кода” к работам молодых художников. Неудержимый полёт фантазии авторов невольно увлекает за собой и зрителя, который с интересом пускается в удивительное путешествие по лабиринтам утонченных линий» [8]. Музыкально-живописный проект включает работы особой цветовой палитры, основанной на сопоставлении тёплых жёлто-золотистых, оранжево-красных и холодных серо-голубых тонов, вовлекающих зрителя в фантазмагорию красочных пятен, сквозь контуры которых просвечивают силуэт небесного храма и «всевидящие лики»

пришельцев. Яркие и самобытные работы художников Сабира и Светланы Гаджиевых в сочетании с музыкой Александра Изосимова, по мнению Натальи Климовой, «позволяют говорить о рождении нового интегрального целого в сфере искусств» [5, с. 42].

Знакомство с подобными сочинениями рождает ощущение удивительной самобытности, почти странности этого особого звукового мира, во многом объясняемые выбором текстов, обилием глубоко медитативных эпизодов, раскрывающих бинарные эмоциональные состояния. Автору, для которого свет, добро, красота были воплощением высшей духовности, эта мифопоэтическая диалогия была «не только музыкальным сочинением, но и напряжённым духовным зодчеством, созиданием и выявлением той самой “собственной истинной сущности”» [4, с. 2].

В наступившем XXI веке, пронизанном болью, напряжённостью, страхом перед грядущим, многие большие художники по-своему продолжают традицию воплощения образа света и его солнечной метафоры в музыке в разных смысловых аспектах. Достаточно назвать следующие произведения современных авторов: «Мираж: Танцующее солнце» С. Губайдулиной, «Сквозь призму солнечного света» Э. Низамова, «Запах солнца» И. Юдина, «Четыре желания солнца» А. Кобзар, «От Сердца к Солнцу» В. Казаринова, «В мире солнца», «Аркаим» Т. Шкербиной, «Трансценденция» А. Кузьмина и др. Подобные этим опусы позволяют человечеству надеяться на лучшее, осознавая, что великий писатель Ф. Достоевский не создал своего «идеала Мадонны», но именно ему принадлежит ключевая для русской культуры мысль – «Красота спасёт мир».

Примечания:

1. Солнечный и умопостигаемый видимый свет одухотворялся в античной диалектике света и тьмы; по мнению Пифагора, источник света – Бог; для Платона свет – принцип, открывающий возможность видеть космос, ощущать его реальность как новую духовную действительность.

2. Исследователь Н. Климова отмечает значительное влияние идей антропософии учёного Р. Штейнера на основополагающие установки творчества композитора А. Изосимова. В антропософии (от *antropos* – человек, *sofia* – мудрость) свет связывается с внеземным происхождением, с космосом творящего мирового Духа и центральным событием – мистерией Голгофы, преобразующей Землю истинным Светом Христа. Свет Христа есть главная заповедь, дарующая человеку понимание космической Любви [7, с. 56]. Архитектурный проект антропософского храма мудрости Гётеанум в Швейцарии (1914) стал импульсом к созданию А. Изосимовым метода «дышащего лада».

3. Исполнители «Песен прекрасного пришельца»: Мария Литке (сопрано), Олеся Петрова (меццо-сопрано), Андрей Зорин (тенор), Геннадий Беззубенков (бас), Евгения Наливкина и Александр Изосимов (фортепиано). Запись 2005 года, студия Records, также выпущен двойной CD с буклетом на русском и английском языках Holding music. Исполнители «Тетра»: Мария Литке (сопрано), Олеся Петрова (сопрано), Пётр Мигунов (бас), Галина Сандовская, Ирина Шарапова, Александр Цой (фортепиано). Записи микроциклов в период 2007-2008 годов производились на студиях «Мелодия» и Records.

4. «Дышащий лад» – оригинальный метод сочинения Изосимова, уникальность которого состоит в обретении конструкции, способной, как пишет исследователь Н. Климова, «отражать духовный мир человека <...> через движение от сжатого состояния (тёмного) к расширенному (светлому) и, наоборот, путём ротации малых и больших секунд, в пределах уменьшенной и чистой квинты, при неподвижном осевом тоне» [3].

Литература:

1. Денисов, Э.В. Исповедь: к 80-летию Эдисона Денисова (иллюстрированный альбом) [Текст] / Э.В. Денисов. – Москва : Музиздат, 2009. – 160 с.

2. Дьяченко, И.Ю. Концепция «почитания Света» в творчестве Н.К. Рериха [Текст] / И.Ю. Дьяченко // 75 лет пакту Рериха. – 2010. – № 1. – С. 337-362.

3. Изосимов, А.М. И чудо свершилось! (автобиографический этюд) [Электронный ресурс] / А.М. Изосимов // Александр Изосимов. Композитор. – URL: <http://izosimovs.ru/miracle.html>. – Дата обращения 21.12.17.

4. Изосимов, А.М. Песни прекрасного пришельца. Вокальный цикл-эстафета для сопрано, меццо-сопрано, тенора, баса и фортепиано [Ноты] / А.М. Изосимов. – Санкт-Петербург : Композитор, 2007. – 107 с.

5. Климова, Н.В. Метаморфоза Света в вокальных циклах А. Изосимова [Текст] / Н.В. Климова // Муз. академия. – 2013. – № 1. – С. 40-47.

6. Климова, Н.В. На пути к новому слову. Композитор Александр Изосимов [Текст] / Н.В. Климова // Саратовская консерватория в контексте отечественной художественной культуры: сб. ст. по мат. междунар. юбилейной научно-практической конференции 21-22 ноября 2012 г. / Ред. О.Б. Краснова. – Ч. 1. – Саратов, 2013. – С. 191-202.

7. Климова, Н.В. Свет как духовная парадигма творчества Александра Изосимова: дис. ... канд. искусствовед. 17.00.09 [Текст] / Н.В. Климова. – Тамбов, 2012. – 228 с.

8. Маринуца, Н. Гаджиевы Сабир и Светлана [Электронный ресурс] / Н. Маринуца // Галерея

Вавилон: – URL: <http://xn--80aafbba1avgwlt5s.xn--p1ai/hudozhniki-galerei/gadzhiev-sabir-i-svetlana>. – Дата обращения: 20.12.17.

9. Овсянкина, Г.П. О семантических уровнях современного камерно-вокального цикла: на примере «Апельсинки» Бориса Тищенко и «Тетра

Песен, которые мне спела во сне Земля» Александра Изосимова» [Электронный ресурс] / Г.П. Овсянкина // Александр Изосимов. Композитор: – URL: <http://izosimovs.ru/ovsyank2.html>. – Дата обращения 10.03.17.

*Dymova Irina G.,
Ph.D. in Pedagogic Science, Associate Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation;
South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Head of the theoretical department
of the Faculty of Musical Art
E-mail: i.g.dymova_80@mail.ru
Russia, Chelyabinsk;
Chikina Ekaterina V.,
Children's Art School № 12, teacher
Russia, Chelyabinsk*

LIGHT CATEGORY AS A GENERATING BEGINNING OF ART OF ALEXANDER IZOSIMOV

Abstract. The category "light" in the context of the musical thinking of Alexander Izosimov is revealed in the article.

Keywords: light, the symbolism of light, the semantic fullness of light images.

References

1. Denisov, E.H.V. Ispoved': k 80-letiyu E.H. Isona Denisova (illyustrirovannyj al'bom) [Tekst] / E.H.V. Denisov. – Moskva: Muzizdat, 2009. – 160 p.

2. D'yachenko, I.YU. Kontseptsiya «pochitaniya Sveta» v tvorchestve N.K. Rerikha [Tekst] / I.YU. D'yachenko // 75 let paktu Rerikha. – 2010. – №1. – P. 337-362.

3. Izosimov, A.M. I chudo svershilos'! (avtobiograficheskiy ehtyud) [EHlektronnyj resurs] / A.M. Izosimov // Aleksandr Izosimov. Kompozitor. – URL: <http://izosimovs.ru/miracle.html> (data obrashheniya 21.12.17).

4. Izosimov, A.M. Pesni prekrasnogo prishel'tsa. Vokal'nyj tsikl-ehstafeta dlya soprano, metstso-soprano, tenora, basa i fortepiano [noty] / A.M. Izosimov. – Kompozitor, 2007. – 107 p.

5. Klimova, N.V. Metamorfoza Sveta v vokal'nykh tsiklakh A. Izosimova [Tekst] / N.V. Klimova // Muz. akademiya. – 2013. – № 1. – P. 40-47.

6. Klimova, N.V. Na puti k novomu slovu. Kompozitor Aleksandr Izosimov [Tekst] /

N.V. Klimova // Saratovskaya konservatoriya v kontekste otechestvennoj khudozhestvennoj kul'tury: sb. st. po mat. mezhdunar. yubilejnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 21-22 noyabrya 2012 g. / Red. O.B. Krasnova. – CH. 1. – Saratov, 2013. – P. 191–202.

7. Klimova, N.V. Svet kak dukhovnaya paradigma tvorchestva Aleksandra Izosimova: dis. ... kand. iskusstvoved. 17.00.09 / N.V. Klimova. – Tambov, 2012. – 228 p.

8. Marinutsa, N. Gadzhiev Sabir i Svetlana [EHlektronnyj resurs] / N. Marinutsa // Galereya Vavilon: – URL: <http://xn--80aafbba1avgwlt5s.xn--p1ai/hudozhniki-galerei/gadzhiev-sabir-i-svetlana/> (data obrashheniya: 20.12.17).

9. Ovsyankina, G.P. O semanticheskikh urovnyakh sovremennogo kamerno-vokal'nogo tsikla: na primere «Apel'sinki» Borisa Tishhenko i «Tetra. Pesen, kotorye mne spela vo sne Zemlya» Aleksandra Izosimova» [EHlektronnyj resurs] / G.P. Ovsyankina // Aleksandr Izosimov. Kompozitor : – URL: <http://izosimovs.ru/ovsyank2.html> (data obrashheniya 10.03.17).

Зелезинская Лариса Андреевна,
кандидат философских наук,
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный
педагогический университет»,
E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru;
Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный
педагогический университет»,
E-mail: alex.chupr@yandex.ru
Россия, г. Благовещенск

ПРИРОДА КОМИЧЕСКОГО И СМЕШНОГО В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция представлений о природе комического и смешного в европейской философии с античности до наших дней. На материале отечественной и зарубежной литературы проанализированы три группы концепций смешного и комического: 1) теория превосходства; 2) теория несоответствия; 3) теория освобождения.

Ключевые слова: смех, смешное, комическое, европейская философия.

Традиционно выделяют три наиболее распространенных варианта ответа на вопрос, какова природа смешного и, соответственно, три группы концепций комического: 1) теория превосходства; 2) теория несоответствия; 3) теория освобождения. В соответствии с этой классификацией выделим наиболее влиятельные классические и современные, как отечественные, так и зарубежные концепции комического и смешного.

Древнейшей и, возможно, наиболее распространенной из этих теорий считается **теория превосходства**. Еще Платон [30, с. 226], а вслед за ним Аристотель подчеркивали высмеивающий характер смеха. Так, в пятой части «Поэтики» Аристотель пишет: «Комедия, как мы сказали, это воспроизведение худших людей, но не по всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [17, с. 1017].

К сторонникам этой точки зрения можно отнести и Цицерона. Так, в диалоге «Об Ораторе» Цицерон пишет, что «острота разбивает, подавляет, унижает, запугивает и опровергает противника» [33, с. 58], подчеркивая таким образом высмеивающий характер комического. Он определяет область смешного в согласии с теорией Аристотеля, как «все непристойное и безобразное» [33, с. 58], хотя Цицерон также высказывал некоторые идеи в духе теории несоответствия (разочарования), о которой речь пойдет ниже.

Эпоха Средневековья, для которой характерно религиозное мировоззрение, отличалась резким неприятием смешного. Смех был изгнан из церкви. Только лишь слезы и страдания соответствовали

религиозному чувству. В романе У. Эко «Имя розы», действие которого происходит в средневековом монастыре, где смех является запретом и грехом, из уст Хорхе Бургосского в отношении рассмеявшихся монахов звучит упрек: «Пустословие и смехотворство неприличны вам» [35, с. 94].

Немногочисленные высказывания средневековых мыслителей о смехе носят, за редким исключением, негативный характер. Однако, перестав быть предметом теоретических обобщений, смех никогда не исчезал из народной культуры, названной М.М. Бахтиным «карнавальной». Он считал, что смех организует иной мир человеческой жизни, неподцензурный и подчиняющийся своим специфическим правилам, то есть принадлежащий к особой форме бытия: «Карнавал не созерцают, в нем живут» [18, с. 12, 17].

В эпоху Возрождения, когда просыпается интерес к античности, внимание исследователей было сосредоточено на теориях античных философов. Поэтому, если говорить о теориях юмора, в ту эпоху не было создано чего-то определенно нового за редким исключением. Философы обращались к уже известным теориям и, по большому счету, давали им новую интерпретацию. Так, в знаменитом трактате 1516 г. «Придворный» Бальдассаре Кастильоне, начиная с описания общественного человека как живого существа, которое может смеяться «потому что этот смех постигается только человеком и людьми, он всегда несет определенную веселость и веселое настроение, которые человек ощущает внутри своего рассудка, и которые по природе своей несут удовольствие и освежение...» [3]. Таким образом, заимствуя идеи Аристотеля, далее Бальдассаре Кастильоне повторяет два традиционных мнения:

первое – что объектом смеха является определенная умеренная низость, что шутки являются насмешками и не обладают изяществом без небольшого высмеивания, и второе – что говорение обратного ожидаемому вызывает смех «... В обоих случаях главное – обмануть мнение и ответить по-другому, иначе, чем ожидает слушатель» [3].

Большинство исследователей, философов лишь гиперболизировали знаменитую теорию комического, представленную в книге Аристотеля «Поэтика». Трессено в 1563 г. просто повторил эту теорию в ее первоначальной форме. Магги добавил к Аристотелевскому определению случаев смеха идею неожиданности, а Франческо Робертелло в 1548 г., описывая комический объект как принижающий и ужасный, развил идею о том, что причина нашего смеха над такими объектами состоит в том, чтобы предоставить мягкое исправление, помочь себе и другим избежать неловкость и небольшие недостатки жизни [15]. Врач Лоран Жубер, чей «Трактат о смехе», опубликованный в 1579 г., является первым систематическим исследованием этого предмета, находился также под влиянием Аристотеля. Он определял смешное как «что-то ужасное и непристойное, которое в то же время недостойно жалости или сострадания». Но он изменил строгость этой идеи, обращая внимание на то, что смех над этой смешной вещью «не состоит из чистого веселья, но содержит немного грусти» [5, с. 140].

Таким образом, все эти попытки не были каким-либо существенным продвижением в понимании природы смеха, а лишь, если так можно сказать, сужением аристотелевского подхода, который получил свое развитие в трудах философов Нового времени.

В XVII веке Томас Гоббс, в сущности, перевернул теорию высмеивания Платона и Аристотеля, переведя осуждающий взгляд с предмета осмеяния на самого «пересмешника»: «Внезапная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом... Эта страсть свойственна большей частью тем людям, которые сознают, что у них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей. Вот почему много смеяться над недостатками других есть признак малодушия. Ибо людям, обладающим душевным величием, свойственно помогать другим и избавлять их от насмешек, а себя сравнивать лишь с наиболее способными» [21, с. 43]. В какой-то степени с ним солидарен и Анри Бергсон, полагавший, что в смехе всегда есть «скрытое намерение унижить и тем самым, правда, исправить, по крайней мере, внешне» [19, с. 86].

Было несколько попыток примирить эту концепцию смеха со всеми противоречащими ей

фактами; очевидно, что не всегда смех носит высмеивающий, злой характер. Первая принадлежала еще Цицерону, который отмечал, что, когда мы смеемся добродушно, мы высмеиваем самих себя. Эта идея была более полно представлена Робером де Ламеннэ в его «Эскизе философии», написанном в 1841-1846 гг. «Личность, – пишет он, – которая обнаруживает смешное в одной из низших областей бытия, отделяет себя от того, над чем смеется, и внутренне радуется своей пронизательности, которая возвышает самого смеющегося над его собственной оценкой. Таким образом, гордость питается даже небольшой слабостью, скрытой в сердце, которая может быть раскрыта. Я не простофиля – так мы говорим, и мы восхищаемся собой за это» [7].

Второй способ компенсации недостаточности теории Гоббса был предложен им самим в его «Человеческой природе», где он говорит о том, что смех не оскорбляет лишь тогда, когда он относится к нелепостям и слабостям, абстрагированным от лиц, и когда все общество может к нему присоединиться [22, с. 548]. Третья попытка принадлежит современнику Гоббса – Декарту, считающему, что в основе смеха лежит не просто моральное самодовольство, но и чувство некоей справедливости: «...в каком-нибудь человеке замечают незначительное зло и этого человека считают заслуживающим его» [23, с. 559]. Кроме того, Декарт также отмечает, что если это происходит внезапно, то люди от удивления раздражаются смехом.

Четвертый, и наиболее своеобразный путь смягчения теории высмеивания, был разработан немецким психологом Адольфом Цейзингом. Он заявил, что комическое – процесс, состоящий из нескольких фаз, и только в последней мы испытываем чувство самовозвышения, которое вызывает смех. Первая фаза – шок, вызванный объектом, который кажется равным чему-то, но еще не являющийся таковым, вторая – противоположная шоку, где мы освобождаемся от обмана и осознаем ничтожность объекта, третья – наше счастливое чувство превосходства над той ничтожностью, которая заставляет нас разразиться смехом [10].

Карл Гроос принял этот общий подход к комическому процессу, но он пошел далее от теории высмеивания с тем заявлением, что во второй фазе есть момент «внутреннего подражания» абсурдности. Он говорил о том, что эстетическое чувство сознания может быть найдено только в ситуации, которая лежит между шоком обмана и противоположным шоку просвещением. В первой фазе наше «я» испытывает отвращение к объекту, в третьей фазе оно проявляется из превосходства. Таким образом, во время второй фазы оно должно быть в объекте, и только это перемещение себя в объект является характерной

чертой эстетического восприятия [10]. Комическое восприятие становится для него более и более эстетическим, затем, согласно соответствующей причине смеха, «превосходство над абсурдностью» изменяется предыдущим участием в абсурдности, по отношению к которой чувствуется превосходство.

Другой немецкий философ и психолог – Теобальд Циглер, объяснил, что мы смеемся над глупостями и неудачами других, только когда они легкие и несущественные, и наша насмешка имеет игровой характер [5, с. 142]. И эта характеристика теории высмеивания была также одобрена Карлом Гроосом. Очередная модификация теории высмеивания была предложена Отто Шауэром в 1910 г., который отождествляет все виды комического действия с поддразниванием. По его мнению, поддразнивание – это игра, в которой игроки играют роли противников. Один стремится ранить своего противника, обмануть его, другой выявляет его неудачи. Если один игрок преуспевает, это не злорадство (*Schadenfreude*) и не чувство превосходства, которое испытывает один из игроков, а веселье от игры, которой один наслаждается, не только когда другие обмануты или побеждены, но также в случаях, когда он сам должен играть роль обманутого или побежденного [9, с. 156].

Большинство философов стремились смягчить теорию Гоббса или избежать чрезвычайно строгих заявлений. Джозеф Аддисон в нескольких эссе на предмет остроумия, опубликованных в журнале *TheSpectator*, ссылаясь на авторитет Гоббса, говоря о «секрете восторга и гордости сердца, которые, в общем, называются смехом» [16]. Но в другом месте своего эссе он одобряет утверждение Джона Локка о том, что остроумие заключается «главным образом в подборании идей и быстром и разнообразном соединении тех из них, в которых можно найти какое-нибудь сходство или соответствие, чтобы тем самым нарисовать в воображении привлекательные картины и приятные видения» [25, с. 205].

Фрэнсис Хатченсон критиковал теорию Гоббса и также развивал идею Локка, описывая причину смеха, как собирание образов, которые содержат не только сходства, но и определенные противоречия [28, с. 185-192]. Александр Бэн в своем произведении «Эмоции и воля» признает, что Гоббс затронул суть этого наиболее спорного феномена, считая, что не только в физических действиях, но и во всем, в чем человек достигает превосходства, превосходя или разрушая соперника, предрасположенность к смеху очевидна [1]. Но он настаивает и на том, что это не единственная и не главная причина смеха. Александр Бэн внес вклад в разработку другой теории юмора – теории освобождения, о которой речь пойдет ниже. Джордж Мередит [11] в его напряженном, но довольно непоследовательном

«Эссе о комедии», ставя себя в один ряд с теми, кто рассматривал юмор в основном как акт отказа, отторжения, тем не менее, был увлечен изображением мудрого и гуманного понимания в своем описании комического духа, так что на него можно ссылаться, говоря как о смягчении, так и в поддержании теории Гоббса.

Другая распространенная теория смеха получила название **теории несоответствия**, или разочарования, хотя, может быть, её правильнее было бы называть теорией «ожидаемой неожиданности». Основная идея этой теории состоит в следующем: мы живем в упорядоченном мире, где привыкли к определенным моделям и вещам, их особенностям, событиям и т. д. И смеемся мы тогда, когда сталкиваемся с тем, что выходит за рамки этих моделей, за рамки того, что мы привыкли ожидать. Еще в XVII в. Блез Паскаль высказал идею, что «ничто больше так не вызывает смех, как внезапное несоответствие между тем, что ожидают, и тем, что видят» [12, с. 16].

К сторонникам этой теории следует отнести Канта и Шопенгауэра. Так, Кант утверждал, что смех – это «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [24, с. 352]. Похоже и у Шопенгауэра: «Смех всегда возникает из неожиданного осознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами... Всякий смех, таким образом, возникает по поводу парадоксального и потому неожиданного подведения – все равно, выражается оно в словах или в поступках» [34, с. 194].

Эту теорию разделяют и такие отечественные исследователи комического, как В.Я. Пропп и Ю.Б. Боров. Так, В.Я. Пропп в своей работе «Проблемы комизма и смеха» пишет: «... мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку внешних, физических данных» [31, с. 176], а соединение мелких внутренних и внешних недостатков представляют собой, по его мнению, «высшую степень комизма и вызывают взрыв хохота» [3, с. 177]. А согласно концепции Борева, комическое – не просто отклонение, а результат контраста, разлада, противостояния, в основе которого лежит противоречие, и степень воздействия во многом определяется внезапностью и неожиданностью [20, с. 43].

Теории разочарования могут быть обобщены словами английского философа-романтика Уильяма Хэзлитта: «Мы плачем над тем, что разрушает или преувеличивает наши желания в серьезных вещах, мы смеемся над тем, что только расстраивает наши ожидания по пустякам» [8].

Еще одна теория, которая входит в систему классических теорий комического – это **теория освобождения**. Существуют различные версии этой теории, но во всех них так или иначе смех

рассматривается с физиологической точки зрения как выпуск нервной энергии, результат облегчения нервной системы от напряжения и давления. Еще Лукиан связывал символику смеха с древней «вакхической свободой». Своего персонажа Мениппа, вышучивающего всех, он представляет как «мужа безгранично свободного, не считающегося ни с кем»... [27, с. 369].

Связь смеха с идеей свободы впервые наиболее радикально выражена в знаменитом эссе лорда Шефтсбери (Энтони Эшли Купера) «Опыт о свободе остроумия и чувстве юмора» в 1711 г.: «Свободный от природы дух находчивых людей, находящихся в заключении или под контролем, найдет выход к своему освобождению от этого давления, и неважно, будет ли это в форме бурлеска, подражания или шутовства, он будет рад вырваться и отомстить за давление» [6].

Несколько вульгарный вариант этой теории представлен в эссе Герберта Спенсера «Физиология смеха» (1860). В нем автор пытается доказать, что только физиология может дать нам ответ на вопрос, почему же при сильной радости или под впечатлением каких-нибудь неожиданных контрастов идей должно происходить известное сокращение мускулов лица, груди и живота. Он объяснил весь смех по аналогии с действием насоса или сифона [6]. Эта идея была развита Шарлем Ренувье. В своей «Новой монадологии» он утверждал, что именно «освобождение от разумности переходит физиологически в смех» [14].

Немного позднее, в 1898 г., Теодор Липпс сформулировал психологические принципы, которые соответствовали физиологии смеха Спенсера. Спенсер объяснил, почему мы смеемся, когда воспринимаем что-то комическое, а Липпс, основываясь на этой гипотезе, предпринял попытку объяснить, почему мы чувствуем себя счастливыми. Он повторил другими словами определение «комического» Спенсером как «нисходящей несообразности» – «несоответствие, при восприятии которого наше внимание переходит от больших вещей к маленьким», далее давая некоторые пояснения: если после небольших психических приготовлений пред нами предстают большие объекты, от нас требуется внезапная психическая работа, и мы испытываем чувство серьезности, но если после огромных психических приготовлений появляются маленькие объекты, наша психическая работа уже больше, чем сделана, и мы испытываем чувство, будто празднуем праздник.

Теодор Липпс подкрепил это определение анализом некоторых примеров комического. Например, если мы посмотрим на крохотный дом, стоящий рядом или в один ряд с огромными дворцами и точно повторяющий их форму, то испытаем какое-то комическое возбуждение от этого контраста, заметил Липпс, при этом мы не были так взволнованы контрастом, возникающим между рядом дворцов и церковью или театром.

А когда мы видим ряд маленьких домов и затем огромный дворец, у нас скорее возникают эмоции удивления и изумления, нежели комического развлечения [2]. Таким образом, согласно подходу Липпса, форма «чего-то маленького» всегда является одной из сторон комического контраста, и при том, именно второй, целью, а не началом нашей мысли или перцептивной деятельности.

К сторонникам теории освобождения можно отнести и Фридриха Ницше. В работе «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Вагнеру» прямо называет комическое «художественным освобождением от отвращения, вызываемого нелепым» [29, с. 83]. В другой же работе «Человеческое, слишком человеческое» (1878) дается следующее определение: «переход от мгновенного страха к краткому веселью зовется комическим» [29, с. 98]. Как мы видим, в обоих определениях ключевым является понятие освобождения, но не от какой-то энергии или разумности, а от ощущения отвращения или страха.

Пожалуй, самым известным сторонником теории освобождения был Зигмунд Фрейд. Увлечись идеями Спенсера и Теодора Липпса, Фрейд в своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905 г.) представляет смех как освобождение рассудка и нервной системы от напряжения. Более того, он стремится привести теорию освобождения в соответствие со своей общей теорией психоанализа. Идея Фрейда заключается в следующем: во всех ситуациях, в которых мы экономим определенное количество энергии (энергия, которую мы копили, рассчитывая на какие-то психические затраты, но которая оказалась нам ненужной), избыток энергии высвобождается при смехе. Фрейд отличал остроумие, юмор и комизм, говоря о том, что «остроумие экономит торможение, комизм экономит мышление, юмор экономит чувства» [26, с. 27]. Большое внимание он уделяет остроумию, которое пронизывает всю его концепцию комического. В остроумии он выделяет несколько ступеней: первая предварительная ступень – «игра» словами, идеями, которая проявляется в раннем детстве, когда ребенок только учится говорить и размышлять, при этом он испытывает удовольствие от повторения сходного, созвучности и т.д. Она объясняется как «неожиданная экономия психической затраты» [32, с. 130].

Вторая предварительная ступень – шутка, начинается при появлении т.н. момента «критического отношения или разумности», когда ребенок подрастает, начинает мыслить логически и рационально, и игра становится бессмысленной. «Она стремится получить удовольствие, доставляемое игрой, заставив замолчать вместе с тем голос критики, который не позволяет возникнуть чувству удовольствия» [32, с. 131]. И последняя, высшая ступень остроумия, «апогей

шутки» – тенденциозная острота. Главной целью шуток на этой ступени является доставление удовольствия, она приобретает такую форму, которая бы сама по себе вызывала удовольствие. Шутки, обладающие содержательным и бессмысленным способом выражения, становятся остротами [32, с. 133]. Острота доставляет нам удовольствие, освобождая нас от «подавления и вытеснений». «Это удовольствие является производным экономии психической затраты в том случае, если такое толкование не противоречит сущности удовольствия и оказывается плодотворным еще и для других моментов» [32, с. 139].

Идеи о смехе как освобождении встречаются и в работе русского философа М.М. Бахтина, показавшего, что карнавал освобождает празднующих от всех иерархических отношений, социальных норм и запретов, нищие избираются королями, к королям обращаются как к нищим. Карнавальная смех снижает и возвышает, развенчивает и увенчивает, нивелирует сословные и имущественные различия, провозглашая универсальное равенство [18, с. 12, 17].

В завершение этого обзора приведем точку зрения Виктора Раскина, который считает, что три подхода характеризуют сложный феномен юмора с самых различных углов, и они не столько противоречат друг другу, сколько дополняют [13, с. 40]. Он даже приводит краткие доказательства основных постулатов теорий и их вклада в исследование юмора: теории несоответствия утверждают о стимуле, побуждении, теории превосходства характеризуют отношение между слушателем и говорящим, теории облегчения комментируют чувства и психологию самого слушателя.

Джон Морреал, считая, что ни одна из этих теорий не является исчерпывающей, также отмечает, что каждая из них очень ценно раскрывает ту или иную сторону смеха [12, с. 3, 20]. Так, по его мнению, теория превосходства сосредоточена на чувственной или эмоциональной стороне смеха (на эмоциях, включенных в смех), теория несоответствия – на когнитивной стороне (на объектах или идеях, вызывающих смех), теории облегчения – на физической стороне смеха (на физической форме смеха, а также его биологической функции).

Литература:

1. Bain, A. The Emotions and the Will [Электронный ресурс]. – New York : Appleton, 1876. – 604 p. – P.258. – URL : <http://archive.org/details/emotionswill00bain>. – Дата обращения: 07.08.12.

2. Billig, M. Laughter and Ridicule: Towards a Social Critique of Humour [Электронный ресурс]. – London: Sage Publications, 2005. – P. 108. – URL: <http://books.google.ru/books?id=eAW2WoY3L3EC>

&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=. – Дата обращения: 15.08.2012.

3. Castiglione, B. The Courtier, translated by Thomas Hoby: The National Alumni, 1907. [Электронный ресурс]. – P. 154. – URL: <https://archive.org/stream/courtierilcorteg00bald#page/n15/mode/2up>. – Дата обращения: 15.11.2013. Перевод Л. Зелезинской.

4. Castiglione, B. The Courtier, translated by Thomas Hoby: The National Alumni, 1907. – 368 p. – P. 154. – URL: <https://archive.org/stream/courtierilcorteg00bald#page/n15/mode>. – Дата обращения: 15.11.2013. Перевод Л. Зелезинской.

5. Eastman, M. The Sense of Humor [Электронный ресурс]. – New York: Charles Scribner's Sons, 1922. – P. 142.

6. Fowler, T. Shaftesbury and Hutcheson [Электронный ресурс]. – London: S. Low, 1882. – 240 p. – URL: <http://archive.org/stream/shaftesburyhutch00fowl#page/n6/mode/1up>. – Дата обращения: 16.11.2011. Перевод Л. Зелезинской.

7. Gutwirth, M. Laughing Matter: An Essay on the Comic [Электронный ресурс]. – USA: Cornell University, 1993. – 211 p. – P. 54-55. – URL: http://books.google.ru/books?id=hZ00OrX7UW0C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Дата обращения: 01.11.2012.

8. Hazlitt, W. On Wit and Humor [Электронный ресурс]. – P.1. – URL: <http://maartens.home.xs4all.nl/log/2012/NL120307a.html>. – Дата обращения: 05.09.2012.

9. Hollingsworth, H.L. Experimental Studies in Judgment [Электронный ресурс]; Judgments of the Comic / Psychological Review, November 1911. Vol. XVIII. – No. 6. – P. 132-156. – P. 156. – URL : <http://archive.org/stream/psychologicalrev18ameruoft#page/n5/mode/2up>. – Дата обращения: 03.01.2012.

10. MacHovec, F.J. Humor: Theory, History, Applications [Электронный ресурс]. – Springfield IL: C.C. Thomas, 1988. – 206 p. – P. 112. – URL: http://books.google.ru/books?id=r8IUvR4jYx4C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Дата обращения: 08.08.2012.

11. Meredith, G. An Essay on Comedy. // Comedy. (Bergson H. Laughter. Meredith G. An Essay on Comedy.). – N.Y., Doubleday Anchor Books, 1956.

12. Morreall, J. Taking laughter seriously. – Albany: State University of New York Press, 1983. – 144 p. – P. 3, 20.

13. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht-Boston-Lancaster: D.Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p. – P. 40. Перевод Л. Зелезинской.

14. Schmaus, W. Science and the Social Contract in Renouvier // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. – The University of Chicago Press on behalf

- of the International Society for the History of Philosophy of Science. – Vol. 1. – No. 1, Spring 2011.) – URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/658370> (дата обращения 15.07.2012)
15. Spingarn, J.E. A History of Literary Criticism in the Renaissance [Электронный ресурс]. – New York: Columbia University Press, 1938. – 350 p. – URL: <http://archive.org/details/historyofliterar00spin> (дата обращения 15.05.2012). The Spectator, 1712 – URL: <http://archive.org/details/thespectator>. – Дата обращения 07.08.12).
16. Аристотель. Поэтика. Искусство поэзии [Текст] // Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. – Минск : Литература, 1998. – С. 1064-1112. – С. 1071.
17. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст]. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 12, 17.
18. Бергсон, А. Смех [Текст] / А. Бергсон. – Москва : Искусство, 1992. – С. 86.
19. Боров, Ю. Комическое или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия [Текст]. – Москва : Искусство, 1970. – С. 43.
20. Гоббс, Т. Левиафан [Текст] / Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. – Т. 2. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; гер. с лат. и англ. – Москва : Мысль, 1991. – С. 43.
21. Гоббс, Т. Человеческая природа [Текст] / Т. Гоббс. Сочинения в 2 томах. – Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – Москва : Мысль, 1989. – С. 548.
22. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. [Текст] / – Т. 1. – Москва : Мысль, 1989. – С. 559.
23. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. Сочинения в шести томах. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 352.
24. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении [Текст] // Дж. Локк Сочинений в трех томах: Т. 1 / ред. : И.С. Нарский, А.Л. Субботин; введ. I т., авт. вступит. статьи и примеч. И.С. Нарский; пер. с англ. А.Н. Савина. – Москва : Мысль, 1985. – 621 с. – (Филос. наследие. – Т. 93). – С. 205.
25. Лук, А.Н. О Чувстве юмора и остроумии [Текст] / Москва : Искусство, 1968. – 191 с. – С. 27.
26. Лукиан. Разговоры в царстве мертвых [Текст] / Лукиан Сочинения в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. А.И. Зайцева. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 369-405. – С. 369.
27. Мотрошилова, Н.В. Философия в Англии после Локка (Шефтсбери, МанDEVиль, Хатчесон) [Текст] / Н.В. Мотрошилова // История философии: Запад-Россия-Восток : Кн. 2. – Москва : Греко-латинский кабинет, 1998. – С. 185-192.
28. Ницше, Ф. Сочинения в 2 томах [Текст]. – Москва : Кристалл, 1998. – С. 83.
29. Платон. Государство [Текст] // Платон Собрание сочинений в четырех томах. Том 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, Я.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1994. – 654 [2] с. – (Филос. наследие). – С. 226.
30. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха [Текст]. – Москва : Лабиринт, 1999. – С. 176.
31. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному [Текст] / З. Фрейд. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 288 с. – С. 131.
32. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве [Текст] / пер. с лат. Ф.А. Петового, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва : Научно издательский центр «Ладомир», 1994. – С. 58.
33. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление [Текст]. – Т. 1. / А. Шопенгауэр. О четвероюком корне... Мир как воля и представление. – Т. 1. Критика Кантовской философии: пер. с нем. / Ин-т философии. – Москва : Наука, 1993. – С. 194.
34. Эко, У. Имя розы. Роман. Заметки на полях «Имени розы». Эссе / пер. с итал. Е. Костюкович. Предисл. автора. Послесловия Е. Костюкович, Ю. Лотмана [Текст]. – Санкт-Петербург : Издательство «Симпозиум», 1998. – С. 94.

*Zelezinskaja, Larisa A.,
Ph. D. in Philosophy
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru;
Chuprov, Alexander S.,
Doctor of philosophical Sciences, Professor,
Blagoveshchensk State Pedagogical University
E-mail: alex.chupr@yandex.ru
Russia, Blagoveshchensk*

NATURE OF THE COMIC AND RIDICULOUS IN THE MIRROR OF THE EUROPEAN PHILOSOPHY

Abstract. Article evolution of the representations and nature of comic and ridiculous in European philosophy from antiquity to the present day. On the basis of the domestic and foreign literature analyzed three groups concepts funny and comic: 1) theory of superiority; 2) inconsistency theory; 3) theory of liberation.

Keywords: laughter, funny, comic, European philosophy

References:

1. Bain A. The Emotions and the Will [EHlektronnyj resurs]. – New York : Appleton, 1876. – 604 p. P.258. – URL : <http://archive.org/details/emotionswill00bain> (data obrashcheniya 07.08.12).
2. Billig M. Laughter and Ridicule: Towards a Social Critique of Humour [EHlektronnyj resurs] . – London: Sage Publications, 2005. – 264 p. P. 108. URL: http://books.google.ru/books?id=eAW2WoY3L3EC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya 15.08.2012).
3. Castiglione B. The Courtier, translated by Thomas Hoby: The National Alumni, 1907. [EHlektronnyj resurs]. – 368 p. – P. 154. – URL: <https://archive.org/stream/courtierilcorteg00bald#page/n15/mode/2up> (data obrashcheniya 15.11.2013). Pervod L. Zelezinskoy.
4. Castiglione B. The Courtier, translated by Thomas Hoby: The National Alumni, 1907. – 368 p. – P. 154. – URL: <https://archive.org/stream/courtierilcorteg00bald#page/n15/mode/2up> (data obrashcheniya 15.11.2013). Pervod L. Zelezinskoy.
5. Eastman M. The Sense of Humor [EHlektronnyj resurs]. – New York: Charles Scribner's Sons, 1922. – 257 p. – P. 142.
6. Fowler T. Shaftesbury and Hutchenson [EHlektronnyj resurs] . – London: S. Low, 1882. – 240 p. – URL: <http://archive.org/stream/shaftesburyhutch00fowl#page/n6/mode/1up> (data obrashcheniya 16.11.2011) Pervod L. Zelezinskoy.
7. Gutwirth M. Laughing Matter: An Essay on the Comic [EHlektronnyj resurs] . – USA: Cornell University, 1993. – 211 p. P. 54-55. – URL: http://books.google.ru/books?id=hZ00OrX7UW0C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya 01.11.2012).
8. Hazlitt W. On Wit and Humor [EHlektronnyj resurs] . – P. 1. – URL : <http://maartens.home.xs4all.nl/log/2012/NL120307a.html> (data obrashcheniya 05.09.2012)
9. Hollingsworth H.L. Experimental Studies in Judgment [EHlektronnyj resurs]; Judgments of the Comic / Psychological Review, November 1911. Vol. XVIII, No.6. – P. 132-156. – P. 156. – URL : <http://archive.org/stream/psychologicalrev18ameruoft#page/n5/mode/2up> (data obrashcheniya 03.01.2012).
10. MacHovec F. J. Humor: Theory, History, Applications [EHlektronnyj resurs]. – Springfield IL: C.C. Thomas, 1988. – 206 p. P. 112. – URL: http://books.google.ru/books?id=r8IUvR4jYx4C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya 08.08.2012).
11. Meredith G. An Essay on Comedy.// Comedy. (Bergson H. Laughter. Meredith G. An Essay on Comedy.). – N.Y., Doubleday Anchor Books, 1956.
12. Morreall J. Taking laughter seriously. – Albany: State University of New York Press, 1983. – 144 p. – P. 3, 20.
13. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht-Boston-Lancaster: D.Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p. – P. 40. Pervod L. Zelezinskoy.
14. Schmaus W. Science and the Social Contract in Renouvier // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. – The University of Chicago Press on behalf of the International Society for the History of Philosophy of Science. – Vol. 1.– No. 1, Spring 2011.) – URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/658370> (data obrashcheniya 15.07.2012).
15. Spingarn J.E. A History of Literary Criticism in the Renaissance [EHlektronnyj resurs] . – New York: Columbia University Press, 1938.– 350 p. – URL: <http://archive.org/details/historyofliterar00spin> (data obrashcheniya 15.05.2012). The Spectator, 1712.– URL: <http://archive.org/details/thespectator> (data obrashcheniya 07.08.12).
16. Aristotel' Poetika. Iskusstvo poehzii [Tekst] // Aristotel'. Ehtika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. – S. 1064-1112. – S. 1071.

17. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa [Tekst]. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 543 s. – S. 12, 17.
18. Bergson A. Smekh [Tekst] / A. Bergson. – M.: Iskusstvo, 1992. – 127 s. – S. 86.
19. Borev YU. Komicheskoe ili O tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya [Tekst]. – M.: Iskusstvo, 1970. – 269 s. – S. 43.
20. Gobbs T. Levafan [Tekst] / Gobbs T. Sochineniya v 2 tomah. – T.2. / Sost., red., avt. primech. V.V. Sokolov; Per. s lat. i angl. – M.: Mysl', 1991. – 731s. – S.43.
21. Gobbs T. CHelovecheskaya priroda [Tekst] / Gobbs T. Sochineniya v 2 tomah. – T.1 / Per. s lat. i angl.; sost., red. izd., avt. vstup. st. i primech. V.V. Sokolov. – M.: Mysl', 1989. – 622 s. – S. 548.
22. Dekart R. Sochineniya v 2 t. [Tekst]. – T. 1. – M.: Mysl', 1989. – 654 s. – S 559.
23. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya / Kant I. Sochineniya v shesti tomah. – M.: Mysl', 1966. – T.5.– 564 s. – S. 352.
24. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii [Tekst] // Dzh. Lokk Sochinenij v trekh tomah: Tom 1./ Red.: I.S. Narskij, A.L. Subbotin; Red. I t., avt. vstupit, stat'i i primech. I.S. Narskij; Per. s angl. A. N. Savina. – M.: Mysl', 1985. – 621 s. – (Filos. Nasledie T. 93). – S. 205.
25. Luk A.N. O CHuvstve yumora i ostroumii [Tekst]. – M.: Iskusstvo, 1968. – 191 s. – S. 27.
26. Lukian. Razgovory v carstve mertvyh [Tekst] / Lukian Sochineniya v 2 t. – T. 1 / Pod obshch. red. A.I. Zajceva. – Spb.: Aletejya, 2001. – 480 s. – S. 369-405. – C. 369.
27. Motroshilova N.V. Filosofiya v Anglii posle Lokka (SHeftsberi, Mandevil', Hatcheson) [Tekst] / Motroshilova N.V. // Istoriya filosofii: Zapad-Rossiya-Vostok : Kn.2. – M.: Greko-latinskij kabinet, 1998. – S.185-192.
28. Nicshe F. Sochineniya v 2 tomah [Tekst]. – M.: Kristall, 1998. – S. 83.
29. Platon Gosudarstvo [Tekst] // Platon Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah. Tom 3 / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A.F. Loseva, YA.F. Asmusa, A.A. Taho-Godi. Avt. vstup. st. i st. v primech. A.F. Losev; Primech. A.A. Taho-Godi. – M.: Mysl', 1994. – 654 [2] s. – (Filos. Nasledie). – C. 226.
30. Propp V.YA. Problemy komizma i smekha [Tekst]. – M.: Labirint, 1999. – 288 s. – S. 176.
31. Frejd Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [Tekst] / Z. Frejd. – SPb.: Azbuka-klassika, 2007. – 288 s. – S.131.
32. Ciceron M.T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Tekst] / Per. s lat. F.A. Petovkogo, I.P. Strel'nikovoj, M.L. Gasparova / Pod red. M.L. Gasparova. – M.: Nauchno izdatel'skij centr «Ladimir», 1994. – 475 s. – S.58.
33. SHopengauehr A. Mir kak volya i predstavlenie [Tekst] T. 1. / SHopengauehr A. O chetveroyakom korne... Mir kak volya i predstavlenie. – T. 1. Kritika Kantovskoj filosofii: Per. s nem. / In-t filosofii. – M.: Nauka, 1993. – 672 s. – S. 194.
34. EHko U. Imya rozy. Roman. Zametki na polyah «Imeni rozy». EHsse. Per. s ital. E. Kostyukovich. Predisl. avtora. Poslesloviya E. Kostyukovich, YU. Lotmana [Tekst]. – SPb.: Izdatel'stvo «Simpozium», 1998. – 685 s. – S. 94.

*Ищенко Елена Борисовна,
Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского,
кафедра теории, истории музыки и композиции, преподаватель;
Ищенко Николай Прокофьевич,
заслуженный артист РФ,
Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского,
профессор кафедры народных инструментов
E-mail: nikelmusik@mail.ru*

ЧЕЛЯБИНСК ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Аннотация. Данная работа посвящена изучению культурных традиций крупнейшего города Южного Урала – Челябинска, тому времени его истории, которое связано с зарождением традиций профессионального музыкального искусства. Это период до 1917 года.

Ключевые слова: музыкальная традиция, музыкально-концертная жизнь, музыкальная культура.

Когда говорят об Урале, то сразу представляются заводы, шахты, рабочий люд, домны, мартеновские печи. Однако, независимо от рода занятий, человек всегда хотел проявить себя не только в трудовой деятельности, но и в творчестве: петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, мастерить. Гармонисты и балалаечники, танцоры и певцы, народные умельцы были в каждой деревне, как правило, величайшие виртуозы своего дела. И находились люди, благодетели, которые хотели развивать эту культуру. Известно, насколько богата талантами уральская земля!

Материал, положенный в основу музыковедческого анализа, в большинстве своём почерпнут из архивных источников. Кроме того, авторы опирались на работы челябинских краеведов, а также на исследование В.А. Вольфовича «Челябинск музыкальный».

В процессе развития музыкальных традиций того периода вполне определенно просматриваются три этапа. Первый – с основания Челябинской крепости (1736) до последней трети XIX века – характеризуется существованием музыкального искусства в основном в обрядово-бытовых формах.

Далее, в 60-90-е годы XIX века наблюдается активное становление любительских форм музицирования. То было время первых публичных концертов и появления разнообразных видов музыкальной деятельности.

Третий этап (с конца XIX века до 1917) – этап зарождения профессиональных музыкальных традиций, что было непосредственно связано с отмечаемым в это время интенсивным культурно-экономическим развитием города, обусловленным открытием крупнейшей транссибирской железнодорожной магистрали, проходящей через Челябинск. Превращение Челябинской крепости в крупный промышленный и торговый центр содействовало процветанию так называемого среднего класса, который стал определять и

культурную политику города. В этот период интенсивная концертная жизнь основывалась уже не только на выступлениях музыкантов-гастролеров, но и на деятельности собственных профессиональных коллективов, сформированных из числа приезжих и местных исполнителей.

По свидетельствам современников, первое музыкальное собрание возникло ещё в тридцатые годы XIX века и было связано с именем основателя первой в Челябинске больницы В.Г. Жуковского. С 1869 г. стало функционировать управляемое советом старейшин городское общественное собрание, где помимо литературных чтений проводились музыкальные и танцевальные вечера, для чего был арендован под клуб дом мецената В.К. Покровского (прим. 1).

В 1890-1900 годы большой общественный резонанс имели концертные выступления и музыкально-драматические постановки самодеятельных оркестров и хоров, организованных все тем же В.К. Покровским и М.Д. Кетовым (прим. 2). Например, творческие коллективы на хуторе Михайловском состояли из рабочих спиртоводочного (винокурного) завода братьев Покровских. Среди них было много политических ссыльных – людей активных, незаурядных и талантливых. Традиции музыкального исполнительства оказались настолько крепкими и плодотворными, что любительские коллективы на хуторе Михайловском продолжали существовать и после смерти в 1910 году их организатора и вдохновителя – Покровского, вплоть до 1917 года.

В это же время управляющим винных складов М.Д. Кетовым, коренным уральцем, отцом многочисленного семейства, сыгравшим важную роль в пропаганде музыкального искусства в Челябинске, был создан домашний хор и оркестр, которые принимали участие в большинстве концертов города с программой, состоящей преимущественно из классических произведений. Так, семейный оркестр Кетова выступил во время

торжественного открытия Народного дома в 1903 г., а сам Кетов спел арию Сусанина «Ты взойдешь, моя заря» из оперы Глинки «Иван Сусанин». Среди горожан ходили разговоры: «Поступить к Покровским или Кетову на работу надо непременно уметь петь, плясать или играть на каком-нибудь инструменте» [12, с. 5].

В архивных документах можно встретить упоминания о существовании и других творческих коллективов – городского управления кредитных товариществ, переселенческого пункта станции Челябинск, чаеразвесочной фабрики Губкина и Кузнецова; хоров под управлением Н. Носачевского, Г. Корякина, В. Попова. В саду на острове реки Миасс, в Городском саду, в «Новом клубе» постоянно звучала музыка в исполнении бального оркестра Ращупкина, духового оркестра 196-го Инсарского полка, которым дирижировал С. Котов, симфонического оркестра под управлением В. Калиновского (прим. 3), оркестра балалаечников во главе с Б. Мячковым.

На разных сценических площадках города, где выступали челябинские солисты-вокалисты М. Нагоркина, Р. Баркова, М. Сандоровский, А. Фёдорова, Колокольникова, Кольчинская, Слободкина, Снежкова, Рогожин и другие, звучали арии и сцены из русских и зарубежных классических опер и оперетт – Ш. Гуно, П. Чайковского, Н. Римского-Корсакова и т. д. Вот образец программы концерта, подготовленного местными силами в Новом клубе:

1. «Концерт Мендельсона-Бартольди (третья часть). Исполняют на роялях гг. Роведдер и Калиновский.

2. «Любви все возрасты покорны» из оперы «Евгений Онегин» исполнит г-н Сандоровский.

3. Декламация. Исполнит г-жа Дарьялова.

4. Ария из оперетты «Продавец птиц» – музыка Целлера. Исполняет г-н Букарь.

5. Мелодекламация. Исполняет г-н Коган.

6. Украинские народные песни исполнит г-жа Снежкова» [8, с. 29].

В начале века по-прежнему популярными оставались домашние музыкальные концерты, которые устраивались во многих богатых семьях, где серьезно увлекались музыкой. Чаще других – у певицы классического репертуара Нагоркиной, исполнительницы народных песен Снежковой, в доме доктора Пиркем по улице Свободы.

Таким образом, интенсивная концертная деятельность любительских коллективов и отдельных солистов способствовала воспитанию художественного вкуса исполнителей и слушателей, носила не только развлекательный, но и просветительский характер, т. к. привлекала внимание населения к классическому музыкальному искусству. Кроме того, активное освоение местными музыкантами видов и опыта профессиональной музыкальной культуры вело к

формированию собственных исполнительских традиций.

В процессе становления профессионального музыкального искусства дореволюционного Челябинска важную роль сыграл Григорий Давыдович Моргулис (1877-1942), приехавший в Челябинск из Тобольска в августе 1903 года. С его именем связано появление первого в Челябинске профессионального симфонического оркестра, бессменным дирижёром которого он пробыл до самой смерти. С 1904 г. Моргулис неоднократно выезжал в Москву и Санкт-Петербург, где набирал из числа артистов и студентов консерваторий и музыкальных училищ исполнителей в состав оркестра.

В 1907 г. в саду Городского Общественного Собрания для челябинской публики был дан первый концерт симфонической музыки. Хотя откликов на данный концерт не сохранилось, известно, что были исполнены произведения Вагнера, Сен-Санса, Бетховена, Гайдна, Грига, Жюле, Цыбулько, Мейербера. Позже достойное место в программах заняла музыка русских композиторов.

Знакомясь с рецензиями на симфонические концерты тех лет, можно обнаружить следующие отзывы: «Оркестр, руководимый Моргулисом, нёс в массы с эстрады Горсада, который посещали и рабочие, в чистоте и ясности, то музыкальное наследство, которое оставлено нам Римским-Корсаковым, Мусоргским, Глинкой, Чайковским, Бородиным и другими композиторами XIX века» [10, с. 4].

Концертный репертуар, формируемый дирижером Моргулисом, свидетельствовал о прекрасной его ориентации в русской и зарубежной музыке, знании и учёте особенностей слушательского восприятия – оптимальной продолжительности концерта, необходимой контрастности номеров, обязательном наличии двух антрактов между отделениями. Об этом можно судить по сохранившимся программам вечеров оперной и балетной музыки. В качестве примера приведём программу концерта, состоявшегося в Саду-театре Челябинского Общественного Собрания 24 июня 1913 г.:

Отделение 1.

1. Россини. Увертюра к опере «Вильгельм Телль».

2. Чайковский. Из оперы «Евгений Онегин», вальс.

3. а) Годар. Из оперы «Жосселен», колыбельная песнь.

б) Вагнер. «К вечерней звезде». Из оперы «Тангейзер».

4. Верди. Симфоническая концертная фантазия из оперы «Аида».

Отделение 2.

5. Обер. К опере «Фра-Дьяволо», увертюра.

6. а) Массне. Из оперы «Таис» скрипичное соло, г. Нудельман.

б) Масканы. Трио из оперы «Сельская Честь», г.г. Герович, Медлин, Калиновский.

7. Вагнер. Хор пилигримов из оперы «Тангейзер».

8. Чайковский. Попурри из оперы «Пиковая дама».

Отделение 3.

9. Глинка. Из оперы «Руслан и Людмила», симфоническая концертная фантазия.

10. Гуно-Аллар. Скрипичная фантазия из оперы «Фауст», г. Герович.

11. Бизе. Попурри из оперы «Кармен».

12. Мейербер. Марш из оперы «Иоанн Лейденский» (Пророк).

Также тщательно подбирались программы и для вечеров балетной музыки, где звучали лучшие произведения русских и зарубежных авторов. Кроме того, заранее продумывались все детали, которые способствовали привлечению интереса горожан к музыкальному искусству – от изящного оформления буклетов, содержащих выдержки из биографий композиторов, краткую характеристику творчества, пояснения к исполняемым произведениям, до организации массовых развлечений и эффектных зрелищ. Многократно встречаем в программах концертов: «В саду – грандиозное гулянье, фейерверк и пуск воздушного шара» [10, с. 18].

Моргулис со своим оркестром выступал на разных сценических площадках (прим. 4) города, участвовал практически во всех городских мероприятиях, получая только хвалебные отзывы. В 1912 г. он получил приглашение на обслуживание крупнейшей в России Ирбитской ярмарки, что по существу являлось признанием высочайшего мастерства участников оркестра и их дирижера. Староста пассажа ярмарки докладывал: «Настоящим имею честь заявить Ирбитской городской управе, что приглашённый ею для игры в пассаже через Ирбитское вольно-пожарное общество оркестр господина Г. Моргулиса в течение всей ярмарки до сего дня исполнял свои обязанности прекрасно как по исполнению, так и по разнообразию репертуара, и по общим отзывам присутствующей публики» [10, с. 21-22].

С 1914 года на последних страницах программ стали печататься фамилии оркестрантов, благодаря чему до настоящего времени дошли имена первых профессиональных музыкантов, многие из которых выступали на сценах Челябинска и других городов в качестве солистов. Сохранились рецензии на сольные выступления Калиновского, всесторонне развитого музыканта, исполнявшего оркестровые партии на пианино, тромбоне и арфе, виолончелиста Медлина, скрипачей Геровича, Глушковского, супругов Гитгарц и других.

Оркестр городского общественного собрания под руководством Моргулиса был первым в

Челябинске профессиональным инструментальным коллективом такого масштаба, со стабильным и высококвалифицированным составом. Сам факт создания симфонического оркестра является показателем определенного уровня культурного развития города. Первые его выступления в Летнем саду стали «весточками подлинной музыкальной культуры» [11, с. 176], а классическая музыка в профессиональном исполнении (с момента организации в 1911 г. бесплатных симфонических концертов) стала доступна самым широким слоям городского населения.

Профессиональный хоровой коллектив в Челябинске был образован в 1909 г. по инициативе налогового инспектора С.А. Михайловского. Сохранившиеся рецензии в газете «Голос Приуралья» и других периодических изданиях являются свидетельствами успешности выступлений, профессионального роста Народного хора. Первый его концерт состоялся в Народном доме 1 ноября 1909 года (прим. 5). Программа концертов содержала только классические произведения разных жанров: хоровые миниатюры Ц. Кюи, А. Даргомыжского, Р. Шумана, фрагменты оперных произведений П. Чайковского («Орлеанская дева»), А. Аренского («Рафаэль»), М. Глинки («Руслан и Людмила»), П. Масканы («Сельская честь»), Э. Направника («Нижегородцы»). В опубликованной рецензии отмечалось, что «теперь уже нельзя не отметить проявление того в высшей степени живого интереса, какой вызывает в интеллектуальной публике предлагаемый концерт» [5]. С хором выступали известные челябинские солисты: Р. Баркова, о которой в газетах писали, что она имеет «сильный меццо-сопрано, гибкий во всех регистрах» [5]; М. Сандоровский, чье имя часто встречалось в объявлениях о домашних концертах и хвалебных отзывах об общедоступных концертах, и другие.

О популярности концертов классической музыки среди слушателей и высоком исполнительском уровне местных творческих коллективов свидетельствовал тот факт, что свободные места в зрительных залах отсутствовали, а билетные сборы почти всегда были полными.

Важное место в культурной жизни города занимала концертная деятельность приезжих артистов – драматических актёров и оперных певцов, выступающих в составе трупп и дающих сольные концерты, исполнителей старинных русских и цыганских романсов, известных киноактёров и цирковых коллективов. Став крупным транзитным центром, «воротами в Сибирь», Челябинск неустанно встречал и провожал проезжих знаменитостей (прим. 6). Невозможно переоценить тот культурный вклад, который вносили гастролирующие музыканты, воспитывая и воодушевляя челябинских артистов и зрителей, среди которых были оперные и оперно-

опереточные коллективы О.Р. Славиной, Л.П. Кузнецова, А.С. Апрельского, А.Г. Баратова; капеллы М. Агрёвой-Славянской, В.Г. Завадского, Ф.П. Павлова, великорусский оркестр балалаечников И. Левицкого, оперные певцы Императорских театров Л.М. Климентьев, В.А. Рошковская, Б.Г. Яковлев, Ю.М. Круглов, П.А. Чернов, солисты-инструменталисты Л. Любошиц, В. Вейнбаум, К. Думчев, П. Невский, Л. Перн и многие другие.

Параллельно с развитием музыкально-концертной жизни происходит зарождение и постепенное становление музыкально-критической деятельности. В 1906 г. в Челябинске начала издаваться газета «Голос Приуралья». Она выходила ежедневно и была доступна самому широкому кругу читателей. В рубрике «Театр и музыка», обычно располагавшейся на третьей странице газеты, помещались статьи об искусстве, рецензии на концерты и спектакли, организованные приезжими гастролёрами и местными силами, которые играли огромную роль в пропаганде высокого искусства и культурно-эстетическом воспитании челябинцев.

Рассматривая музыкальную культуру дореволюционного Челябинска, нельзя обойти вниманием область бытования религиозно-духовной музыки. В отличие от светского искусства, находившегося в стадии любительского освоения форм и жанров профессиональной культуры, эта сфера имела давние сложившиеся традиции.

При каждой из десяти православных церквей Челябинска существовал хор прихожан, руководимый профессиональным регентом. В церковных учебных заведениях музыка преподавалась с 1779 года. 9 марта этого года во все заказы Тобольской епархии были разосланы консисторские указы, предлагавшие создавать так называемые русские школы для обучения славяно-русской грамматике, пению по нотам, письму и арифметике, а в именном реестре содержались сведения о священниках, дьяконах, дьячках и пономарях Челябинского заката, умеющих не только исправно читать, писать, но и петь по нотам [1]. В системе духовного образования музыкальной грамоте отводилось очень важное место, она была почти таким же обязательным предметом, как и Закон Божий.

Светских музыкальных школ в Челябинске до революции не было (прим. 7) – музыкальное образование существовало в виде частной практики. Так, курсы обучения игры на баяне периодически организовывал баянист П. Толстихин, а Г. Моргулис, помимо руководства оркестрами, занимался педагогической деятельностью в реальном училище, обучая желающих игре на скрипке.

Большое значение для художественного воспитания и вовлечения в музыкальный процесс подрастающего поколения имела деятельность

детских творческих коллективов. С 1909 по 1914 годы функционировал струнный оркестр, организованный Г. Дробининым из учащихся реального училища, торговой школы и женской прогимназии. В 1910 году инспектором торговой школы Корытиным Н.П. и его супругой из воспитанников школы был организован ученический хор, который выступал на открытых и закрытых сценических площадках города.

Большой любовью челябинцев пользовался хор М. Андреевой, состоящий из 60 детей из разных социальных сословий. Корреспондент газеты «Голос Приуралья» так сообщал о детском спектакле «Всё к лучшему» – волшебной сказке «с песнями, живыми картинками и апофеозом», проведённом в Народном доме обществом попечения о начальном образовании: «Дети держались на сцене непринуждённо и свободно. Играли все без суфлёра и никто ни разу не запнулся. Реплики и выходы подавались своевременно. В заключении был исполнен апофеоз. Хор детей под управлением г-жи Андреевой – исполнил много хороших номеров пения» [7, с. 38].

С 1903 г. начало активно действовать музыкально-драматическое общество, появление которого также имело большое значение для культурной жизни Челябинска. В помещении Народного дома устраивались чтения, лекции-беседы, проводились литературно-музыкальные вечера, спектакли, концерты, где звучали произведения М. Мусоргского, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна. В числе первых постановок была опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин». «Известия Челябинского общества потребителей» от 27 марта 1910 г. обращали внимание членов общества «на эту полезную организацию, преследующую устройство разумных развлечений».

Нельзя не отметить серию исторических концертов, задуманных обществом с образовательной целью. «Субботники», посвящённые самым разным видам искусства, отличались регулярностью, что для провинции того времени было явлением достаточно редким. Системность в проведении вечеров, тематическая ориентация музыкально-драматического общества сыграли огромную роль в приобщении челябинцев к классическому искусству и свидетельствовали о возросшем уровне музыкальной культуры как организаторов и исполнителей концертов, так и публики, охотно их посещавшей.

Безусловно, музыкальную жизнь дореволюционного Челябинска, нельзя сравнивать с жизнью крупных городов и центров России – разрыв уровней культурного развития очень велик. Объясняется это тем, что население Челябинска с момента его основания составляли переселенцы крестьянского и мещанского сословий, в среде которых музыка была представлена в основном на

обрядово-бытовом уровне. Изменение культурной политики города во второй половине XIX века связано с формированием и возросшей ролью в социально-экономической жизни среднего класса, обладающего соответствующим духовно-художественным потенциалом. Была создана такая культурная среда, в которой бытовые формы музыкальной практики стали преобразовываться в музыкально-художественные, а любительское творчество – обретать профессиональные черты.

В целом, дореволюционный период оказался решающим в процессе становления музыкальной культуры в Челябинске, определившим пути и создавшим базу для дальнейшего развития.

Примечание:

1. Благодаря финансовым пожертвованиям Покровского был также открыт в 1874 году в берёзовой роще городской сад общественного собрания с летним помещением – клубом, где по вечерам играла музыка и проводились народные гуляния.

2. По инициативе дочери М.В. Покровской в посёлке Михайловском Митрофановского совхоза была организована прекрасно обеспеченная учебными пособиями четырёхклассная начальная школа.

Сын Кетова в 1902-1904 гг. на р. Миасс ставил народную драму «Людка и царь Максимилиан», а позже – «Сказание о Степане Разине». Одна из дочерей – певица К.М. Кетова – большую часть жизни, свой опыт и дарование посвятила эстетическому развитию подрастающего поколения. В советское время она заведовала домом художественного воспитания. Под её руководством ставились детские оперы.

3. После распада руководимого им коллектива Калиновский перешёл в оркестр Моргулиса на правах рядового музыканта.

4. В первое десятилетие XX века, как ни в какое другое время в истории Челябинска, велось активное строительство зданий, в результате чего появилось множество мест для проведения спектаклей и концертов, самыми популярными из которых были залы клуба железнодорожного общественного собрания (1902) и Народный дом (1903). С конца XIX в. спектакли и концерты проводились в большом зале Дворянского мужского училища, открытого Министерством народного просвещения в 1898 году. С 1901 года функционирует сцена на острове реки Миасс, открытая арендовавшим Сад-остров Городским пожарным обществом. В октябре 1902 г. Городской управой предпринимателю П.И. Сайковскому было разрешено построить и открыть цирк на торговой площади Южного бульвара (ныне Площадь Революции). В 1905 г. построен и открыт Летний театр в саду на острове р. Миасс. Горсад им. Пушкина (с летним театром, а позднее – с летним кинотеатром) был создан в 1906 году. В 1906 г. же

построено новое здание для Купеческого клуба на улице Исетской (К. Маркса). «Новый клуб» на улице Сибирской (Труда) был открыт в 1909 г. В электротеатрах (кинотеатрах) «Марс», «Идеал», «Фурор», «XX век», «Люкс», «Звезда», «Луч», «Рекорд», «Грёзы» помимо кинофильмов, челябинцы могли увидеть спектакль, побывать на концерте или послушать лекцию.

5. Во время премьеры в хоре участвовало 80 человек.

6. В Челябинске заканчивалась Самаро-Златоустовская и начиналась Западно-Сибирская железная дорога. Пассажирам, едущим в Сибирь, невольно приходилось покидать вагоны и ожидать нужного состава. Теперь множество гастролёров могли проводить в городе один-два концерта или спектакля.

7. Первая музыкальная школа в Челябинске возникла в 1920 г.

Литература:

1. Боже, В.С. Первые шаги народного образования [Текст] / В.С. Боже / Вестник ЮУрГУ. – № 1. – Челябинск, 2000. – С. 36-43.

2. Боже, В.С. Детский сад [Текст] / В.С. Боже // Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. – Москва : Московский писатель, 1996. – С. 183-184.

3. Вольфович, В.А. Челябинск музыкальный [Текст] / В.А. Вольфович. – Челябинск, 1989. – 176 с.

4. Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи [Текст]. – Москва : Московский писатель, 1996. – 488 с.

5. Газета «Голос Приуралья» [Текст]. – № 240. – 11/11, 1909.

6. Дореволюционный Челябинск в слове современников: Собрание текстов [Текст] // Челябинская энциклопедия / сост. В.С. Боже. – Челябинск : Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска. 1997. – 328 с.

7. ОГАЧО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 9.

8. ОГАЧО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 10.

9. ОГАЧО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 12.

10. ОГАЧО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 66.

11. Плонский, И.Я. Летний сад общественного собрания [Текст] / И.Я. Плонский // Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. – Москва : Московский писатель, 1996. – С. 176.

12. Скрипов, А.С. Челябинск. XX век [Текст] / А.С. Скрипов. – Челябинск, 2000. – 328 с.

13. Челябинск: Энциклопедия / Сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – 1112 с.

*Ishchenko Elena B.,
South Ural State Institute of Arts
named after P.I. Tchaikovsky,
Department of Theory,
History of Music and Composition, Teacher;
Ishchenko Nikolai P.,
honored artist of the Russian Federation,
South Ural State Institute of Arts
named after P.I. Tchaikovsky,
Professor of the Department of Folk Instruments
E-mail: nikelmusik@mail.ru*

**PRE-REVOLUTIONARY CHELYABINSK:
FORMATION OF PROFESSIONAL TRADITIONS OF MUSICAL ART**

Abstract. This work is devoted to the study of cultural traditions of the largest city of the Southern Urals – Chelyabinsk, at the time of its history, which is associated with the birth of the traditions of professional musical art. This is the period until 1917.

Keywords: musical tradition, musical and concert life, musical culture.

References

1. Bozhe, V.S. Pervye shagi narodnogo obrazovaniya [Tekst] / V.S. Bozhe / Vestnik YUUrGU. – № 1. – Chelyabinsk, 2000. – P. 36-43.
2. Bozhe, V.S. Detskij sad [Tekst] / V.S. Bozhe // Vrata Rifeya: Sbornik. EHsse, dokumenty, spravochnaya informatsiya, vospominaniya, khronika, rasskazy, stikhi. – Moskva : Moskovskij pisatel', 1996. – P. 183-184.
3. Vol'fovich, V.A. Chelyabinsk muzykal'nyj [Tekst] / V.A. Vol'fovich. – Chelyabinsk, 1989. – 176 p.
4. Vrata Rifeya: Sbornik. EHsse, dokumenty, spravochnaya informatsiya, vospominaniya, khronika, rasskazy, stikhi [Tekst]. – Moskva : Moskovskij pisatel', 1996. – 488 p.
5. Gazeta «Golos Priural'ya» [Tekst]. – № 240. – 11/ 11, 1909.
6. Dorevol'yutsionnyj Chelyabinsk v slove sovremennikov: Sobranie tekstov [Tekst] // Chelyabinskaya ehntsiklopediya / sost. V.S. Bozhe. – Chelyabinsk : TSentr ist.-kul't. naslediya g. Chelyabinska. 1997. – 328 p.
7. OGACHO. F. 1726. Op. 1. D. 9.
8. OGACHO. F. 1726. Op. 1. D. 10.
9. OGACHO. F. 1726. Op. 1. D. 12.
10. OGACHO. F. 1726. Op. 1. D. 66.
11. Plonskij, I.YA. Letnij sad obshhestvennogo sobraniya [Tekst] / I.YA. Plonskij // Vrata Rifeya: Sbornik. EHsse, dokumenty, spravochnaya informatsiya, vospominaniya, khronika, rasskazy, stikhi. – Moskva : Moskovskij pisatel', 1996. – P. 176.
12. Skripov, A.S. Chelyabinsk. KHKH vek [Tekst] / A.S. Skripov. – Chelyabinsk, 2000. – 328 p.
13. Chelyabinsk: EHntsiklopediya / Sost. V.S. Bozhe, V.A. Chernozemtsev. – Chelyabinsk : Kamennyj poyas, 2001. – 1112 p.

Растворова Наталья Валерьевна
 кандидат искусствоведения, доцент,
 член союза композиторов России;
 Южно-Уральский государственный
 институт искусств имени П.И. Чайковского,
 доцент кафедры истории,
 теории музыки и композиции
 E-mail: rastvorova2011@mail.ru
 Россия, г. Челябинск

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ТАТАРО-БАШКИРСКОГО ПРАЗДНИКА САБАНТУЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Аннотация: Статья посвящена претворению идеи татаро-башкирского праздника Сабантуй в диалогическом художественном пространстве отечественной культуры. Особое внимание уделяется Второй симфонии Н. Жиганова. Воплощение в сочинении на уровне большого художественного обобщения звукообраза народного праздника обусловлено претворением классических традиций русской композиторской школы в синтезе с тенденциями развития отечественной музыки 60-70-х годов XX века.

Ключевые слова: Сабантуй, художественный образ, диалог, татаро-башкирская национальная культурная традиция, симфония Н. Жиганова.

Сабантуй – богатая яркими художественными идеями тема татаро-башкирского искусства. Ею вдохновлялись писатели и композиторы, живописцы и скульпторы. Многогранное воплощение получила она в творчестве основоположников национальных литератур – Г. Тукая, Г. Ибрагимов, Г. Баширова, Х. Туфана, С. Хакима, А. Еники, Н. Фаттаха, М. Магдиева, Р. Файзуллина, Р. Хариса и других. «Сабантуй» – симфоническая увертюра Фазиля Ахметова, отсылающая к празднично-триумфальной жанровой традиции 50-60-х годов XX века, и песня Загида Хабибуллина.

В непрограммных симфонических сочинениях татаро-башкирских авторов и, в первую очередь, в их произведениях концертного жанра можно найти немало эпизодов, вызывающих ассоциации с различными звукообразами праздника Сабантуй. Такими имитациями игры деревенских музыкантов, образы удалой скачки, игры и пляса. Например, в концертах для оркестра Р. Газизова, в скрипичных концертах Л. Исмагиловой и Р. Сабитова, в Первой и Второй симфониях Р. Касимова. Невозможно пройти мимо подобного эпическим фрескам и целиком посвященного Сабантуе симфонического полотна одного из основоположников татарской академической музыки. Речь идет об одноименной программной симфонии Назиба Жиганова, который за свое произведение в 1970 году был удостоен государственной премии СССР.

Более подробное представление сочинения, раскрывающего идею излюбленного народного праздника на уровне обобщенного национально-музыкального символа, уместно предварить знакомством с образцами воплощения образов Сабантуя в литературе и живописи. Пространство этого диалога смежных искусств отнюдь не ограничивается локально-национальным татаро-

башкирским измерением, в него включаются голоса представителей русской культуры. Тем самым Сабантуй предстает в широком культурном поле. Иначе и быть не может в многонациональной стране, многовековой историей которой обусловлен общий «евразийский маршрут» жизненного пути двух народов.

Созвучные музыкальным образам симфонии Жиганова, страницы книги художника К. Нафикова «Путешествие в прошлое» переносят читателя в окрестности Казани – в весеннее пространство располагающегося между крепостью и Волгой Ханского луга, куда устремляется весь местный люд. Приводимая далее пространная цитата передает атмосферу, масштабы и величие красок общенародного праздника, его приподнято-оптимистическое настроение, в которое привносятся и лирические мотивы: «На красивейшую поляну длиною километров восемь шли отовсюду: ханские прислужники из самой крепости, с горной стороны из слободок – Стрелков, Акбиккуль, Арской, Касимской, Армянской, Ометьевской и других – мастеровые и торговый люд. Приходили и из ближайших сел на великий праздник Сабантуй. И стар, и млад прибежали на майдан. Тут находились и такие, которые ставили свои палатки и жили без выезда дней десять. Особенно рвалась на Сабантуй молодежь: сердца красавиц и джигитов-тружеников бились с нетерпением... «Эх, одержать бы нынче победу на Сабантуе, тогда бы можно было и сосватать возлюбленную!» – мечтает джигит. «Эх, вышел бы он нынче победителем, тогда мои родители не посмели бы отказать его свату!» – мечтает девушка. Почему? Да потому, что батыру Сабантуя почет и слава, он может говорить со всеми наравне. Таков обычай: джигит, ставший батыром на Сабантуе, – гордость народа,

национальный герой. Такой джигит может жениться на любой красавице и продолжить свой род. Да разве подведет в такой праздник влюбленный джигит?!» [2, с. 28-31].

Тема Сабантуя воплощена в живописных полотнах Б. Урманче, Л. Фаттахова, Т. Хазиахметова, И. Колмогорцевой, К. Нафикова. Духом богатырской народной силы овеяны скульптурные композиции «Батыр Сабантуя» Н. Адылова, «Праздничные фрагменты» Р. Нигматуллиной. В этом смысле в высшей степени символичны сюжеты «Сабантуя» Б. Урманче и В. Федорова.

Излюбленным предметом творчества Лотфуллы Фаттахова была деревня: скромное обаяние ее пейзажа, портреты ее жителей, многообразные жанровые зарисовки. Нелегкая жизнь не лишила художника присущего ему природного оптимизма, духом которого проникнуты его полотна. Таков и «Сабантуй», признанный одной из лучших картин национальной реалистической живописи. В центре этого многофигурного полотна запечатлен поединок, словно вобравший мускульное напряжение народной борьбы и поражающий динамичностью поз батыров. Колоритно выписано их окружение, способствующее передаче ощущения захватывающего дух зрелища. Особенно это подчеркнуто в характерных жестах самых «азартных болельщиков» из числа зрителей, создающих кольцевую композицию картины.

Ясное небо, склоняющиеся под порывами ветра ветви высокой стройной березы, развевающиеся праздничные полотенца, яркий дневной свет, богатейшая цветовая гамма, вобравшая наряду с природными красками и сияющую палитру народных костюмов – все в картине мастера наполнено мощным жизнеутверждающим началом, поистине симфоническим звучанием темы праздника Сабантуя.

В жанровой картине Ильдуса Муртазина «Размахнись, рука» также показан отдельно взятый эпизод Сабантуя, причем ракурс его подачи ограничен исключительно крупными планами героев. Бой мешками с сеном верхом на бревне выдержан в стилистике полотен А. Дейнеко, что отнюдь не говорит о подражательности или эпигонстве татарского художника, поскольку избранная техника рисунка позволила автору раскрыть через атлетический облик персонажей античный в своих истоках мотив гармонии тела и духа. Здесь этот мотив выступает в качестве пластического символа, воспевающего красоту и жизненную силу татарского народа. Аналогией изображенному могут послужить знаменитые строки стихотворения Кольцова: «Разудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, Ветер с полудня! Освежи, взволнуй Степь просторную!». Весьма вероятно, что художник сознательно

прибегнул в названии своей картины к типично постмодернистскому приему «реплики», адресовав ее в сферу творчества русского поэта, чьи стихи воспринимаются как подлинно народные.

Картина примечательна воссозданным в ней состоянием неустойчивого равновесия – одним из самых динамически действенных факторов живописных композиций. Организуя свое полотно посредством диагональной конструктивной идеи и сочетая ее с выразительностью поз и жестов юношей, И. Муртазин удивительно метко передает модус мгновения за секунду до развязки захватывающего дух поединка. Выбор общего колорита и цветового решения каждой живописной детали тоже не случаен и призван передать поистине феерическую праздничную атмосферу, состояние радости и полноты бытия.

Мажорной «живописной мелодией» отмечена и композиция Абрека Абзигильдина, отошедшего от канонов реалистически-предметного стиля и тем самым парадоксально подчеркнувшего и народный (отсылающий к стилистике лубка и неопрIMITивизма) дух праздника, и его многогранность. Сабантуй предстает в этой картине точно впитавший в себя сказочность арабского Востока и притом обозреваемый с высоты птичьего полета (панорамный ракурс охвата), что создает незабываемое впечатление бурления жизни и многообразия форм главного национального праздника татаро-башкирского народа.

Аналогичные решения можно найти и в картинах других авторов. Так, например, Сафар Гали так же, как и Абзигильдин, написал праздник с высоты птичьего полета – с расплывающимися вдаль полями и холмами, с палатками и шатрами, с канатоходцами, борцами и невозмутимыми верблюдами. Олег Яхнин создал на своем холсте композицию в жанре двойного портрета. Его колоритными персонажами являются батыр – мастер национальных единоборств и шашлычных дел мастер. Чемпион в национальной борьбе куреш изображен с полученным призом – живым бараном, а виртуозно жонглирующий шампурами с шашлыком веселый повар рядом с победителем словно предрекает участь призового барана. Однако, остающаяся за рамками картины развязка этого сюжета оставляет надежду на тот случай, когда барану сохранится жизнь и в дальнейшем его берегут, о нем заботятся и гордятся им. А в «Сабантуе» Ш. Шайдуллина – с мальчиком-кураистом в центре – во главу угла выносятся орфическая тема всепобеждающей силы музыки, смысловой мотив волшебной силы искусства. В картине обращают на себя внимание одухотворенные лица юного музыканта и слушателей, создающие ощущение богатства внутреннего мира народа.

Обращаясь к еще одной картине А. Абзигильдина «Бег в мешках», наряду с

семантически выразительной цветовой палитрой следует отметить оригинальное (как бы вне нашей реальности) пространственное решение, которому можно найти объяснение в мифологии древних башкир. Это зрелищно-развлекательное типично карнавальное мероприятие отсылает к архетипическому мотиву состязания Югеряк-батыра со старухой-бегуньей, символизирующему поединок старого и нового, добра и зла, зимы и весны.

Наряду с множеством интерпретаций Сабантуя в татаро-башкирской культурно-национальной традиции к этой теме в своем творчестве прикоснулся Александр Твардовский в поэме «Василий Теркин». Впервые слово «Сабантуй» Твардовский услышал осенью 1941 года в одной из воинских частей Советской армии, державшей оборону под Полтавой. Поэт отмечал повсеместное употребление этого слова и штабным командиром, и артиллеристами на батарее переднего края, и жителями окрестных деревень [3, с. 24]. В главе «На привале» (обнаруживающей реальное событие, положенное в основу текста поэмы) «Сабантуй», выступающий в качестве ключевого слова, организует процесс развертывания сюжета доверительного непринужденного общения красноармейцев в минуты отдыха после боя. С удивительным мастерством обыгрывает поэт этот смысловой рефрен разговора, создавая эффект эмоционального нагнетания, родственного музыкально-драматургическому сценарию крещендирующего развертывания. От «малого» сабантуя («Вот под первую бомбежкой/ Полежишь с охоты в лежку,/ Жив остался – не горной») нить поэтического повествования протягивается к «среднему» («Хуже, брат, как минометный/ Вдруг начнется сабантуй») и через постулат воинской чести, отваги и доблести («Сабантуй – тебе наука,/ Враг лютует – сам лютуй») к главному испытанию – танковой атаке врага, которому не дано сломить дух сопротивления советского бойца. Так открывается еще один смысловой план ключевого слова, отсылающий к архетипическому мотиву народного праздника – противоборства-поединка, который в данном случае выходит за рамки национальных границ и приобретает высокое общенародное патриотическое звучание.

Творчество Назиба Жиганова масштабно, многогранно и многожанрово. Оперы «Алтынчач», «Джалиль», балетная диалогия «Две легенды», симфонические и камерные сочинения входят в сокровищницу профессиональной татарской музыкальной культуры. В широкой эмоциональной палитре его музыки эпическая мощь художественного высказывания сочетается с тонкостью выражения лирической эмоции. Подлинную оригинальность художественного мышления автора ярко раскрывает его Вторая симфония «Сабантуй» (1968).

Произведение, отсылающее к кучкистским эпическим традициям программно-жанрового симфонизма, демонстрирует их самобытное творческое воплощение, вписываясь в контекст своего времени и отвечая духу поисков представителей Новой фольклорной волны. Подобно С. Слонимскому и Р. Щедрину, раскрывших в своих сочинениях возможности обновления музыкального языка в опоре на фольклорные первоисточники, Н. Жиганов создает свой звукообраз национальной музыки, свободно претворяя в структуре кантиленных и моторно-танцевальных тем мелодические и ритмические закономерности татарской песенно-инструментальной музыкальной традиции.

Примечателен ладовый облик тематической сферы симфонии, которая при ощущении пентатонической основы отмечена богатством и гибкостью развертывания индивидуализированных ладовых структур. С аналогичного рода авторскими ладовыми решениями мы встречаемся во вступлениях к операм «Виринея» и «Не только любовь», в музыкальных характеристиках главных героинь этих сочинений. Ряд примеров можно продолжить, вспомнив «Звоны» Щедрина или вокальный цикл Гаврилина «Русская тетрадь».

Вместе с тем, само явление, вызвавшее к жизни произведение Жиганова, предоставило композитору широчайшие возможности раскрытия разных граней народной темы в диалоге с увертюрой Балакирева «Русь», с Богатырской симфонией Бородина, с «кучкистской» Второй симфонией Чайковского и, конечно же, с ориентальными произведениями классиков русской музыки («Шехеразада», «Тамара», «Исламей»). Этот ряд, восходящий в пространстве отечественной музыкальной культуры к испанским увертюрам и восточным сценам «Руслана и Людмилы» Глинки, дополняется множеством сочинений представителей национальных композиторских школ советского периода, говоря о которых невозможно не упомянуть скрипичный и фортепианный концерты Хачатуряна.

Яркая образность, опирающаяся на творческое претворение жанровых основ народной музыки и апеллирующая к жизнеутверждающему национальному музыкальному началу, – качество, органически присущее Второй симфонии Жиганова. Как в динамичном жизненном процессе одно событие сменяет другое, так и в интонационной фабуле симфонии, по принципу кинематографического монтажа, в единую сюжетную канву сплетаются поэтические пасторально-лирические образы, передающие идею единения человека с природой, праздничные фанфары, эпически-суровое размышление о драматических страницах истории народа, зажигательная вихревая сцена массового танца-празднества. Вместе с тем, все в симфоническом «Сабантуе» подчинено общему настроению

праздника жизни, олицетворяющего идею красоты и силы созидательного народного духа.

В произведении представлены все составляющие четырехчастного цикла при перегруппировке его частей, что в свою очередь отвечает тенденциям времени, связанным со структурными модификациями классической жанровой симфонической модели. При том, что каждая часть выдерживается в заданном ей названием образном строе (*Andantepastorale* – *Allegroassai* – *Andantecantabile* – *Allegrovivo*), они следуют без перерыва (*attaca*), объединяясь в поэдную композицию, развернутые «симфонические кадры» которой охватывают различные грани человеческого бытия. Прослаивающее их драматургическое развитие двухтемное вступление включает праздничную фанфару-призыв и контрастную ей по настроению унисонную мелодию басовых голосов оркестра – эпическое размышление, отсылающее к начальному мотиву народной песни «Сабантуй». А гораздо более современная песня «Яшьлек» («Молодость») положена в основу исполненной витального жизненного духа четвертой вальсовой части. Вспомним здесь выражение «и стар, и млад» из описания Сабантуя в книге Нафикова, которое словно озвучивает симфония композитора, воплощающего посредством своеобразной фольклорно-музыкальной метафоры идею непреложной связи времен. Завершение произведения лирической пасторальной темой первой части и фанфарами вступления – типично

эпический прием интонационной арки, способствующей ощущению музыкально-драматургической целостности масштабной жанровой картины.

Один из множественных аспектов российского диалога национальных культур весьма выразительно характеризует высказывание самого композитора: «национальное своеобразие произведения никогда еще не было помехой для его восприятия и понимания другими народами. Более того, чем ярче в том или ином произведении выражена национальная специфика музыки, чем глубже и полнее раскрыт мир мыслей, стремлений, идеалов народа, чем творчески активнее и смелее трактуются в нем художественные традиции, тем больше оно приобретает интернациональный характер» [1, с. 173]. Это высокое художественное качество в полной мере свойственно программной симфонии Жиганова «Сабантуй».

Литература:

1. Гиршман, Я. Назиб Жиганов [Текст] / Я. Гиршман. – Москва : Советский композитор, 1975. – 205 с.
2. Нафиков, К. Путешествие в прошлое [Текст] / К. Нафиков. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1993. – 17 с.
3. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений [Текст] / А. Твардовский. – Москва : Художественная литература, 1966. – 3080 с.

*Rastvorova Natalia V.,
Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor,
member of the Union of Composers of Russia;
South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky,
Associate Professor of Department of History, Theory of music and Composition
E-mail: rastvorova2011@mail.ru
Russia, Chelyabinsk*

ARTISTIC IMAGES OF THE TATAR-BASHKIR HOLIDAY SABANTUY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN DIALOGUE OF CULTURES

Abstract: The article is devoted to the implementation of the idea of the Tatar-Bashkir holiday Sabantuy in the dialogic artistic space of the national culture. Particular attention is paid to the Second Symphony of N. Zhiganov. The embodiment in the composition at the level of a large artistic generalization of the sound image of the national holiday is due to the implementation of the classical traditions of the Russian composer school in synthesis with the trends in the development of Russian music of the 60s and 70s of the 20th century.

Keywords: Sabantuy, artistic image, dialogue, Tatar-Bashkir national cultural tradition, N. Zhiganov's symphony.

References:

1. Girshman, YA. Nazib ZHiganov [Текст] / YA. Girshman. – Moskva : Sovetskij kompozitor, 1975. – 205 p.

2. Nafikov, K. Puteshestvie v proshloe [Tekst] / K. Nafikov. – Kazan' : Tat. kn. izd-vo, 1993. – 17 p.

3. Tvardovskij, A.T. Sobranie sochinenij [Tekst] / A. Tvardovskij. – Moskva : KHudozhestvennaya literatura, 1966. – 3080 p.

Романова Кира Степановна,
кандидат философских наук, доцент;
Учреждение Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН;
Отдел философии,
старший научный сотрудник,
E-mail: romkira@yandex.ru
Россия, г. Екатеринбург

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье рассматриваются ментальные национальные особенности, которые проявляются в столкновении с общемировыми закономерностями истории. Анализируются разные методологические подходы к пониманию противоречия инверсии и медиации в современной истории и культуре России.

Ключевые понятия: ментальные особенности, историческая инерция, инверсия, медиация, расколотое самосознание.

Под ментальностью понимается естественное духовное проявление самобытности мироощущения, миропонимания и мироотношения к природе и обществу как отдельной личности, так и определённых сообществ. Ментальность не рефлексруется сознанием, а эмоционально отражается в поступках людей, в их ежедневных практиках. Карл Юнг назвал этот феномен архетипами бессознательного. Психологической составляющей менталитета является национальный характер. Трудно не согласиться с К. Касьяновой, которая утверждает: «Национальный характер наиболее просто определяется по двум основным компонентам: это генотип плюс культура. При этом культура не представляет собой пассивного слежка с генотипа, она во многих моментах активно ему противостоит, поскольку главная задача культуры адаптировать генотип человека к его окружению и условиям существования. В таком постоянном взаимодействии-противостоянии генотип и культура выработали на протяжении многих веков и даже тысячелетий устойчивые модели поведенческих комплексов и систем установок, которые можно назвать здесь социальными архетипами» [8, с. 453].

Исследования с помощью психологических тестов, как отмечает названный выше автор, показывают в нашем этническом генотипе выраженный эпилептоидный компонент [8, с. 453-457]. Эта типологическая особенность русских людей характеризуется некоторой замедленностью мышления, довольно высокой (до определённого предела) терпеливостью к внешним стимулам и раздражителям, значимостью иерархии и подчинением ей. Но когда ситуация провоцирует, происходит нарастание внутренней тревожности и раздражения, мы становимся взрывоопасными. Это сочетание терпеливости и взрывоопасности делает нас довольно непредсказуемыми и не всегда понятными в поведении (к примеру, «русский

бунт»). В этом проявляется иррациональность и амбивалентность русо-русского характера. Однако культура сглаживает «шероховатости» нашего генотипа. Например, она понижает взрывоопасность, растягивая период спокойствия за счет высокой ценности, придаваемой в культуре терпению. Вообще система ценностей, таких, например, как православная религия, соборность, ценность труда, связанного с внутренним самосовершенствованием человека, приоритетность духовного перед материальным и др., играет огромную роль в формировании ментальности. Следует также отметить, что культурный человек нашего этноса всегда с большим уважением относится к ценностно-рациональному типу целеполагания, чем к целерациональному (по типологии Макса Вебера). Это приводит к тому, что при наложении на наш социально-интервертивный тип общения, русский человек развивает большую чувствительность к моральным сторонам общения и человеческих отношений, что порождает правдоискательство и стремление к устройству идеальных отношений [9, с. 149-150].

Исторический процесс содержит в себе и старое, традиционное, и новое. Каждое из приходящих на историческую арену поколений использует то, что наработано и передано поколениями предыдущими – производительные силы, капиталы, бытовые практики. Но всё это наследуется не в застывшем виде, а видоизменяется в деятельности, таким образом создаётся совершенно новая реальность и новые условия деятельности. Или, как говорят философы, прошлое существует в настоящем в «снятом» виде.

Этот процесс может приобрести формы и масштабы, адекватные сложности общества и требованиям времени, но он может и отставать от потребности в нем, быть выраженным в патологических формах. Главную трагедию в этом, например, А. Ахиезер видит в отставании

рефлексии, самосознания, способности к самоизменению общества в зависимости от сложности подлежащих решению проблем. Недостаточная способность к самопознанию и саморазвитию в соответствии с этим познанием способствовала, в частности, утверждению в массовом масштабе утопических, мифологических и псевдомифологических представлений о социальной реальности и путях развития общества, что имело разрушительные последствия, дезорганизовывало общественное бытие на всех его уровнях. Дело не в одном или нескольких неверных решениях, дело в систематической утопической практике, в той чрезмерной доверчивости к своему опыту, вере, «революционной справедливости», миссии, которые рано или поздно обнаруживают свою иллюзорность, свое расхождение с реальностью. Историческая инерция – свидетельство привязанности человека и общества к освоенному опыту, постоянное отставание во внедрении инноваций, и, следовательно, снижение адаптивных возможностей общества, его приспособления к постоянно меняющейся ситуации. Неслучайно самым благоприятным периодом жизни в советское время многие считают период правления Л. Брежнева – «эпохи застоя». Инерция истории преодолевается лишь постоянной критикой исторического опыта, причём критикой массовой и деятельной.

Исторически для России характерна склонность к переменам. Отечественная история образует последовательность модернизаций всех возможных типов – от реформ в тех или иных сферах общественной жизни до социальных революций. Исходные идеи модернизаций могут быть вполне разумными и обоснованными, но в ходе их реализации проявляется типично русское иррациональное начало, препятствующее соблюдению меры, которое Н.А. Бердяев образно назвал «тёмным вином». Ответом является защита архаичных или же просто устаревших форм общественной жизни, которая нередко оказывается столь же иррациональной. Н.А. Бердяев определил это как специфическую особенность русского национального характера, или то, что в свете современной науки, называют «архетипами». «В русской политической жизни, в русской государственности скрыто тёмное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддаётся никаким рациональным объяснениям. Действие этого иррационального начала создаёт непредвиденное и неожиданное в нашей политике, превращает нашу историю в фантастику, в неправдоподобный роман». О русской политической реакции говорится, что это «не реакция, а опьянённое разложение», что, хотя «самое правое, консервативное направление может защищать известный тип культуры», русская

реакция «есть оргия, лишь внешне прикрытая бюрократией, одетой в европейские сюртуки и фраки». Тёмным вином опьянена не только власть. «В русской земле, в русском народе есть тёмная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия. Как бы далеко ни заходило просвещение и подчинение культуре русской земли, всегда остаётся осадок, с которым ничего нельзя поделаться» [4, с. 50–52].

Следующим, наиболее существенным фактором, определившим специфику русского национального характера, Н.А. Бердяев считал безграничность русских пространств: «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи и держали русский народ в непомерном напряжении...» [4, с. 62–63]. Более поздний российский мыслитель, академик Д.С. Лихачёв, в своих «Заметках о русском» отмечал позитивное влияние природных факторов на ментальность русских. Он пишет: «О чём же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? Прежде всего – о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое и совестливое. Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей».[7, с. 28]

Великая русская революция представляет собой не случайный эпизод русской истории, а проявление глубокой исторической, политической и психологической закономерности. Благо, что подобный идеалистический тип советской культуры, наставший в нашей стране после великой революции, представляет собой только один из периодов истории, каких, как отмечает П. Сорокин: «было сравнительно немного и продолжались они недолго» [11, с. 76].

В настоящее время изменяется методологический подход для изучения истории общественного развития. Одна группа исследователей утверждает, что линейное понимание истории закончено. Об этом написано много (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.). История была могучим мифом, ибо связывала причины и развитие событий, признавала как бы причинно-следственные связи (Бодрийар). Эта история закончилась незаметно, так как еще продолжает жить поколение, вышедшее из неё, ностальгирующее по ней, готовое вернуться в неё и позвать за собой других. Постмодернизм отмечен другим видением. История – не линейна (Деррид), а, следовательно, нет причины, вызывающей однозначное и конкретное следствие, нет прямой и

необратимой связки, к которой привыкло наше мышление; события разворачиваются алогично, непредсказуемо; прошедшее не всегда является основой для будущего, связь между ними все более призрачна и сомнительна. Мы живем без специальных разметок и изначальных координат (Фуко), и «невозможно единое зеркало мира». «Постообщество состоит из разрозненных и отчуждённых индивидуумов, которые не порождают никакого нового единства». Они живут вместе, но по отдельности, ничего не зная и не желая знать друг о друге. В постообществе преобладает принцип полной гетерогенности, абсолютно разные по социальным и личностным характеристикам люди могут находиться рядом [5, с. 82-83].

Другая группа абсолютизирует роль цикличности в историческом и культурном развитии. То, что на философском языке называется инерцией истории, в реальной истории приобретает форму циклических изменений. Бессмысленно отрицать наличие ритмов в нашей жизни. Существуют периодические колебания в космосе, природе, биологические циклы в человеческой жизни. Столь же естественны циклические размерности в обществе. Теория циклов экономической активности Н. Кондратьева, циклы и конъюнктуры историка Ф. Броделя, циклы истории А. Тойнби признаны в науке. Циклическая социокультурная динамика в традиционных обществах – это не только мифологические представления древних народов, за этим стоит некая историческая реальность. Идея цикличности в развитии истории и культуры находит все большее количество сторонников. Характеристика динамики общества, его культуры раскрывается с помощью анализа двух категорий: «инверсия» и «медиация». По утверждению А. Ахиезера, эти категории создают новые смыслы, новые дуальные оппозиции, новые системы этих оппозиций, иное качество отношений общества и личности, уровни производительной деятельности, стимулирующие развитие личности – одним словом, формируется динамика исторического процесса [2, с. 186].

Актуальность и настоятельность такой позиции диктуется тем, что мы живём в эпоху доминирующего кризиса. Справляясь с данной проблемой, человек начинает жить вне времени. Следует заметить, что недовольство своей эпохой характерно для человека любого времени, оно позволяет восхвалять и идеализировать прошлую жизнь, не принимая ее отрицательных сторон. Из прошлого человек пытается вернуть некоторые культурные и духовные ценности, запуская процесс архаизации, который может оказать как положительное, так и негативное влияние, тормозя дальнейшее развитие культуры.

Живая жизнь традиций отличает их от архаизации по степени востребованности и отношению со временем. По мнению А. Ахиезера,

«архаизация означает следование культурным программам, исторически сложившимся в пластах культуры и не отвечающим сегодня возрастающей сложности мира» [1, с. 89]. Архаизмами, архаикой оказываются не только устаревшие слова, но и культурные практики.

Для инверсии характерна напряженная направленность деятельности в основном на господство прошлого над будущим. То есть происходит экстраполяция накопленного богатства культуры на новую ситуацию.

Господство инверсии в каждый момент времени не требует того, чтобы долго и мучительно выработать принципиально новое решение, но открывает путь быстрым логическим мгновенным переходам от настоящей ситуации к идеальной, которая возможно в новых одеждах воспроизводит некоторый элемент накопленного культурного богатства. В качестве инверсии выступает логически ментальное переосмысление того или иного явления как зла, что является одновременным отходом от осмысления его как добра, и наоборот. Инверсия выступает как социальный феномен, как массовый взрыв народного негодования, направленного на то, чтобы смести всех, кто разрушает и что разрушает привычные формы жизни, превращает их из комфортных в дискомфортные.

Медиация предполагает поиск меры между полюсами дуальной оппозиции. Конструктивная напряжённость человеческой деятельности, ориентированная медиацией, нацелена на формирование некоторого третьего состояния, преодолевшего противоположность полюсов. Р. Рорти по этому поводу пишет: «философы не должны пытаться быть авангардом общества и культуры, но должны удовлетвориться ролью посредников между прошлым и будущим. Их задача соединить старые и новые верования, гармонизировать их, не противопоставлять друг другу. Подобно инженеру и юристу, философ полезен в решении определённых проблем, возникающих в определённых ситуациях, – когда язык прошлого пришел в конфликт с потребностями будущего» [10, с. 29]. Медиация есть отказ от абсолютизации полярностей и максимизация внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга. Медиация возникает вместе с культурой, существуя на заднем плане инверсии. Медиация стремится к преодолению ограниченности исходной оппозиции, выходу на качественно новый виток развития.

Циклы политического правления редко превышают четыре–пять астрономических лет. Несмотря на свою внешнюю практическую пригодность, они способствуют тому, что противоречие между мотивами моментального извлечения выгоды и долгосрочного планирования оканчивается неминуемым поражением последнего

из-за практической необходимости конкретной правящей администрации укладываться в отведённые ей временные рамки и учитывать конъюнктурные колебания. Между тем, целый пласт плодотворных идей и механизмов оказывается утраченным, и, зачастую, утраченным навсегда. Конкретная правящая администрация должна нести ответственность в первую очередь за это. Накопление критической массы потенциала указывает на наступление момента возможности изменения, которая не обязательно будет реализована. При оценке работы людей, принимающих решения, следует учитывать не объем сделанного ими, а именно реализацию потенциала данного конкретного момента, которая зависела исключительно от них. Понятие «пропущенная точка роста» указывает на существование в конкретный момент времени в прошлом возможности для изменения вектора развёртывания процесса в ином направлении. Прохождение подобного узла является крайне важным событием в истории любого процесса. Именно для такой точки характерно такое равновесие возможностей, при котором достаточно небольшого усилия, чтобы повлиять на направление последующего движения.

Как отмечает А. Ахиезер, историческая «болезнь» России – социокультурный раскол. Как могло случиться, что общество время от времени обращается против себя самого, сокрушая в остром приступе ненависти к себе собственноручно созданную культуру, уничтожая целые социальные слои, разрушая государство, и вновь пытается как будто начать жизнь сначала, с чистого листа, осуществить радикально иной проект жизнеустройства? На обыденном уровне эта общеизвестная особенность российского исторического развития предстает как иррационально-непознаваемая. Ее называют коллективным безумием, невидимым, всепроникающим злым чёрным духом, бесовством.

Раскол – в христианском смысле – результат недостатка любви людей друг к другу, неспособность миром сладить общее дело, достичь устраивающего всех компромисса, примирить сталкивающиеся интересы. Расколотое общество просто не может изменяться иначе, чем осуществляя «маятниковые» колебания между полярностями. Логически совершенно ясно, что оно естественным образом вследствие раскола переходит от одной патовой ситуации к другой. Исторический «маятник», если следовать схеме автора, качнулся уже пятнадцать раз. Подобный тип динамики в сложном обществе – поляризованный, катастрофический – несет в себе разрушительный потенциал дезорганизации, так как создает повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленного опыта [3, с. 9-10].

В настоящее время в России создано аморфное государство, отражающее политическую борьбу за власть различных социально классовых сил, имеющих различную политическую ориентацию: демократическую, либеральную, либерально-демократическую, социалистическую и др. Как отмечал А. Зиновьев: «Социальная организация постсоветской России умышленно сконструирована так, чтобы не допустить её возрождения как социального феномена, способного конкурировать с Западом за доминирование в процессе эволюции человечества, способного препятствовать Западу в его борьбе за мировое господство» [6, с. 287].

Вместе с тем, в современном российском обществе сосуществуют несколько поколений, чей опыт в силу исторических событий различается. Это и почти уходящее уже поколение, чье детство пришлось на Великую Отечественную войну, а юность – на годы строительства социализма; это и поколение, чья жизнь проходила в относительно стабильные годы «брежневского застоя», и чьи ценности были обрушены перестройкой. Рождаемые в 80-е годы жили и формировались в иной исторической реальности, быстро меняющейся, что приводило к растерянности. Сейчас выходит на социальную арену послеперестроечное поколение, выросшее и в другой экономической ситуации, и в ином информационном поле. И отчетливо видно, что для нового поколения характерна выраженная социальная активность, желание участвовать в социальных преобразованиях, социальная ответственность и инициатива. Поколения пересекаются, при этом явной становится тенденция возрастающего интереса молодых к истории своих предков, попыток разобраться в причинах их ценностных выборов и поведения. Во всем этом видится возможность интеграции ценностей, объединяющей разные поколения общей ментальности.

Литература:

1. Ахиезер, А.С. Архаизация в русском обществе как методологическая проблема [Текст] // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 89-100.
2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического процесса [Текст]. – Москва : 1991. – Т. 3.
3. Ахиезер, А.С. Социально-культурные проблемы развития России [Текст]. – Москва : ИНИОН, 1992.
4. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности [Текст]. – Москва : Философское общество СССР, 1990.
5. Дугин, А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли [Текст]. – Москва : «Евразийское движение», 2009.

6. Зиновьев, А.А. Гибель русского коммунизма [Текст]. – Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
7. Лихачев, Д.С. Заметки о русском [Текст] // Д.С. Лихачев. – Москва : Советская Россия, 1984.
8. Касьянова, К. О русском национальном характере [Текст]. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003.
9. Романова, К.С. Российская ментальность и либерализм [Текст] // Научный ежегодник Института Философии и права Уральского

- отделения Российской академии наук. – Вып. 6. – Екатеринбург ; УрО РАН, 2006. – С. 149-165.
10. Рорти, Р. Философия и будущее [Текст] // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 29-34.
11. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений [Текст] / пер. с англ., коммент., и статья В.В. Сапова. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000.

*Romanova Kira S.,
Ph. D. in Philosophy, Associate Professor;
Institution of the Russian Academy of Sciences
of Institute of Philosophy and Law
of Ural Branch of the Russian Academy of Science
Philosophy Department,
Senior Researcher,
E-mail: romkira@yandex.ru
Russia, Ekaterinburg*

MENTAL PECULIARITIES OF NATIONAL CHARACTER AND THEIR MANIFESTATION IN RUSSIAN HISTORY

Abstract: The article considers the mental national features that manifest themselves in a collision with the universal laws of history. Different methodological approaches to understanding the contradiction of inversion and mediation in contemporary history and culture of Russia are analyzed.

Keywords: mental features, historical inertia, inversion, mediation, split self-awareness.

References:

1. Ahiezer A.S. (2001) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no 2. pp. 89-100.
2. Ahiezer A.S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo processa*. Moscow, T. 3.
3. Ahiezer A.S. (1992) *Social'no-kul'turnye problemy razvitija Rossii*. Moscow, INION.
4. Berdjaev N.A. (1990) *Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti*. – Moscow, *Filosofskoe obshhestvo SSSR*.
5. Dugin A. (2009) *Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli*. Moscow, «Evrazijskoe dvizhenie».
6. Zinov'ev A.A. (2001) *Gibel' russkogo kommunizma*. Moscow, ZAO Izd-vo Centrpoligraf.
7. Lihachev, D.S. (1984) *Zametki o russkom* // D. S. Lihachev. – Moscow, *Sovetskaja Rossija*.
8. Kas'janova K. (2003) *O russkom nacional'nom haraktere*. M.: *Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga*,
9. Romanova K.S. (2006) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta Filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*. Vyp. 6:, Ekaterinburg; Uro RAN, pp. 149-165.
10. Rorti R. (1994) *Voprosy filosofii*. no. 6. pp. 29-34.
11. Sorokin P.A. (2000) *Social'naja i kul'turnaja dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shijh sistemah iskusstva, istiny, jetiki, prava i obshhestvennyh otnoshenij* / Per. s angl., komment, i stat'ja V.V. Sapova. SPb. : RHGI.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА МУЗЫКАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается музыкальное мышление как одна из форм художественного сознания, художественной деятельности, направленной на творческое осмысление и обобщение и способствующая формированию музыкальной культуры общества. Подчеркивается связь музыкального мышления как феномена с такими основополагающими музыковедческими категориями как стиль, жанр, музыкальный язык.

Ключевые слова: мышление, стиль, стилевые детерминанты, категории музыкального языка, интертекстуальность.

Проблемам художественного мышления и его разновидности музыкальному мышлению, посвящён целый ряд работ современных психологов и искусствоведов (Б. Теплов, Л. Рубинштейн, М. Выготский и др.). В их трудах наметилась плодотворная тенденция рассматривать мышление не только как особую форму психики и сознания, но и как высший уровень целостности всей многоплановой сферы сознания, осуществляющий качественную перестройку связанных с ним специфических форм сознательной деятельности и возникновение новых форм. С этих позиций объясняется сущность таких сложных процессов работы сознания, как осмысленные психические реакции, интеллектуальные чувства, образное и эмоционально-оценочное мышление.

Для искусства, основным духовным материалом которого являются высшие интеллектуальные эмоции и чувства, принципиальное значение данного подхода трудно переоценить. Он позволяет установить характер и степень участия форм рационального дискурсивного мышления (понятий, категорий, операций) в становлении художественно-образных представлений. Именно здесь существенно расходятся мнения многих философов, психологов и предпринимаются попытки разделить научное (теоретическое) мышление и мышление художественное: абстрактно-логическим принципам научного мышления противопоставляют образно-эмоциональную особенность художественного мышления. Однако, очевиден тот факт, что эмоционально-образная сторона мышления является постоянным компонентом мышления и присутствует в любой практической деятельности. Следовательно, мышление по своей природе целостно и неразделимо на противопоставляемые формы в зависимости от сфер его функционирования. Целостность мышления обеспечивается общностью его форм во всех сферах применения. Эти общие

положения могут служить отправной точкой для выявления специфики мышления в различных формах сознания и видах деятельности.

В науке целью субъекта познания является проникновение в суть познаваемого объекта. Целевая направленность деятельности в научном мышлении может быть определена исходя из схемы объектно-субъектных отношений, как субъективизации объективного, накопление знаний о сущностных характеристиках исследуемого объекта. Направленность мыслительной деятельности в такой форме сознания как искусство можно условно определить напротив, как процесс объективации субъективного, другими словами, отражение внутреннего мира художника, т. е. творца произведения. Следовательно, целевая направленность мыслительной деятельности в искусстве противоположна направленности научного мышления. В конечном итоге, спецификацию продуктов мышления определяет сфера функционирования, т. е. среда. По мере поступательного развития этого процесса происходит обособление мыслительной деятельности определенной направленности, и в результате возникают такие виды мышления как художественное мышление, музыкальное, техническое, математическое и пр. При этом не нарушается тезис о целостности мышления.

Все исследователи отмечают, что художественное мышление обладает безусловной специфичностью. Цель искусства – фиксация системы отношений в художественном образе. Отсюда содержание искусства – отражение сложной многоуровневой системы отношений субъекта к реальной действительности, а художественный образ – модель системы отношений, реализованная в материале того или иного вида искусства. «Художественное мышление может охватывать также образную активность, связанную с восприятием художественного произведения, а также оценкой действительности с точки зрения общеэстетических и собственно

художественных критериев и установок (идеалов, вкусов, норм, канонов)» [11].

Исходя из вышеизложенного, музыкальное мышление, являясь частью более широкой категории художественного мышления, представляет собой реализуемый в интонировании процесс моделирования системы отношений субъекта к реальной действительности. Музыкальное мышление генетически связано с психической деятельностью человека и общими формами мышления – в этом проявляется единство всех форм мышления человека и способность к отражению действительности. Тем не менее, общие закономерности человеческого мышления приобретают в музыкальном искусстве глубоко своеобразный характер.

Установлено, что мышление оперирует им же сформированными моделями, которые определяют как понятия, категории, теории. В отношении музыкального искусства такую функцию выполняют интонационные модели. Интонационная сущность музыкально-мыслительной деятельности вызывает определённые трудности методологического характера в дальнейшем процессе её анализа – интонационные по своей природе понятия и категории музыкального мышления должны быть первоначально вербализованы, т. е. переведены в категориальный аппарат музыковедения. В связи с этим в последние годы в музыкальной науке особую актуальность приобрел вопрос категориального подхода как наиболее существенный для разработки теории музыкального мышления (В. Озеров, Е. Назайкинский).

Первые идеи понимания музыки как мышления можно обнаружить в ряде работ XIX–XX вв. (А. Маркс, Э. Курт, Х. Риман, А. Шеринг, Э. Праут). Однако отношение к мышлению в них носит скорее метафорический, нежели сущностный характер, не отражая сложных аналогий между общими понятиями мышления и звукообразным становлением музыки. Основоположник русской музыкальной науки Б. Асафьев впервые даёт обоснованную концепцию музыкального мышления, где подчёркивает обобщающую, интегрирующую силу интеллекта, акцентируя при этом эмоциональную сторону художественной деятельности.

Подобно современным психологам и философам, Б. Асафьев пытается освободиться от устаревшего противопоставления эмоциональных и рациональных сторон в художественном познании. Он признаёт узость определения музыки как «мышления в образах» или «стихий спонтанного чувствования», которое длительное время господствовало в философской литературе. Не принимает Б. Асафьев так же точки зрения Э. Курта, утверждающего автономию психо-энергетических импульсов, имманентных

самостоятельной структуре музыкального произведения. Центральное место в учении Б. Асафьева занимает тезис об интонационном бытии музыкального мышления в единстве его онтологического и концептуального планов. «Мышление и чувствование композитора становятся интонацией, процессом «озвучивания» состояний сознания средствами музыки. Только через осмысленное, целеустремлённое и данное в некоем содержательном сочетании и взаимосвязи звуковоспроизведении мыслимого – что является интонированием – элементы музыки становятся произведением» [1, с. 217].

Концепция музыкального мышления Б. Асафьева явилась основополагающим фактором в развитии всей музыкальной теории, способствовала уточнению классификации жанров, форм, стилей, принципов формообразования в истории музыкального искусства. Впервые был предложен метод изучения музыки как мышления в аспекте её целостных, социально обусловленных качеств, с привлечением наиболее важных методологических принципов анализа.

Таким образом, теория музыкального мышления превратилась в своего рода универсальную науку, способную обеспечить связь между музыкальной теорией и композиторской практикой, между отраслями теоретического музыкознания и реальным интонационным бытием музыкального произведения. Методологические и теоретические завоевания теории музыкального мышления позволили исследователям найти в логике звуковых конструкций, в интонационном соподчинении звукоэлементов логику эмоционально-образного движения, помноженную на логику интеллектуальной деятельности художественного разума.

Исследователь Е. Елистратова [3], на основе теоретического анализа выявляет различные подходы в исследовании музыкального мышления: философско-эстетический, культурологический, социологический, логический, исторический, музыковедческий, психолого-педагогический.

Для нашей статьи важное методологическое значение имеет культурологический уровень музыкального мышления, который раскрывается в работах В.В. Медушевского, Е.В. Назайкинского, В.Н. Холоповой, где смысл музыкального произведения рассматривается через интонации, жанры и стили историко-культурных контекстов эпох.

Процесс саморазвития музыкального мышления как системы изучается в исследованиях ряда исследователей И. Котляревского, В. Медушевского, Е. Назайкинского. В них отмечается, что музыкальное мышление, основываясь на специальном преломлении законов жизнедеятельности сознания, проявляет себя как сложная иерархическая система. Как и любая другая система, она исследуется с точки зрения

элементов, структуры и функций. К основным особенностям раскрывающим, понятие система, относится, как известно, следующие признаки:

1. Система представляет собой целый комплекс взаимосвязанных элементов.

2. Любая система представляет собой элемент системы более высокого порядка.

3. Элементы любой системы выступают как системы более низкого порядка.

Три вида систем изучаются теорией музыки (Е. Назайкинский):

1. Системы с чётко разграниченными элементами: системы музыкального строя, система жанров, система стилей, система всей музыкальной культуры в целом.

2. Системы без чёткого разграничения элементов, но с функциональным разграничением, зафиксированным в понятиях: система динамических нюансов, лад, метр, функции разделов формы.

3. Системы «скрытые», включающие те стороны профессиональной деятельности музыковеда, композитора, исполнителя, которые оказываются скрытыми для слушателей.

Такая классификация типов целостности базируется на критериях общей упорядоченности и организованности музыкальных явлений.

Различным типам и формам целостности соответствуют и разные подходы в их изучении: элементный, функциональный, структурный, системно-структурный. Элементный подход выявляет целое и его части, не указывая соотношение и роль элементов в системе целого (Ю. Тюлин, Х. Кушнарв, И. Способин). Функциональный подход основан на изучении типов отношений элементов и элементных групп (Х. Римап, Э. Курт, Г. Катвар, В. Яворский). Структурный подход охватывает в понятии структура единство элементов и системности их функциональных связей. Каждый элемент входит в конкретную структуру определенной совокупностью свойств и сторон, реализация которых возможна через механизм данной структуры (В. Бобровский, Ю. Холопов, В. Протопопов).

Системно-структурный подход решает проблему целостности уже в аспекте координации и субординации структур. Суммируя достижения вышперечисленных системных функций, структуры, элементов, единиц, системно-структурный подход помогает объяснить сущность музыкально-выразительных средств с учётом их языковых особенностей и семантики. Конкретизация системно-структурного подхода в решении определенных задач музыковедческого исследования, а так же и в разработке специальных методов и средств анализа, обеспечивают «системное» видение данных аспектов (Л. Мазель, В. Цуккерман, В. Холопова, Е. Назайкинский).

В изучении музыкального мышления исследователи выделяют категориальный подход. Категориальная природа музыкальных явлений связана со способностью творческого мышления создавать художественно-эстетическую действительность, стимулировать познавательную активность интеллекта, формировать его содержательную направленность. Наличие целостной системы категорий сближает искусство и науку, объясняет их роль как высших форм человеческого познания.

В структуре логической и концептуальной сторон музыкального мышления выделяются три группы музыкальных категорий:

1) категории музыкального языка: интонация, лад, гармония, мелодия, темп, метр, ритм, тембр;

2) общие художественные категории: музыкальный образ, стиль, жанр, направление;

3) категории, характеризующие процесс развития и преобразования интонационных элементов: тождество, контраст вариантность, вариационность и разработочность. Они определяют процесс развития музыкального материала, формируя интонационную целостность.

Категории первой и третьей групп преимущественно связаны с техникой музыкального языка, и выступают в качестве языково-грамматических категорий. Следовательно, анализ стиля произведения должен содержать выводы, определяемые суммой константных стадийальных признаков: полюсами ассоциативности, особенностями жанровой основы, технологическими приемами. Со стилистических позиций должны быть оценены и степень тематических и интонационных преобразований, метод развития в звуковысотной сфере, тембровой, фактурной сторонах и т. д.

Музыкальные категории находятся в определенных отношениях подчиненности и субординации. В конкретной ситуации музыкального контекста та или иная категория может получать приоритет над другими, подчинять их себе, наполнять своим содержанием. Вопрос о способности той или иной музыкальной категории «переносить» свои свойства на другие категории Е. Назайкинский считает необходимым рассматривать в тесной связи с проблемой целостности, системной организованности явлений музыкального искусства.

Музыкальное мышление опирается на синтез, сплав различных творческих методов и принципов. Генетическое изучение методов музыкального искусства с акцентом гносеологического подхода возможно лишь с точки зрения условий определенного исторического периода, а также с учетом преемственности, связывающей конкретные явления музыкальной действительности. Каждой художественной эпохе присущи свои методы, реализованные в системе категорий. Ход музыкальной истории подтверждает, что с открытием

каждого художественного метода наступает период кардинальной перестройки категориальной системы его языка. Тем самым для исследователя возникает возможность исторической конкретизации сущности той или иной художественной эпохи через явления категорий языкового опыта музыкального мышления. Этому посвящен целый ряд исследований современного музыковедения (С. Скребков, В. Медушевский, В. Холопова, Ю. Холопов.). Генетический анализ категорий музыки показывает, что последовательность этапов их становления, временные пропорции, интенсивность развертывания тесно связаны с конкретной средой, с уровнем развития музыкального мышления, исторически достигнутым к моменту категориальной его перестройки.

Классификация и оценка явлений музыкального искусства (языковых и художественных) основывается на методологически верной системе критериев категориального анализа (И. Котляревский, С. Скребков). Среди них центральное место занимает тезис о единстве всех сторон музыкального мышления, обуславливающим взаимосвязь художественных категорий и языковых, а также понятие иерархичности универсальных категорий (предмета, и средств мышления) и общих художественных категорий (стиля, жанра). Вспомогательными критериями выступают факторы внешней среды музыкального искусства: исторические, социальные, территориальные.

Особенно динамичными и многогранными среди общих художественных категорий оказываются категории жанра и стиля. Категория жанра рождается из соотношения предмета и средств в творческой деятельности, категория стиля имеет значение с точки зрения единства предмета и метода художественного мышления. Отбор логико-конструктивных элементов, способов развития интонационного процесса осуществляется именно в рамках стилевой системы. Последняя выступает в качестве управления по отношению к языково-грамматическим категориям музыкального мышления. Категория музыкального стиля способствует установлению исторических границ между наиболее значительными вехами в эволюции музыкального мышления.

Феномен стиля как один из центральных объектов научного познания музыки активно изучается в отечественном музыковедении, начиная с 80-х годов прошлого столетия. Такие исследователи, как М. Михайлов, В. Медушевский, Е. Назайкинский разработали общую концепцию стиля, методы исследования этого феномена в разных его проявлениях, в приложении к конкретному историческому художественному материалу. В их трудах стиль определяется как единство системно организованных элементов музыкального языка, обусловленное единством системы музыкального мышления как особого вида художественного мышления. Наиболее близкая нам

интерпретация понятия стиля дана в монографии М. Михайлова [8]. В ней подчеркивается, что « стиль в музыке есть единство системно организованных элементов музыкального языка, обусловленных и единством системы **музыкального мышления**. Процессы формирования, развития, эволюции музыкального стиля определяются в конечном счете мировосприятием и шире – духовной культурой эпох, различных социальных групп внутри них» [8, с. 117].

Генезис теории стиля изучается в теоретических трудах Б. Асафьева, где стиль входит в общую систему интонационных явлений, находясь в неразрывном единстве с понятием интонации, и рассматривается в единстве содержания и формы. «Стиль я не мыслю только как некоторое постоянство средств выражения и технической манеры, – пишет Б. Асафьев, – но как постоянство «музыкально-интонационного почерка» эпохи, народа и личного композиторского» [1, с. 219].

Из трактовки явления стиля как феномена общекультурной и музыкальной истории исходит большинство музыковедов-исследователей (С. Скребков, М. Михайлов, Е. Назайкинский и др.). Они подчеркивают, что стиль всегда детерминирован данной национальной культурой и историей общества. Для индивидуальных стилей, наряду с социальными и историко-культурными детерминантами, важны и личностные факторы: психологические и физиологические особенности музыканта. Таким образом, каждому стилю присуща своя система детерминант. Стилевые детерминанты (термин Е. Назайкинского) – обобщенные понятия, реализованные в категориальном аппарате определенной стилевой системы (категории художественные и языково-грамматические) и обуславливающие, детерминирующие, проявления музыкально-мыслительной деятельности в условиях того или иного стиля. «Материальным выражением» стилевых детерминант, как уже отмечалось, является система категорий музыкального мышления. Стилевые детерминанты действуют только в рамках конкретной стилевой системы: стиля индивидуального, национального, эпохального и т.д., со сменой стилей они меняют свою структуру и содержание.

С историко-культурной обусловленностью стиля связаны и его главные функции: выражение того или иного содержания, объединение и разграничение разностилевых явлений (на этой основе возникают системы стилей), определенная ориентация слушателя (соотнесение позиций в ценностных критериях музыкальной жизни, культуры, истории).

Стиль как иерархическую систему рассматривают все исследователи-музыковеды (В. Медушевский, Е. Назайкинский, Л. Мазель).

Индивидуальные стили взаимодействуют в ней не только друг с другом, но и со стилями более высокого ранга, например: стилем школы, направления, нации, исторической эпохи, жанра и т. д. Но во всех случаях стилевое восприятие оказывается ориентированным на личностное начало. Обобщение, опосредование индивидуально-личностного начала связаны с целым рядом историко-культурных факторов, таких как: язык, средства, инструментарий музыки, условия бытования. Стиль эпохи (сознавая все сложности применения данного понятия, большинство авторов признает его правомочность при изучении материала прошедших эпох) вбирает в себя стиль направления и стиль индивидуальный. Не менее значительна проблема стиля эпохи в широком значении, т. е. охватывающего все виды творческой деятельности и отражающего принцип мышления, философии, эстетики своего времени, и в более узком – как музыкального феномена, обладающего общими свойствами при самых разных проявлениях.

Следующая важная проблема – процессы развития и смены стилей. У Б. Асафьева они теснейшим образом связаны со сменой и обновлением интонационного словаря эпохи. Характеризуя эти процессы, музыковед вводит понятия: «Система интонационных постоянств», «постоянство музыкально-интонационного почерка эпохи, народа и личного композиторского», «интонационный кризис» – мутация стиля, переход количественных накоплений в новое качество. Таким образом, стиль с точки зрения ученого – это противоречивое единство статики и динамики: его обнаружение требует «интонационных постоянств», и одновременно мобильности т. к. происходит постоянное переосмысление старого, приводящее к интонационному кризису и смене стилей. С точки зрения категориального подхода смена стиля сопровождается сменой категориальной системы его языка, а следовательно – сменой содержания стиливых детерминант.

Большинство стиливых направлений в XX веке основывается на синтетичности художественного мышления. Способы отражения действительности через возрождение стилистических признаков «старой музыки» составляют суть явления интертекстуальности (полистилистики), чрезвычайно широко распространенной в современном музыкальном искусстве. Интегрирующий характер данного метода проявляется в возникновении качественно нового явления стиливой множественности, основой которой является свободное, многообразное совмещение различных стиливых систем.

Попытки определить суть и содержание современного музыкального стиля привели исследователей (Е. Назайкинский, Т. Григорьева) к понятию «открыто ассоциативного стиля» [2, с. 10], который определяется как метод «зависимости от

иной стилистики», «проявляющийся в преднамеренном использовании традиционного» [2, с. 11]. Разработка ассоциативной теории намечена в трудах Е. Назайкинского (6), где указываются типы ассоциаций по сходству и контрасту, по причинно-следственной связи. Автором выделяются три ассоциативные сферы, необходимые для раскрытия основ музыкальной семантики: «механизмы сенсорной, чувственной реакции, формирующей наиболее материально-предметные ассоциации», «механизмы моторных и интонационно-голосовых стереотипов и систем речевого интонирования мысли, связанных с двигательными и речевыми ассоциациями», «механизмы памяти, логики мышления, ассоциации с сюжетностью, с развитием событий» [6, с. 53].

Т. Григорьева указывает на проявление механизмов ассоциативности посредством взаимодействия семантических единиц, выражающих устойчивые эпохально-стилевые пласты. Исследователь выделяет систему знаков как интонационно-семантический словарь эпохи, параллельно относя к знакам и признаки стилей, трактуемых как символы и включенные в общую систему (система знаков имела различные формы в различные эпохи: риторические фигуры в период Барокко, формулы классицистских кадансов, «лейтмотив вопроса», «тристанов аккорд» времен романтизма и мн. др.). Таким образом, в XX веке стилистика органично входит в область средств музыкальной семантики, совмещая традиционные музыкально – выразительные средства и новые стилистические элементы.

Фактор открытой ассоциативности нивелирует степень характерности музыкально-выразительных средств. В рамках современного музыкального произведения не всегда простой задачей является выявление собственно авторских и неавторских средств. Индивидуальность концепции, являющаяся основным ценностным показателем авторского стиля, в современной музыке приобретает исключительное значение. Следовательно, дискуссионный вопрос (М. Михайлов, Л. Мазель, Е. Назайкинский) о стиле отдельного произведения по отношению к произведениям современной музыки правомочен и актуален. «Сегодня, может быть, более важно изучение и анализ конкретных разных произведений какого – либо композитора, нежели попытка выстроить единую линию его стиливой эволюции» [8, с. 21]. В теории музыкального стиля наиболее плодотворно себя проявили культурологический и историко-стилистический подходы, рассматривающие его феномен в контексте культуры и искусства (В. Медушевский, Л. Раабен, М. Михайлов). Искусство развивается и реализуется через многообразие стилей. Вырастая из глубин культуры, каждый стиль отражает ее, «подчиняясь и изменяясь во время культурно-

исторического процесса по типу сужающихся витков спирали, соотносящихся и подпитывающих друг друга... ход исторического процесса носит неравномерный спиралевидный характер» [12, с. 10]. Процессы развития и смены стилей связаны со сменой содержания детерминант. Смещение и разноликость стилевых систем в музыке нашего столетия обуславливают преобразование понятия «музыкальный стиль», которое в XX и XXI веке вызвано синтетичностью художественного осмысления современности.

Итак, обобщая все вышеизложенное, можно сделать определенные выводы.

Музыкальное мышление представляет собой реализуемый в интонировании процесс моделирования системы отношений субъекта к реальной действительности и составляет особую область человеческого мышления вообще. Диалектически объединяя эмоциональное и рациональное начала, музыкальное мышление основывается на специфическом преломлении законов жизнедеятельности сознания и проявляет себя как сложная многофункциональная система.

Музыкальное мышление отражает процесс общественно-исторического развития, фиксирует в системе музыкальных категорий накопленные человечеством музыкально-исторические знания. Историческая обусловленность музыкального мышления реализуется в категории музыкального стиля, которая выступает в качестве механизма управления по отношению к языково-грамматическим категориям музыкального мышления и определяет отбор логико-конструктивных элементов, способов развития интонационного процесса и пр.

Музыкальное мышление включает в себя основные закономерности мышления вообще, а его специфика обусловлена образностью, интонационной природой музыкального искусства, семантикой музыкального языка и самовыражением субъекта в процессе слушания, сочинения или исполнения музыки и спецификой музыкальной деятельности.

Литература:

1. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс [Текст] / Б.В. Асафьев. – Ленинград : Музыка, 1971. – 376 с.
2. Григорьева, Г. Стилевые проблемы русской советской музыки второй половины XX века. 50-80-е годы [Текст] / Г. Григорьева. – Москва : Сов. Композитор, 1989. – 206 с.
3. Елистратова, Т. Музыкальное мышление как форма креативной деятельности [Электронный ресурс] / Т. Елистратова: Автореф. на соискание канд. фил. наук. – Саранск, 2003. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_mir_u.pdf (дата обращения: 07.12.17).
4. Медушевский, В. К проблеме сущности, эволюции и типологии музыкальных стилей [Текст] / В. Медушевский // Музыкальный современник: сб. статей. – Москва, 1984. – Вып. 5. – С. 5-17.
5. Мейлах, Б. Комплексное изучение творчества и музыковедение [Текст] / Б. Мейлах // Проблемы музыкального мышления / сост. М.Г. Арановский. – Москва : Музыка, 1974. – С.9-28.
6. Назайкинский, Е. О психологии музыкального восприятия [Текст] / Е. Назайкинский. – Москва : Музыка, 1972. – 383 с.
7. Назайкинский, Е. Стиль и жанр в музыке [Текст] / Е. Назайкинский. – Москва : Владос, 2003. – 248 с.
8. Михайлов, М. Стиль в музыке [Текст] / М. Михайлов. – Москва : Музыка, 1981. – 260 с.
9. Вопросы теории и эстетики музыки [Текст]. – Ленинград : Музгиз, 1962. – 263 с.
10. Мазель, Л. Строение музыкальных произведений [Текст] / Л. Мазель. – Москва : Музыка, 1979. – 536 с.
11. Художественное мышление [Электронный ресурс]. – URL://[http /aestetiucs/academic.ru](http://aestetiucs.academic.ru). – Дата обращения: 03.12. 2017.
12. Яковец, Ю.В. Циклы. Кризисы, периоды [Текст] / Ю.В. Яковец. – Москва : Наука, 1999. – 448 с.

CULTUROLOGICAL ASPECT PHENOMENON OF MUSIC THINKING

Abstract. The article considers musical thinking as one of the forms of artistic consciousness, artistic activity aimed at creative comprehension and generalization, and contributing to the formation of the musical culture of society. The connection of musical thinking as a phenomenon with such fundamental musicological categories as style, genre, musical language is underlined.

Keywords: thinking, style, style determinants, categories of musical language, intertextuality.

References:

1. Asaf'ev, B.V. Muzykal'naya forma kak protsess [Tekst] / B.V. Asaf'ev. – Leningrad : Muzyka, 1971. – 376 p.
2. Grigor'eva, G. Stilevye problemy russkoj sovetskoj muzyki vtoroj poloviny XX veka. 50-80-e gody [Tekst] / G. Grigor'eva. – Moskva : Sov. Kompozitor, 1989. – 206 p.
3. Elistratova, T. Muzykal'noe myshlenie kak forma kreativnoj deyatel'nosti [EHlektronnyj resurs] / T. Elistratova: Avtoref. na soiskanie kand. fil. nauk. – Saransk, 2003. – Rezhim dostupa: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (data obrashheniya: 07.12.17).
4. Medushevskij, V. K probleme sushhnosti, ehvolyutsii i tipologii muzykal'nykh stilej [Tekst] / V. Medushevskij // Muzykal'nyj sovremennik: sb. statej. – Moskva, 1984. – Vyp 5. – P. 5-17.
5. Mejlakh, B. Kompleksnoe izuchenie tvorchestva i muzykovedenie [Tekst] / B. Mejlakh // Problemy muzykal'nogo myshleniya / sost. M.G. Aranovskij. – Moskva : Muzyka, 1974. – P. 9-28.
6. Nazajkinskij, E. O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya [Tekst] / E. Nazajkinskij. – Moskva : Muzyka, 1972. – 383 p.
7. Nazajkinskij, E. Stil' i zhanr v muzyke [Tekst] / E. Nazajkinskij. – Moskva : Vlado, 2003. – 248 p.
8. Mikhajlov, M. Stil' v muzyke [Tekst] / M. Mikhajlov. – Moskva : Muzyka, 1981. – 260 p.
9. Voprosy teorii i ehstetiki muzyki [Tekst]. – Leningrad : Muzgiz, 1962. – 263 p.
10. Mazel', L. Stroenie muzykal'nykh proizvedenij [Tekst] / L. Mazel'. – Moskva : Muzyka, 1979. – 536 p.
11. KHudozhestvennoe myshlenie [EHlektronnyj resurs]. – URL://[http /aestetiucs./academic.ru](http://aestetiucs.academic.ru) (data obrashheniya : 03.12. 2017.).
12. YAkovets, YU.V. TSikly. Krizisy, periody [Tekst] / YU.V. YAkovets. – Moskva : Nauka, 1999. – 448 p.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ НИЦШЕ: НЕМЕЦКИЙ ФИЛОСОФ XIX ВЕКА О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ И НЕ ТОЛЬКО

Аннотация. Мысли, изложенные в сочинении Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое», рассматриваются как философско-поэтические интуиции мыслителя, прогностически точные и предугадавшие реальные состояния и явления, возникающие много позже жизни самого Ницше. Показан уникальный характер творческой интуиции философа, рассмотренный на примерах предвидения (предчувствия) постмодернизма, трансформаций креативной элиты и «фельетонизма» как исторически развивающегося явления. Дается тезис о типологической близости концепции Ницше о Сверхчеловеке и современных проектов о Постчеловечестве и Трансчеловеке.

Ключевые слова: интуиции Ницше, предчувствие как прогноз, философско-образное мышление, видение будущего.

С момента публикации работы Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» прошло немало лет, в 2018 году можно отмечать 140-летие, причем сама работа также имела коммеморативную коннотацию, поскольку посвящалась памяти Вольтера к столетней годовщине со дня его смерти 30 мая 1778 г. Имя этого необычного немецкого мыслителя время от времени упоминается в различных контекстах. Однако создается впечатление, что его труды в определенной мере уже числятся по ведомству философских архивов или, в другом случае, приводятся в связи с историей Третьего рейха и нацистской идеологией. Так, например, восприятие немецким фашизмом идей Ницше показывали в разных аспектах Н.В. Устрялов, А.С. Бланк, А.А. Галкин, П.Ю. Рахшмир, С.Ф. Одуев, Б.М. Бернадинер, Й. Фест и др. [1]. Вместе с тем справедливо отмечается, что знакомство фашистских лидеров с философией Ницше было весьма поверхностным, а толкование его тезисов – слишком произвольным вплоть до фальсификации [1].

На наш взгляд, большего внимания заслуживают те мыслеобразы немецкого философа, в которых отчетливо угадываются контуры явлений, возникших исторически гораздо позже времени, в котором жил Ницше, его образные концепты-концентраты, основанные, как, например, пишет Гражина Павловская, на чистом интуитивном прозрении, которое не может быть сведено к доказательству, рациональному постижению [6]. Такой дар провидения требует объяснения. В этом смысле можно отметить следующие черты личности мыслителя.

В творчестве Ницше интуитивно соединились поэтическое и философское начала. Поэтому, на наш взгляд, можно полагать, что перед нами органический синтез эстетической интуиции философа и философской интуиции художника.

Поэтому вряд ли стоит согласиться с утверждением о том, что отношения между Ницше-философом и Ницше-поэтом «далеко не безоблачны, подчас даже противоречивы» [7, с. 30]. Другое дело, что образно-философскому мышлению Ницше присуща парадоксальность как основа творческого метода. Однако это парадоксальность креативного личностного синкретиза, как раз и позволявшего Ницше интуировать те состояния культуры, которым еще только предстояло возникнуть много позже. Его воображение как бы «выращивало» из едва уловимых признаков предстоящих перемен образы будущих явлений и состояний культуры, подобно тому, как из сморщенного семени вырастает махровый цветок.

Отметим, что не случайно метафора цветка, цветов нередко встречается в работах немецкого философа-поэта. Из множества интуиций, расцветающих на страницах Ницше, выделим только три, хотя их гораздо больше.

Ницше как предчувствие постмодернизма. Поразительным образом Ницше предугадал наступление эпохи постмодерна, не столько даже в концептуальных его построениях, сколько в умонастроениях и культурных практиках. В подтверждение – несколько цитат из его работы.

«...наша Европа *будет* иметь среди своих сыновей завтрашнего и послезавтрашнего дня таких веселых и дерзких ребят во плоти и осязательно... Я уже вижу, как они *идут*, медленно-медленно; и, может быть, я содействую ускорению их прихода, описывая наперед, в чем я *вижу* условия и пути их прихода?» [4, с. 6].

«...Он (*человек* – С.С.) блуждает, полный жестокости и неудовлетворенных вожделений; <...> он разрывает все, что возбуждает его. <...> он опрокидывает все, что находит скрытым, защищенным какой-либо стыдливостью; он хочет испытать, каковы все эти вещи, *если* их опрокинуть. Из произвола и любви к произволу он,

быть может, дарует теперь свою благосклонность тому, что прежде стояло на плохом счету, – и с любопытством и желанием испытывать проникает к самому запретному. В глубине его блужданий и исканий <...> стоит знак вопроса, ставимый все более опасным любопытством. «Нельзя ли перевернуть *все* ценности?» [4, с. 8].

«...исподтишка, мелочно и неустанно подрывать и расшатывать все высшее, более великое и богатое...» [4, 12].

«...мир постепенно стал столь удивительно пестрым, ужасным, значительным и одухотворенным, он приобрел краски, – но мы сами были его колористами; человеческий интеллект заставил явления явиться и внес свои ошибочные воззрения в вещи. <...> Со всеми этими воззрениями когда-нибудь решительно справится постоянный и упорный процесс науки, <...> то, что мы теперь зовем миром, есть результат множества заблуждений и фантазий, которые постепенно возникли в общем развитии органических существ, срослись между собой и теперь наследуются нами, как скопленное сокровище всего прошлого...» [4, с. 29].

Вероятно, нет необходимости доказывать, что эти (и многие другие) интуиции Ницше не просто созвучны воззрениям и мироощущению постмодернизма, но в существенной мере его предопределили. Собственно, это уже сделано, например, в чрезвычайно содержательной работе Г.Э. Ирицяна, «Формирование культурологической теории: Ф. Ницше и постмодернизм». Он, в частности, указывает на прямую рефлексию идей Ницше в теоретическом поле постмодерна, называя такие штудии, как статья Ж. Делеза «Гайна Ариадны» и его же работы «Ницше и философия», «Ницше», труды Ж. Деррида «Шпоры: стили Ницше» и «О грамматологии», произведения М. Фуко «Ницше, Фрейд, Маркс» и «Ницше, генеалогия, история», «Слова и вещи», «О трансгрессии», книга П. Клоссовски «Ницше и порочный круг» и др. [3]. Сами тексты Ницше сконструированы по-постмодернистски, и к ним можно применить высказывание Орбела о «Посмертных фрагментах» философа: «Этот свертхтекст напоминает бесконечно ветвящуюся решетку наподобие ризомы Делёза–Гваттари или сада расходящихся тропок в духе Борхеса» [5, с. 633]. Вместе с тем, и представленные цитаты позволяют вполне определенно трактовать их как «портрет» постмодерна 1970-1980-годов. «Веселые и дерзкие ребята» того времени произвели, помимо прочего, основательную фальсификацию (по Карлу Попперу) гуманитарной мысли, «встряхнув» ее несколько застоявшийся академизм. Именно они ставили «знаки вопросов» по отношению к устоявшимся догматам, снимали «запретность» любых тем, опрокидывали, переворачивали и испытывали привычные ценности, в силу чего мир

действительно предстал удивительно пестрым, ужасным, значительным и одухотворенным. Они, как минимум, выступили «колористами» и добавили в картину мира яркие, иногда даже шокирующие краски. Достаточно, например, вспомнить «шизоанализ» Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

Вторая интуиция Ницше прямо взята с извечной дилеммой в решении вопроса: кто есть творец, субъект культуры. Ответ Ницше: «Более высокая культура сможет возникнуть лишь там, где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, <...>; или, выражаясь сильнее: каста принудительного труда и каста свободного труда. <...> каста праздных более доступна страданиям, более страдает, ее довольство жизнью меньше, ее задача – более велика. <...>. Так говорит нам еле доносящийся до нас голос древнего времени; но где есть еще уши, которые могли бы услышать его?» [4, с. 266-267]. И уши нашлись! Так, например, Шпенглер, на которого философия Ницше оказала прямое влияние, пишет о недрах, в которых культурная элита работает над созданием мыслей и форм, доступных только крайне ограниченному кругу избранных [11, с. 479]. Но звук этой мысли Ницше долетает и до наших дней. Так, виднейший отечественный культуролог А. Я. Флиер утверждает, что именно «из ученых, преподавателей, философов, священнослужителей, деятелей искусства и журналистов постепенно образовывалось еще одно сословие – городских интеллектуальных производителей. Эти люди производят информацию, которая определяет динамику социального времени... Они же обеспечивают межпоколенную трансляцию этой информации, т. е. историческое воспроизводство культуры» [8, с. 581]. Более того, А.Я. Флиер указывает даже количественные параметры подобной элитной субкультуры – не более 5-10% населения, поскольку «ни в одной нации не найдется большего процента людей, с требуемым уровнем интеллектуальных способностей» [9, с. 52].

Увы, современность, пережившая в недавнем прошлом «восстание масс» (по Х. Ортега-и-Гассету), включена ныне в «парад меньшинств» (по Л.Г. Ионину). А это значит, что любая субкультура тяготеет не просто к обособлению, но к обретению идеологически-мировоззренческого суверенитета в форме геттоизации. Как подчеркивает Ионин, «в гетто живут не обязательно изгои. В гетто живут избранные, избравшие сами себя» [2, с. 169]. По определению всякие субкультурные гетто и их множественность, составляющая ныне «тело» общества, в существенной мере автономны от влияния касты интеллектуальной элиты. Так что же, «неработающей» оказывается интуиция Ницше? Отнюдь нет. Это как раз и есть, по Ницше, те самые «веселые и дерзкие ребята», о которых

шла речь выше. Они, то есть, каждая из субкультур, проявляют собственный «свободный ум», о котором Ницше говорит: «Свободным умом называют *того*, кто мыслит иначе, чем от него ждут на основании его происхождения, среды, его сословия и должности или на основании господствующих мнений эпохи» [4, с. 183]. А ведь помнится, что в «классическом» элитаристском видении производства культуры именно тонкий слой интеллектуалов как раз и призван производить информацию, формирующую «господствующие мнения эпохи». Что же, приходится еще раз признать прозорливость философско-поэтической интуиции Ницше, парадоксальным образом самоопровергшей его же мысль о «касте праздных», творящих высокую культуру? На наш взгляд – нет. Ключ к пониманию ситуации лежит, вероятно, в возможности синтезировать эти позиции Ницше. И тогда становится ясно, что интеллектуальная децентрализация культуры приводит к образованию поликультурного (мультикультурного) социального пространства, состоящего из динамичного множества субкультур, каждая из которых обладает своим «центром силы» и своей элитой, а то и является таковой в целом как «вещь для себя», но нередко с претензией на интеллектуальную экспансию вовне.

Наконец, о третьей сентенции Ницше, озаглавленной им как «Шуты современной культуры». На наш взгляд, ее стоит процитировать лишь с небольшим сокращением: «Шутам средневековых дворов соответствуют наши фельетонисты; это – та же порода людей, полуразумных, остроумных, склонных к преувеличениям, вздорных, нужных иногда лишь для того, чтобы смягчить пафос настроения выдумками и болтовней и заглушить криком слишком тяжелый и торжественный колокольный звон великих событий; некогда они находились в услужении властителей и знатных, теперь они служат партиям (как и вообще добрая доля прежней подчиненности народа в сношениях с властителем теперь продолжает еще жить в партийном духе и партийной дисциплине). Но все современное сословие литераторов стоит весьма близко к фельетонистам; это – “шуты современной культуры”...» [4, с. 158].

Скажите, многое ли изменилось со времени последней четверти XIX века? Ницше говорит о литераторах, но современная «фельетонная эпоха» охватывает и иные сословия и системы. Такое впечатление, что интуиция Ницше воплощается в первой четверти века XXI с силой, умноженной на могущество современных СМИ и изощренность социокультурных технологий. Они, подобно дудочке Гамельнского крысолова, пытаются регулировать всё бытие современного человека, от событийных ситуаций до мельчайших деталей

повседневности. При этом внимательному взгляду открывается внутреннее, а то и нескрываемое «шутство» современных систем социокультурной регуляции, в том числе – и в персонифицированном воплощении. Достаточно вспомнить шутовскую нередко манеру публичного поведения Владимира Вольфовича Жириновского (хотя во внутривнутриполитической жизни, скрытой от глаз публики, он – серьезный, умный, основательный политический стратег и тактик).

Завершая этот краткий текст, отметим, что мы далеки от мысли приписывать Ницше некие сверхъестественные, мистические способности «волшебного» видения будущего. Как справедливо отмечает Г.Э. Ирицян, «афористичность, дискретность текстов, мифологичность и многое другое «взято» Ницше из жизни реальной культуры» [3]. Другое дело, что уникальная сила его философско-поэтической интуиции, помноженной на мощь эстетического воображения, позволила Ницше именно таким образом экстраполировать то, что в скрытом, эмбриональном состоянии «носилось в воздухе» его эпохи. Из тем, представленных в его творчестве, есть одна, совершенно особая, но не затронутая в нашем тексте. Речь о ницшеанской концепции «Сверхчеловека». Не является ли она также своеобразным предвидением зарождающихся сегодня и уже отчасти проартикулированных проектов так называемого Постчеловечества, Трансгуманизма и, наконец, Трансчеловека? Во всяком случае, первичный анализ показывает, что связь между интуицией о Сверхчеловеке и проективными видениями Постчеловечества несомненна [См., напр.: 10]. Но это – тема отдельного, основательного исследования. Автор этих строк с большим интересом ознакомился бы с фундаментальным трудом под таким, например, названием: «Ницше и трансгуманизм: Сверхчеловек и Постчеловечество». Пока же остается выразить надежду, что (пока еще) мыслящее человечество более внятно обратится к наследию Ницше не как к источнику очередных интеллектуальных спекуляций или музейному экспонату, а как вполне предметному описанию дня сегодняшнего и завтрашнего. Да, чтение текстов Ницше – занятие нелегкое. Но кто сказал, что будет легко?

Литература:

1. Горшков, Ю.Е. Философия Ницше в идеологии германского фашизма [Текст] / Ю.Е. Горшков // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2011. – № 3. – С. 200-204.
2. Ионин, Л.Г. Парад меньшинств [Текст] / Л. Г. Ионин. – Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 176 с.
3. Ирицян, Г.Э. Формирование культурологической теории: Ф. Ницше и

постмодернизм: автореф. дисс. ...докт. филос. наук 24.00.01 [Электронный ресурс] / Г.Э. Ирицян. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2010. – Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a151.php> (дата обращения: 19.12.2017).

4. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое [Текст] / Ф. Ницше. – Москва : Издательство «Э», 2014. – 352 с.

5. Орбел, Н. Esse Liber. Опыт ницшеанской апологии [Текст] / Н. Орбел // Ф. Ницше. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. – Москва : Культурная Революция, 2005. – 880 с.

6. Павловская, Г.Ч. Самая загадочная идея Ницше [Электронный ресурс] / Г.Ч. Павловская // PSICHO SEARCH. – Режим доступа: <https://psychosearch.ru/masters/fridrikh-nitsche/414-samaya-zagadochnaya-ideya-nitsche> (дата обращения: 24.12.2017).

7. Попов, В.В. Культурологические парадоксы Фридриха Ницше [Текст] / В.В. Попов // Вестник

Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2005. – № 2. – С. 29-36.

8. Флиер, А.Я. Культурная стратификация как соотношение «социальных индустрий» [Текст] / А.Я. Флиер // Культурология для культурологов: Учебное пособие. – Москва : Согласие, 2010. – С. 575-599.

9. Флиер, А.Я. Очерки культурологии [Текст] / А.Я. Флиер // Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 2. – Москва : [Б. и], 1999. – С. 58-102.

10. Чижилова, Л.А. Наследие Ницше в дискурсе трансгуманизма (По материалам Журнала эволюции и технологии) [Текст] / Л.А. Чижилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 13 (304). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 29. – С. 149-152.

11. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. – Москва : Эксмо, 2009. – 800 с.

*Sokovikov Sergey S.,
The Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
Chelyabinsk State Institute of Culture,
Associate Professor of cultural studies and sociology
E-mail: sokovik49@mail.ru
Russia, Chelyabinsk*

REVIEWING NIETZSCHE: GERMAN PHILOSOPHER OF THE XIX CENTURY ON POSTMODERNISM AND ELSE BESIDES

Abstract. Friedrich Nietzsche's work "Human, All Too Human" sets forth philosophical and poetic intuitions of the thinker, who accurately predicted and anticipated real states and phenomena of the distant future. Presented examples reveal Nietzsche's foresight (anticipation) of postmodernism, of transformations of the creative elite and of "satirism" as a historically developing phenomenon, and at large demonstrate the unique character of the philosopher's creative intuition. The article proposes typological proximity of Nietzsche's concept of the Übermensch and modern projects on Posthumanity and the Transperson.

Keywords: Nietzsche's intuition, anticipation as a forecast, philosophical and creative thinking, vision of the future.

References

1. Gorshkov Yu. E. the Philosophy of Nietzsche in the ideology of German fascism [Text] / Yu. E. Gorshkov // Vestnik MGOU. Series "History and political science". – 2011. – № 3. – P. 200-204.

2. Ionin L.G. Parade of minorities [Text] / L.G. Ionin. – Moscow; Saint Petersburg: Center for humanitarian initiatives, 2014. – 176 p.

3. Erican E.G. Formation of cultural theory: Nietzsche and postmodernism: author. Diss. ...doctor. philosophy. Sciences 24.00.01 [Electronic resource] / G.E. Erican. – Rostov-on-Don : YUFU, 2010. – Mode of access: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a151.php> (date accessed: 19.12.2017).

4. Nietzsche F. Human, all too Human [Text] / F. Nietzsche. – Moscow : Publishing House "E", 2014. – 352 p.

5. Orbeli N. Esse Liber. Experience the Nietzschean apology [Text] / N. Orbeli // Nietzsche, F. the Will to power. The experience of reevaluation of all values transl. / Transl. for Germ. with it. E. Gertsyk, etc. – M.: the Cultural Revolution, 2005. – 880 p.

6. Pavlovskaya G.H. The Most mysterious idea of Nietzsche [Electronic resource] / G.H. Pavlovskaya //

PSICHO SEARCH. – Mode of access: <https://psychosearch.ru/masters/fridrikh-nitsche/414-samaya-zagadochnaya-ideya-nitsche> (date accessed: 24.12.2017).

7. Popov V.V. Cultural paradoxes of Friedrich Nietzsche [Text] / V.V. Popov // Vestnik of Tyumen state University. Socio-economic and legal research. – 2005. – No. 2. – S. 29-36.

8. Flier A. Ya. Cultural stratification as the ratio of "social industries" [Text] / A. Ya. Flier // Culturology for culturologists: a Training manual. – Moscow: Harmony, 2010. – S. 575-599.

9. Flier A. Ya. Essays on cultural studies [Text] / A.Y. Flier. – The science of culture: results and perspectives. Vol. 2. Moscow: [B. I], 1999. – P. 58-102.

10. Chizhikova L. A. The Nietzsche Legacy in the discourse of Transhumanism (According to the Journal of evolution and technology) [Text] / L. A. Chizhikova // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2013. – No. 13 (304). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Vol. 29. – Pp. 149-152.

11. Spengler O. The Decline of Europe [Text] / Oswald Spengler. – Moscow: Eksmo, 2009. – 800 p.

*Степанова Наталья Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент;
ГБОУ ВО Южно-Уральский государственный
институт им. П.И. Чайковского,
доцент кафедры фортепиано
Россия, г. Челябинск
E-mail: stepanova.n2010@yandex.ru*

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОСМЫСЛЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации музыкального произведения; обосновывается целесообразность применения герменевтического подхода, позволяющего исполнителю максимально расширить диапазон личностного осмысления и понимания множественности смыслов музыкально-художественного текста.

Ключевые слова: герменевтический подход, интерпретация, музыкально-художественный текст, композиторская деятельность, музыкально-исполнительская деятельность.

Проблема прочтения и интерпретации музыкально-художественного текста всегда была предметом дискуссий в среде музыкантов-исполнителей и ученых-музыковедов. С течением времени взгляды музыкантов на данную проблему менялись, претерпевало изменения и научное осмысление данных вопросов, но неизменной до сих пор остается актуальность проблемы интерпретации, обусловленная невозможностью ее окончательного и однозначного решения.

Общенаучная категория «интерпретация» (от лат. *interpretation* – объяснение, трактовка) является ключевым понятием эстетики исполнительского искусства и предметом изучения различных наук, прежде всего, гуманитарных: философии, культурологии, психологии, герменевтики, логики, искусствознания, педагогики и др. Интерпретация, в широком смысле, как процесс осмысления и понимания человеком себя в многообразии связей с окружающим его миром, отражает его движение к познанию, поиску новых смыслов, попыток выстроить свое видение мира, найти ключ к анализу общественных явлений. Это своего рода созидательная способность человека, расширяющая диапазон его познавательных возможностей.

Данное понятие в искусствознании начало использоваться в конце 60-х годов XIX века для обозначения механизма понимания и толкования музыкально-художественного текста в творческом процессе исполнения. Этому способствовал бурный процесс размежевания искусства композиции и исполнительства в музыкальной европейской культуре, проявившийся наиболее явно на рубеже XVIII – XIX, который и позволил музыкально-исполнительской деятельности обрести статус самостоятельности. Последующие два столетия развития исполнительского искусства как искусства интерпретации «авторской опусной композиции» [6, с. 3], дали мощный импульс к появлению нового типа исполнителя, соединяющего в себе интерпретатора и

исследователя, который вписывается в известную триадичную асафьевскую формулу: композитор – исполнитель – слушатель. «Жизнь музыкального произведения – в его исполнении», – писал Б.В. Асафьев, называя исполнителя «проводником композиторства в среду слушателей» [1, с. 264].

Содержанием композиторской деятельности является создание музыкального произведения. Оно фиксируется им посредством нотной записи и представляет собой кодированную музыкальную информацию, и в такой форме продолжает свое существование. Нотная форма текста, информативная по-своему содержанию, определяет потенциальное существование произведения – то, что Н.П. Корыхалова называет «бытие – возможности» [5, с. 10]. Для того чтобы текст стал музыкальным «событием», т.е. был озвученным и услышанным, необходим исполнитель-интерпретатор, создающий звуковой эквивалент авторскому замыслу. Следовательно, без конкретного исполнительского акта – «бытие – действительности» [там же, с. 10], произведение может и не иметь потенциально-полноценной жизни. То есть, кодированная нотная запись без живого исполнения может остаться только на бумаге, не будучи донесенной до слушателя. Именно эту мысль подчеркивал Б.В. Асафьев, говоря о «соравноценности» композиторского и исполнительского акта [1, с. 264].

Анализу специфики музыкально-исполнительской деятельности посвящены многочисленные труды психологов Л.Л. Бочкарева, Л.С. Выготского, А.Л. Готсдинера, В.Н. Мясничева, В.И. Петрушина, а также музыковедов Б.В. Асафьева, Л.А. Мазеля, В.В. Медушевского, Е.В. Назайкинского, А.Н. Сохора и др. Ученые определяют музыкально-исполнительскую деятельность как разновидность художественно-творческой деятельности, которая рождает особый творческий продукт – музыкальную интерпретацию. Содержанием интерпретации является индивидуальное прочтение, персонально-личностное

истолкование музыкального текста и его практическая реализация в живом исполнении, обусловленная творческой индивидуальностью исполнителя. Цель интерпретации – реализовать художественный замысел композитора адекватно авторской концепции и максимально достоверно донести его до слушателя, что находит свое подтверждение в словах С.Е. Фейнберга: «Интерпретатор должен донести до слушателя произведение целым и неискаженным, и в этом он должен видеть в первую очередь свою подлинную творческую задачу» [7, с. 35].

Таким образом, исполнитель-интерпретатор, с одной стороны, является источником, обеспечивающим объективные условия существования музыкального произведения, создавая исполнительский эквивалент авторского замысла. С другой – проводником, «творческим посредником» [4, с. 52] между композитором, его музыкальным наследием и слушательской аудиторией.

Как отмечалось выше, музыкальное произведение представляет собой кодированную информацию, что обуславливает вариативность интерпретации нотной записи музыкально-художественного текста. Практически по всем параметрам нотного текста: мере динамических оттенков, агогических нюансов, артикуляционных приемов и т.д. исполнитель делает свой выбор, отстаивая свою точку зрения на произведение. Определяющим фактором состоятельности интерпретации является то, насколько исполнитель убедительно и «аргументировано» реализует музыкально-смысловые ассоциации в контексте жанра, стиля, эпохи, то есть, создает «интегративный образ музыкального произведения, так как произведению присуща своя логика, а исполнитель должен следовать ей, выявляя ее с максимальной убедительностью и достоверностью» [5, с. 16].

Герменевтический контекст толкования текстов, во многом, способствует решению проблем музыкально-исполнительской интерпретации, поскольку предметом герменевтики является текст, а целью – его понимание. В рассматриваемом нами случае – процесс музыкально-исполнительской деятельности – это понимание смысловой многозначности музыкального текста и его реализация в непосредственном исполнительском акте. Экстраполяция основных положений герменевтического подхода на процесс музыкально-исполнительской деятельности приводит в движение саму идею исполнительской интерпретаторской мысли, позволяя максимально расширить диапазон личностного осмысления и понимания художественных явлений.

Краткий ретроспективный взгляд позволит проследить особенности становления герменевтического подхода как метода, сформировавшегося в рамках культурфилософского комплекса.

Герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий), искусство

толкования текстов, учение о принципах интерпретации. Истоки этого понятия обращены к древности, к такому «персонажу» как Гермес, который был посредником между Богами и людьми и толкователем воли Богов. В Средние века под герменевтикой понимали толкование религиозных, юридических, философских, литературных текстов. Герменевтика как отрасль философского знания постепенно расширяла диапазон «искусства истолкования».

Этот тезис активно отстаивался в последней трети XIX века В. Дильтеем, А. Бергсоном, Ф. Ницше, О. Шпенглером и др. Возникнув в качестве умозрительного «искусства истолкования» герменевтический подход трансформировался в метод интерпретации, собственно и названный В. Дильтеем «герменевтикой», которую он рассматривал как методологическую основу всего гуманитарного знания.

Последующее развитие идей герменевтики связано с исследованиями философов: Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, М. Хайдегера, Ф. Шлейермахера. Для нас интерес представляет точка зрения Х.-Г. Гадамера, заложившего основы философской герменевтики, рассматривающего герменевтику не столько как деятельность по осмыслению некоторого текста, а как своеобразную философию понимания опыта мира, интерпретативный метод познания культуры, а также самого человека. В процессе интерпретации человек вступает в активный диалог с текстом, в ходе которого взаимодействующие в одинаковой мере неизбежно влияют друг на друга [3, с. 241]. Важнейшая заслуга Х.-Г. Гадамера – всесторонняя и глубокая разработка ключевой для герменевтики категории понимания. «Понимание» для него, с одной стороны, способ существования познающего, действующего и оценивающего человека, с другой – это не столько познание, сколько универсальный способ освоения мира, его интерпретация предполагающая индивидуальную трактовку.

В современном анализе герменевтического подхода прослеживается особенность рассмотрения его как многоаспективной характеристики, присущей любой форме человеческой деятельности, как многогранного, познавательного процесса. В этом процессе понимающий пытается обнаружить смысл, который позволяет ему ориентироваться, осознанно действовать и утверждать себя в мире.

Музыкальная герменевтика появилась позже философской, ее основы заложены историками музыки Г. Кречмером и А. Мерритом. Используя основные положения философской герменевтики, их исследования затрагивали локальные вопросы теории и истории музыкознания. Принципы музыкальной герменевтики получили свое развитие на рубеже XX – XXI вв., с возникновением необходимости научного обоснования феномена исполнительской интерпретации. Содержание

интерпретации рассматривали музыковеды: М.Г. Арановский, Д.К. Кирнарская, В.В. Медушевский, Е.В. Назайкинский и др., особенности исполнительской интерпретации музыкально-художественного текста тщательно исследованы в трудах музыкантов-исполнителей Л.С. Ауэра, Н.И. Голубовской, Г.М. Когана, Н.П. Корыхаловой, Е.Я. Либермана, Г.Г. Нейгауза, Н.Е. Перельмана и др.

В данной статье мы будем трактовать герменевтический подход как составляющую музыкально-исполнительской деятельности, а исполнительскую интерпретацию – как конкретный исполнительский акт, в результате которого произведение предстает в виде вариантного множества – ряда исполнительских интерпретаций. Следуя логике герменевтического подхода, множественность смысла музыкально-художественного текста предполагает и плюральность исполнительской интерпретации, обусловленную индивидуальностью музыканта.

Когда исполнительская интерпретация считается состоятельной? Возможно ли существование единственно верной, «истинной» трактовки? Определяющим фактором в этом вопросе является гармоничное сочетание субъективного и объективного начал, то, насколько исполнитель убедительно и «аргументировано» реализует музыкально-смысловые ассоциации в контексте жанра, стиля, эпохи, то есть, создает интегративный образ музыкального произведения. Задача музыканта-исполнителя – подходить к осмыслению музыкального текста конструктивно-критически и действовать в соответствии с логикой данного произведения, что и обуславливается диалектикой субъективных понятий и объективными реалиями музыкально-исполнительского искусства. Это соотношение определяется в первую очередь спецификой самой музыкально-исполнительской интерпретации, связанной с расшифровкой знаковой основы текста музыкального произведения, которая, как уже отмечалось выше, вариативна по своей природе, а, следовательно, допускает изменения относительно идеального инварианта. Данный аспект позволяет констатировать, что единственно правильной интерпретации не существует, поскольку идеальный инвариант музыкального произведения в каждом конкретном исполнении принимает вид «эталоны», пределы варьирования которого, как и инварианта очень велики. Множественность же интерпретации, являясь ее сущностным свойством, определяет ценностно-художественный уровень музыкального первоисточника. По-настоящему ценная интерпретация несет на себе печать индивидуальности исполнителя, отмечена цельностью замысла и техническим совершенством его воплощения, созвучна эстетическим идеалам эпохи и вместе с тем отличается новизной.

Понятно, что углубленное теоретическое рассмотрение проблемы интерпретации, как

процесса осознания и выявления содержания, смысла, значимости и ценности музыкально-художественного произведения, в контексте герменевтического подхода, само по себе еще не ведет прямым путем к исполнительскому творчеству. Это фундамент для более точного и полного понимания и осмысления содержащихся в исполняемой музыке смыслов и значений. По этому поводу интерес представляет высказывание знаменитого дирижера Бруно Вальтера о том, что «исполнительский процесс содержит в себе два компонента, лишь отчасти друг с другом связанных, – постижение и передачу. Успешность исполнительской передачи находится в зависимости от постижения, но непосредственно из него не вытекает. Можно постичь и не суметь передать, а без постижения, без проникновения в мир художника невозможна, конечно, одухотворенная передача. Постигание, таким образом, предварительное условие верной интерпретации. Но такое постижение, постижение умом и сердцем – мощный стимул для развития исполнительской интуиции и оно непосредственно скажется на передаче» [2, с. 11].

Таким образом, поиск связей музыкально-исполнительской деятельности с герменевтическим подходом особенно интересен в вопросах интерпретации музыкально-художественного текста, так как он позволяет максимально расширить диапазон понимания музыкантом художественной информации, заложенной в композиторском тексте и реализовать самые смелые интерпретаторские идеи и творческие замыслы

Литература:

1. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс [Текст] / Б.В. Асафьев. – Ленинград : Музыка, 1971. – Кн. 1-2. – 376 с.
2. Вальтер, Б. О музыке и музицировании [Текст] / Б. Вальтер // Исполнительское искусство зарубежных стран / Под ред. Г.Я. Эдельмана. – Вып. 1. – Москва : Музыка, 1962. – 175 с.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Гуренко, Е.Г. Проблемы художественной интерпретации (философский анализ) [Текст] / Е.Г. Гуренко. – Новосибирск : Наука, 1982. – 256 с.
5. Корыхалова, Н.П. За вторым роялем. Работа над музыкальным произведением в фортепианном классе [Текст] / Н.П. Корыхалова. – Санкт-Петербург, 2006. – 552 с., с нот.
6. Мельникова, Н.И. Фортепианное исполнительское искусство как культуротворческий феномен [Текст] / Н.И. Мельникова. – Новосибирск: Новосиб. гос. Консерватория им. М.И. Глинки, 2002. – 232 с.
7. Фейнберг, С.Е. Пианизм как искусство [Текст] / С.Е. Фейнберг. – Москва : Музыка, 1969. – 600 с.

Stepanova Natalia V.,
Ph.D. in Pedagogic Science,
Associate Professor;
South Ural State Institute of Arts
named after P.I. Tchaikovsky,
Associate Professor of the Piano Department
Russia, Chelyabinsk
E-mail: stepanova.n2010@yandex.ru

THE HERMENEUTIC APPROACH IN COMPREHENSION OF THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF MUSICAL AND ARTISTIC TEXT

Abstract. The article deals with the problem of interpretation of a musical work; the expediency of using the hermeneutic approach, which maximally allows the performer to expand the range of personal comprehension and understanding of the plurality of meanings of the musical-artistic text, is substantiated.

Keywords: hermeneutical approach, interpretation, musical-artistic text, composer's work, musical performance.

References

1. Asaf'yev, B.V. Muzykal'naya forma kak protsess [Tekst] / B.V. Asaf'yev. – Leningrad: Muzyka, 1971. – Kn. 1-2. – 376 p.
2. Val'ter, B. O muzyke i muzitsirovanii [Tekst] / B. Val'ter // Ispolnitel'skoye iskusstvo zarubezhnykh stran / Pod red. G.YA. Edel'man. – Vyp. 1. – Moskva: Muzyka, 1962. – 175 p.
3. Gadamer, KH.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki [Tekst] / KH.-G. Gadamer. – Moskva: Progress, 1988. – 704 p.
4. Gurenko, Ye.G. Problemy khudozhestvennoy interpretatsii (filosofskiy analiz) [Tekst] / Ye.G. Gurenko. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 256 p.
5. Korykhalova, N.P. Za vtorym royalem. Rabota nad muzykal'nym proizvedeniyem v fortepiannom klasse [Tekst] / N.P. Korykhalova. – Sankt-Peterburg, 2006. – 552 p., S not.
6. Mel'nikova, N.I. Fortepiannoye ispolnitel'skoye iskusstvo kak kul'turo-tvorcheskiy fenomen [Tekst] / N.I. Mel'nikova. – Novosibirsk: Novosib. gos. Konservatoriya im. M.I. Glinki, 2002. – 232 p.
7. Feynberg, S.Ye. Pianizm kak iskusstvo [Tekst] / S.Ye. Feynberg. – Moskva: Muzyka, 1969. – 600 p.

Ткаченко Станислав Олегович,
Челябинский государственный музей
изобразительных искусств, директор
E-mail: st-mus@mail.ru;

Научный руководитель:
Соковиков Сергей Степанович,
кандидат педагогических наук, доцент;
Челябинский государственный институт культуры,
доцент кафедры культурологии и социологии,
E-mail: sokovik49@mail.ru
Россия, Челябинск

ОТКРЫТКА СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования коммуникации государства и человека посредством открытки советского времени. Несмотря на идеологический диктат со стороны государства, многофункциональность открытых писем обусловила существование уникальной модели коммуникации. Открытка являлась значимым как для государства, так и человека средством коммуникации. Высказано предположение, что и современные средства массовой коммуникации используют коммуникативный контур, сформированный на основе такого социокультурного явления, как советская открытка.

Ключевые слова: открытка, коммуникативная модель, многофункциональность, сообщение

Открытое письмо с момента своего появления в последней трети XIX века, вплоть до активного «завоевания» информационного пространства электронными средствами коммуникации, являлось широко распространенным средством коммуникации в европейских странах, США и России. Исходная идея, побудившая почтовые ведомства разных стран внедрить почтовые карточки в широкое обращение – сокращение расходов на почтовые отправления – обогащалась за счет внедрения новых художественных и полиграфических возможностей, расширявших функциональность маленького картонного прямоугольника до масштаба комплексного социокультурного феномена. Так, одним из ключевых моментов в истории открытого письма стало появление в конце XIX века и стремительное распространение в первое десятилетие века двадцатого художественной, или иллюстрированной, открытки. В период 1900–1914 годов в России ежегодно отправляли (и соответственно получали) несколько миллионов художественных карточек, преимущественно поздравительных и видовых. Большевики понимали важность средств коммуникации, о чем говорит памятная фраза о необходимости первоочередного захвата «почты и телеграфа». Тезис В.И. Ленина «Печать должна служить орудием социалистического строительства» служил руководством к действию в процессе создания советского информационного пространства [3, с. 192]. Советский идеологический аппарат придавал особое значение развитию визуальных, «наглядных» и при этом массовых форм агитации и пропаганды. В стране возникает и быстро формируется институт советской печати, одним из видов которого являлась открытка. Мы предлагаем схематичный вариант анализа данного явления, каждый из аспектов которого требует дополнительного расширенного исследования.

Первые открытки советского времени, разумеется, были посвящены пролетарской революции, позднее именуемой Великой Октябрьской социалистической. Политическая сатира, агитационный плакат, портреты деятелей революционного движения – таковы жанры первых открыточных изображений, представивших в острой изобразительной форме коммунистические идеи и подтверждавших сам факт свершившейся революции. Открытка должна была соответствовать принципам советской печати, «новой исторической эпохе революционного обновления общества», а именно – партийности, коммунистической идейности, правдивости, массовости, народности [1, с. 22]. В рамках реализации этой задачи для открыток отбирали картины со значимыми историческими сюжетами, новую государственную символику и портреты вождей революции. В середине 1920-х годов появились открытки с репродукциями работ «передовых» современных, а также «прогрессивных» русских и западноевропейских художников. «Возвратилась» и видовая открытка, тем более что теперь многие открыточные пейзажи представляли собой фоторепортажи со «строек коммунизма». В целом, формирование сюжетно-тематического свода открытых писем завершилось к середине 1950-х годов, когда многомиллионными тиражами начинают выходить открытки к официальным праздникам, репродукционные, видовые и еще несколько десятков видов и типов открыток. С этого времени государство, обладая монопольным правом на издание открыток, получило исключительную возможность транслировать посредством почтовых карточек весь спектр онтологических и аксиологических идей, основанных на программных документах партии и правительства. Даже в публиковавшейся время от времени в периодических изданиях информации о проведении конкурсов открыток значилось, что предложенные варианты должны базироваться на

положениях Программы КПСС. В первую очередь, речь шла о «воспитании всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму» [5, с. 117]. Несмотря на идеологический дискурс советской открытки как культурного текста, она была крайне популярна, спрос на почтовые карточки даже превышал предложение.

Таким образом, советская открытка, особенно в 1950–1980-е годы, представляла собой уникальную коммуникативную модель, подобной которой не существовало в других государствах, включая страны социалистического лагеря. Особенность ее заключалась в том, что, существуя в условиях строгого идеологического канона, открытка сохраняла выраженную многофункциональность. Это относилось к каждому виду почтовых карточек, к каждой открытке в отдельности. Данное обстоятельство было очевидным как для государства – производителя открытого письма как первичного текста, так и для потребителя открытки, превращавшего почтовую карточку своим рукописным посланием во вторичное сообщение, новый культурный текст. И здесь положение А. Моля о том что «восприятие получателя сообщения должно хотя бы частично совпадать с восприятием отправителя» находит свое подтверждение [4, с. 127]. Каждый участник цепи данной коммуникации имел возможность получать от открытки желаемое: идеологический посыл, эстетическую привлекательность, информацию и т.д.

Коммуникативная модель не только оказалась работоспособной, но и достигала максимальной эффективности. Представляется, что и современные средства массовой информации в определенной мере используют черты коммуникативного контура, сформированного открыткой советского времени. «Массовый век электронных коммуникаций становится все более персонализированным», каждый имеет возможность выбрать канал коммуникации, вероятно, не предполагая, что и в телевидении, и социальных сетях присутствуют отголоски социокультурной практики советского времени – массовой открытки [2, с. 448].

Литература:

1. Богданов, Н.Г. Справочник журналиста [Текст] / Н.Г. Богданов, Б.А. Вяземский. – Ленинград : Лениздат, 1971. – 688 с.
2. Гриффин, Э. Коммуникация: теории и практики [Текст] / Э. Гриффин. – Харьков : Гуманитарный центр Науменко А.А., 2015. – 688 с.
3. Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти [Текст] / В.И. Ленин // Ленин В.И. Соч.: в 55 т. – Москва : Политическая литература, 1974. – Т. 36. – 742 с.
4. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль. – Москва : Прогресс, 1973. – 408 с.
5. Программа Коммунистической партии Советского Союза [Текст] / – Москва : Политиздат, 1976. – 144 с.

*TkachenkoStanislavO.
Chelyabinsk State Museum, fine arts
E-mail: st-mus@mail.ru
Russia, Chelyabinsk;
The research supervisor:
Sokovikov Sergey Stepanovich,
The Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
Chelyabinsk State Institute of Culture,
Associate Professor of cultural studies and sociology
E-mail: sokovik49@mail.ru
Russia, Chelyabinsk*

POSTCARD OF THE SOVIET ERA AS A FORM OF COMMUNICATION BETWEEN THE STATE AND MAN

Abstract. The article deals with the formation of communication between the state and man through a postcard of the Soviet era. Despite the ideological dictatorship of the state, the multifunctionality of open letters determined the existence of a unique communication model. The postcard was a means of communication, both for the state and for man. It is suggested that modern mass media use a communicative contour formed on the basis of such a sociocultural phenomenon as a Soviet postcard.

Keywords: postcard, communicative model, multifunctionality, message.

References:

1. Bogdanov N.G., Vyazemskij B.A. Spravochnik zhurnalista [Directory of the journalist] [Текст] / N.G. Bogdanov – Leningrad : Lenizdat, 1971. – 688p.
2. Griffin E.H. Kommunikaciya: teorii i praktiki. [Communications: theory and practice] [Текст] / E.H. Griffin Per s angl. – Har'kov: Gumanitarnyj centr, Naumenko A.A., 2015. – 688 p.
3. Lenin V.I. Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti [The next tasks of the Soviet government] [Текст] / V.I. Lenin // Lenin V.I. Soch.: v 55 t. T.36. – Moskva : Politicheskaya literatura, 1974. – 742 p.
4. Mol' A. Sociodinamika kul'tury. [Socio-dynamics of culture] [Текст] / A. Mol'. – Moskva : Progress, 1973. – 408 p.
5. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. [Program of the Communist Party of the Soviet Union] [Текст]. – Moskva : Politizdat, 1976. – 144 p.

*Арпентьева Мариям Равильевна,
доктор психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»;
профессор кафедры психологии развития
и образования Института психологии
Министерства науки и образования России
E-mail: mariam_rav@mail.ru
Россия, г. Калуга*

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ НАРКОМАНИЯХ

Аннотация. Наркомания – одно из последствий деформаций смысложизненных отношений человека. Типичной, хотя и деструктивной реакцией на макро- и микросоциальные кризисы у лиц, предрасположенных к наркоманиям и иным зависимостям, часто является утрата смысла жизни. Данное нарушение возникает как противоречие между стремлением человека стать лучше, сделать мир лучше и пониманием того, что даже те, кто находится рядом с ним и транслирует данные цели как общие, не только не становятся «лучше», но демонстрируют поступки и отношения, переживаемые человеком как предательство духовно-нравственных ценностей, предательство самих себя и окружающих людей. Социальный кризис и нестабильность в общественных отношениях ведут не только к разочарованию в себе и людях, но подчас к тотальному отчаянию найти истинные, непреложные ценности как основы бытия и осмысленности жизни, отчаянию найти в мире людей «истинно верующих», живущих по законам любви. Эти процессы часто приводят людей к наркоманиям, лечение которых необходимым образом должно сопровождаться помощью в восстановлении и реализации смысла жизни.

Ключевые слова: наркомания, смысл жизни, вера, предательство, отчаяние, разочарование.

*Познать пограничные ситуации
и Существовать – это одно и то же.
К. Ясперс, 1956*

Введение. Наркомания – одно из последствий деформаций смысложизненных отношений человека. Типичной, хотя и деструктивной реакцией на макро- и микросоциальные кризисы у лиц, предрасположенных к наркоманиям и иным зависимостям, часто является утрата смысла жизни. Именно она, по нашему мнению, выступает основной причиной наркоманий и зависимостей разного вида: потеря или несформированность понимания внутренних жизненных связей и явлений, своего места в мире, места мира в себе. Наркомании как заболевания сложной этиологии и природы находятся на пересечении различных классификаций болезней. Вклад соматических, психических и социальных деформаций в возникновение и развитие наркоманий бывает различен, однако, всегда присутствуют все типы нарушений – в виде причин, проявлений и последствий. Это ставит перед исследователем и практиком ряд вопросов, включая вопросы о том, как наркомании могут быть предупреждены и/или исцелены в контексте разных подходов (медицинского, психологического и социального), как должны соотноситься эти разные подходы, и каковы возможности каждого из них. В последнее время все больше внимания уделяется

психологическим и социальным аспектам наркоманий, в том числе рассмотрению наркоманий как социально опасных и значимых болезней, связанных с особенностями отношений человека к себе и миру, к жизни в целом, с микросоциальными и макросоциальными стрессами и условиями жизни. Особое внимание уделяется проблемам макросоциальных стрессов и нестабильности социальных отношений как важного фактора возникновения и развития, а также массового распространения наркоманий, превращения наркоманий в хотя и нарушенную, но повседневность. Так, потребление алкоголя, никотина, марихуаны и т.д. давно стало практически нормой, с которой сообщества борются лишь постольку, поскольку они не втянуты в глобальный, макросоциальный, конфликт или иное, затрагивающее массы нарушение, и/или когда у сообществ есть понимание и воля к изменениям, продуктивному преобразованию себя и мира. Наркомании – яркий сигнал деформации культуры, психологически и социально связанный с отказом от запретов, трансгрессивным выходом человека за рамки декларируемых ценностей любви, здоровья и т.д., совершаемый в результате массовой дереференции ценностей (десакрализации) в процессе удовлетворения сообществом и его членами своих все более растущих желаний (консюмеризм). Личность наркомана – личность, возмнившая себя

свободной от социальных запретов и сфокусировавшаяся на своих правах, а также отказавшаяся от своих обязанностей и презревшая реальную ограниченность своего бытия в виде отдельного и отделенного от общества индивида, который, по мере втягивания в процесс реализации собственных желаний, все более деградирует как духовное, социальное и физическое существо. Наркомания – это духовная смерть или болезнь человека, возникающая в связи с крушением и осмеянием духовно-нравственных основ социального бытия. И чем более тотально такое отвержение нравственности в сообществе, чем больше социальный кризис затрагивает собственно нравственные аспекты отношений, тем больше в нем страдающих от наркоманий.

Процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания системы запретов и предписаний, следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, сферу духовно-нравственную, которая есть не что иное, как сфера сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включён данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать запреты и предписания, которые предлагает ему социальная среда. Однако он может отказаться от присвоения: десакрализация или трансгрессия – один из феноменов, рассматриваемых в экзистенциализме, сопровождается процессом «плюрализации» [12; 13].

Благодаря плюрализации запретов и предписаний трансгрессия приобретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую, трансгрессивную в узком смысле слова). «Вектор (тренд) трансгрессии» и «вектор трансценденции» часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск «иного» оказывается отказом от десакрализованного и потому ставшего «чужим» «своего». И, напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной: усиливающей десакрализацию. Трансценденция как реализация принципа предельности (достижение осознания и реализации высших ценностей) подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение и проживание синергий, преображающих человека, размыкающего свою жизнь как тела и личности до жизни общества и души. Трансгрессия, напротив, предполагает избегание активной душевной и духовной работы, в том числе работы по поиску и реализации смысла жизни, работы по коррекции своих отношений с обществом и попытку заменить или отложить эту работу при помощи веществ, изменяющих состояние сознания и тела.

Особенно важной сферой действия этих двух тенденций бытия человека выступает сфера, непосредственно связанная со смыслами человеческой жизни. Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни – врожденная, имманентно присущая человеку тенденция, она присуща всем людям и является основным двигателем жизнедеятельности и развития личности, в том числе самореализации как трансценденции. Нарушенный или деформированный смысл жизни, смысл, отрицаемый как таковой или нацеленный на разрушение, – очевидно трансгрессивен и ведет личность к разрушению.

Материалы и методы исследования. В статье осуществляется теоретический анализ современных исследований возникновения, развития и коррекции наркологических заболеваний в рамках понятий о трансгрессии и трансценденции базовых ценностей и смысла жизни.

Обсуждение результатов исследования. Многочисленными экспериментами и наблюдениями было установлено, что для того чтобы жить и развиваться, человек должен иметь смысл и верить в него, знать, что его жизнь и поступки осмысленны и имеют цель в ряду жизненных целей. «Даже самоубийца верит в смысл – если не жизни, то смерти» отмечал В.°Франкл [9]. В современном, социально нестабильном мире число людей, более или менее осознанно и развернуто переживающих духовные и социальные кризисы и иные проблемы, сталкивающихся с повседневными, типичными и трансординарными перегрузками, людей, переживающих состояния «экзистенциального вакуума» и экзистенциальной неисполненности, тупика и фрустрации, страдающих от расстройств, вызванных этими и иными причинами духовно-нравственного плана, все увеличивается. Люди становятся все более отчужденными от общества, другу друга и самих себя. Результат – потеря осмысленности жизни. Особенно остро этот вопрос возникает в процессе работы с людьми, прибегающими к употреблению наркотических препаратов, людьми, попавшими под влияние деструктивных сект и связанных с ними культов, с самоубийцами и преступниками, покушающимися на свою и чужую жизнь, с людьми, попавшими в ЧС разных типов и потерявшими не только мир привычного физического бытия, но и столкнувшимися с событиями и потерями, перевернувшими их понимание себя и мира подчас до основания. Часто людям, ищущим смыслы жизни, в том числе – «высшие», предельные смыслы бытия, свойственны впечатлительность и рефлексивность, требовательность к себе и миру, что обостряет для них важность и остроту вопроса о смысле жизни. Многие группы людей и отдельные индивиды ставят и решают для себя этот

вопрос, не превращая его в «идею фикс», поскольку гармоничное, «нормальное», а по сути, «междукризисное» существование и развитие предполагает смысл, а не его поиски. Анормальное существование, существование в период кризисов (социальных и личностных) так или иначе соотносено с затруднённой, невозможностью найти новый смысл. Подчас – с невозможностью найти «хотя бы какой-то смысл» в жизни, что лишает человека внутреннего покоя подчас еще больше, чем само событие или факт потери, очень редко – вдохновляет, обычно – не дает возможности решать другие проблемы и продуктивно заниматься чем-то другим до разрешения вопроса. Среди людей, страдающих от наркотических зависимостей, таких – весьма много. Р. Ассаджиоли отмечает, что «есть особый тип людей «идеалистический» ... [такой человек] особо остро переживая душевные кризисы, претерпевает в своей душевной жизни внезапную трансформацию, которая застает его врасплох...» [1]. Нередко интенсивная и обширная трансформация возникает в процессе переживания многочисленных разочарований, сильных душевных потрясений, например, вследствие одновременной потери близкого человека, работы, здоровья и т.д., в случае макросоциальных стрессов типа столкновения с миграциями, ЧС, войнами, инвадизациями и т.д. Иногда «достаточно» регулярных конфликтов в семье, унижения, недоверия, непонимания. Иногда трансформация вообще протекает без каких-либо заметных внешних причин: среди внешнего разностороннего благополучия, удачи в делах и семейных отношениях, у человека возникает неопределенное беспокойство, чувство неудовлетворенности, экзистенциальной пустоты или исчерпанности. Часто наркомании предшествует эпизод или серия эпизодов, в которых человек осуществил «неправильный», разрушающий его жизненные смыслы выбор и/или столкнулся с таковыми посредством того или иного ЧС, травмы или конфликта. Исчерпанность, в отличие от исполненности, не позволяет человеку наслаждаться и быть счастливым от того, что у него есть он и его жизнь, но побуждает искать что-то иное: «настоящего себя», «настоящую жизнь», «истинные ценности» и т.д. Человек обычно страдает от отсутствия чего-то неопределенного «то, не знаю что», поэтому к нему приходит чувство нереальности, суетности и никчемности будничной, повседневной жизни, ее забот и нужд. Личные интересы, которые занимали человека, теряют свою ценность. Человек начинает размышлять о смысле жизни, об истоках собственного и чужого счастья и страдания, об оправдании человеческого неравенства и о сходстве людей, о происхождении человека и человечества и цели человеческого существования. Такие люди чаще других оказываются в рядах

групп наркоманов-«духарей» (групп искателей эзотерической /духовной истины – «духовок»), а также устойчивых и латентно (скрыто) асоциальных групп алкоголиков, внутренне и внешне отчуждённых от своих семей и остального сообщества, а также членов различных сект и других религиозных организаций, обещающих «духовное пробуждение» и «духовное преображение», реже – становятся членами преступных группировок (открытой организованной преступности). Они чаще склонны к суицидам и иным радикальным попыткам выхода из кризиса экзистенциальной опустошённости, неисполненности. По мнению Р. Ассаджиоли, эти люди характеризуются тем, что им свойственны: чрезмерная требовательность к себе, которая порождается неуверенностью в себе, неудовлетворенностью и неопределенностью личностной позиции; активное стремление найти смысл жизни, часто побуждающее человека к вступлению в различные «системы» наркоманов, в прорелигиозные организации традиционного или нетрадиционного характера; эти люди испытывают потребность безгранично верить носителям истинного смысла жизни, в том числе обещаниям лидеров, которые убеждают, что «истинный смысл жизни» можно обрести, только вступив в эту организацию и разделив верования членов секты или аналогичной по своему духу организации [1]. Лидеры и члены группы, «подсаживающие» и «вербующие» в «систему» новичков, утверждают, что предлагаемые ими средства способны удовлетворить или заменить все желания новичков. У тех, кто разочаровывался и выбывал из «системы», секты (организации), из группы «духарей» и алкоголиков, прогрессируют состояния неуверенности в себе и неудовлетворенности жизненной позицией, депрессии и астения, неврозы и иные психологические расстройства. Экзистенциальный кризис, в котором переживается экзистенциальный вакуум или экзистенциальная неисполненность, порождают проблемы в семье, на работе. Таким образом, человек переживает состояние психофизиологической и духовно-нравственной «ломки», «отходняка». Другие люди, в том числе те, общение с которыми ранее могло приносить «кайф» подтверждения значимых ценностей и иные удовольствия (удовлетворение желаний), воспринимаются как «разрушители» кайфа и покоя, «кайфоломы».

Но еще задолго до «ломки» человека «кумарит» переживаемое и осознаваемое приближение конца – расставания с очередной иллюзией осмысленности и наполненности жизни. Человек отвечает на это состояние попытками усилить «дозу», в том числе путем большей активности и включенности в жизнь группы, более целенаправленного и яростного отстаивания рушащихся идей и ценностей. В процессе же

принятия наркотиков – химической или «духовной» природы, человек наслаждается состоянием, обозначаемым в языке наркоманов словом «(за)мутить»: замутить – это длительный и всецело «захватывающий» человека или группу процесс, вызывающий удовольствие и предшествующий приему наркотика. Он включает ряд стадий: от легких позывов типа «топотунчиков» и иных проявлений беспокойства (стрема, стремофобия или стремопатия), возникающего, когда человек остается один и без «дозы» химического или иного типа, от решения выйти на поиск наркотика или совершить «духовное деяние» до момента употребления наркотика и выполнения «деяния» с целью «оттянуться по полной» (расслабиться, получив передышку от навязчивых людей и собственных переживаний и представлений, побуждающих осознать ошибочность актуального способа жизни) и пережить состояние «таски», кайфа. Удовольствие побуждает человека «наварить кайф» – передозировать наркотик, а значит, столкнуться с негативными последствиями зависимости. Выход из этого состояния наркоман часто видит в том, чтобы «перебить»: 1) произвести повторную, более удачную инъекцию; 2) сменить группу или статус в группе (стать «центровым», «чалым», пользующимся наибольшим авторитетом и имеющим более легкий и налаженный доступ к наркотикам и наставляющим, в силу «многоопытности, остальных и т.д.»); 3) изменить ценности и т.д. Это делается, чтобы продолжить «торчать» (бесконечно получать удовольствие, не сталкиваясь с неудовольствием). Это неприятие себя и мира вместе с отвержением долга и благодарности, ограничений и запретов, чести и достоинства, культуры. Поэтому данная тактика приводит лишь к тому, что человек еще глубже и полнее «садится в систему», и чаще всего, переходит в ряд не «центровых», а отверженных: начинает «чалдонить» и опускается до «ханыги» или «хмыря», и т.д.

«Выйти всухую», пережить в осознанно выбранной изоляции «ломку», «починиться», взяв на себя самого ответственность за собственные решения, – единственно правильный выход. Однако он требует огромных усилий, которых у человека может уже не быть. И часто не известно, от какого наркотика – химического или духовного – избавиться сложнее. Помощь психолога или духовного наставника, как и помощь семьи, может быть очень полезной, но все решает человек – сам. Он выбирает долг и благодарность, он соблюдает пост и формулирует запреты, он ориентируется на понятия чести и восстанавливает достоинство, а значит, и культуру. Главная его задача – наполнить окружающий его и находящийся внутри него экзистенциальный вакуум. Он наполняется лишь постижением и исполнением действительных нужд человека и общества, отказом от сиюминутных

желаний. Жертвование ненужными желаниями в пользу нужд наполняется даром человека миру, его благодарностью за любовь и поддержку и ответной любовью и поддержкой.

Экзистенциальный вакуум, по мнению В. Франкла, порождается отсутствием смысла жизни и вызывает «ноогенные неврозы» – неврозы, связанные с трудностями при определении личностной позиции, при нахождении смысла и ценности жизни, и т.д. Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если данное стремление остается нереализованным. Необходимым условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, alertности, возникающий между человеком и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который выбран им в качестве ориентира жизнедеятельности и развития [9; 10]. Важно, однако, что не столько человек ставит вопрос о смысле жизни, сколько жизнь ставит этот вопрос перед человеком. Смысл находится в мире, в объективной действительности, и потому выступает для человека как требующий своей реализации императив. Смыслу жизни свойственна самотрансценденция как ориентация на самопостижение и раскрытие ограничений и способностей, стремление «проложить себя вовне», т.е. осуществить в реальных действиях и поступках. При этом, постигая себя, человек может осмыслить себя как нечто самостоятельное по отношению к себе же, вступить в диалог с самим собой. Смысл жизни возникает в результате взаимодействия «внешнего» и «внутреннего», затем эмансипируется от того и другого, выступая как «буферный механизм» – система противовесов, не допускающих одностороннего увлечения «внешним» или «внутренним».

«Если человек черпает из той наличной ситуации, которая есть, если он, не сетуя на отсутствие идеальных условий, все же делает то, что считает в этих условиях самым правильным, наилучшим, – отмечает В. Франкл, – значит, он может найти смысл и через это прожить чувство исполненности» [10]. Исполненность как удовлетворение, соответствие – переживание глубокого внутреннего согласия с тем, что имеет место быть, или с тем, что сделано; переживание соответствия этого, с одной стороны, своей сущности и с другой – обстоятельствам. В периоды социальных кризисов достичь ее оказывается очень сложно: и внешние, и внутренние обстоятельства приводят человека к потере удовлетворенности собой и миром, побуждают к поиску новых, более стойких и общих смыслов, позволяющих переживать полноту бытия даже в самых неоднозначных и сложных ситуациях. К. Ясперс писал: «Мы не можем сделать себе свободу – она дарится нам. Мы *не свободны по причине себя самих*, мы получаем себя в нашей свободе себе *в подарок*, и не знаем откуда. Не через себя самих

мы есть, дело обстоит таким образом, что мы не можем хотеть нашу волю, что мы не можем планировать то, чем мы сами являемся в нашей свободе, что в значительно большей степени исходом всех наших планов и желаний является то, в чем нам нас дарят» [17]. П. Экхардт, ученица Р. Лейнга, подтвердила эмпирически, что самоценность складывается из двух основных компонентов: из переживания собственной ценности, то есть по отношению к ценности собственной жизни (в соответствии со второй фундаментальной экзистенциальной мотивацией), и переживания признания ценности собственных достижений (в соответствии с третьей фундаментальной экзистенциальной мотивацией) [15; 16; 21; 22]. В работах К. Ясперса страдание и борьба, смерть и случайности, вина и свобода являются основными данностями бытия, которых человек не может ни избежать, ни изменить, и столкновение с ними – «пограничные ситуации», которые нужны для того, чтобы радикальным образом потрясти субъекта в его бытии и таким образом пробудить для экзистенции [19]. Единственная имеющая смысл реакция на пограничные ситуации состоит в том, чтобы не избегать, а открыто идти им навстречу, дабы наша экзистенция могла состояться [18]. «Познать пограничные ситуации и Существовать – это одно и то же» [19]. Концепция фундаментальных мотиваций опирается на опыт познания «границы», который ведет к «пробуждению для экзистенции», переживанию более или менее трагичных и масштабных пограничных ситуаций, о которых говорит К. Ясперс и другие исследователи смыслоутраты. «Экзистенция – это бытие самим собой, которое соотносится с собой и через это – с трансцендентным, на котором оно основывается и благодаря которому оно знает, что подарено самому себе». Или в религиозной формулировке: «Бог есть для меня в той степени, в какой я подлинно существую» [18].

С точки зрения А. Лэнгле, «бытие-в-отношениях» является важной частью сущности экзистенции: ведущие, фундаментальные экзистенциальные мотивации применимы не только к осмыслению личностью своей жизни, но и к межличностным отношениям, в которых состоит человек. В близких отношениях актуализируется бытие и смысл бытия личности. С помощью и в общении с другими у человека появляется возможность прийти к более сущностному и аутентичному бытию, человек становится или развивается как личность благодаря взаимодействию с другими. В распавшихся или распадающихся отношениях у людей формируется дефицит в одной или нескольких фундаментальных мотивациях, включая мотивации исполнения и переживания осмысленности жизни и самореализации. Собственные дефициты приводят человека к формированию и развитию

деформированного, ареалистичного образа партнера и мира, его идеализации или дереализации иного типа. Когда человек может восполнять свои экзистенциальные дефициты и исполнять смыслы жизни в других жизненных сферах, может опираться на самого себя, привычный образ партнера и мира рушится, отношения распадаются или трансформируются [5]. Таким образом, неисполненность мотивации к смыслу рождает зависимость. Типичными признаками зависимости в близких межличностных отношениях выступают слияние и растворение личностных границ партнеров, человека и мира, потеря доступа к собственной личности и невозможность равных партнерских отношений, когда один из партнеров доминирует, другой – подчиняется.

Экзистенциальная исполненность как понятие введено В. Франклом для отражения высокого и достойного человека, постоянного качества жизни человека в противовес более размытому, сиюминутному и обыденному понятию счастья [10]. Шаги по обнаружению смысла в экзистенциальной ситуации сформулированы В. Франклом: чтобы смысл обнаружил себя, человеку нужно сначала осмыслить поле возможностей, внутренне соотноситься с имеющимися возможностями, «пропустить» их через себя как ценности; найти наиболее соответствующую ситуации и/или себе наилучшую возможность и принять решение; выбрать способы наилучшего действия в соответствии с принятым решением, внося смысл в жизнь. Это требует персональных *предпосылок* (персональности как доступности, открытости для себя и для мира, отсутствия блокад базовых персональных способностей, умения человека обходиться с самим собой («внутренний мир»), достижимости сущности – Person – человека, насколько он доступен в человеческом измерении): *рефлексии* (самодистанцирования как способности создания внутреннего свободного пространства, объективизации, отстраненности от желаний и иллюзий ради обнаружения нужд и истины) и *самотрансценденции* (способности ощущать ценности или ясность переживаний, жить ради чего-то/кого-то, быть затронутым и чувствовать близость к чему-либо/кому-либо и сочувствовать). Это также требует и экзистенциальных способностей/предпосылок (способности конструктивно обходиться с внешним миром, способности решительно и ответственно идти в мир, включаться в жизнь, способность ориентироваться в этом мире, приходить к решениям и ответственно воплощать их в жизнь, меняя ее таким образом в лучшую сторону, готовность участвовать и последовательность в действиях): свободы (способность находить реальные возможности действия, создавать из них иерархию в соответствии с их ценностью и

приходить к персонально обоснованному решению, решаться) и ответственности (обязательность, персональная включенность или чувство долга, способность доводить до конца решения, принятые на основании личных ценностей). Исполненность, таким образом, включает способность справляться с самим собой и с миром и способность отвечать на внутренние и внешние требования и предложения, соотнося их с собственными ценностями, заниматься самим собой и внешними жизненными ситуациями и прийти к сформированной со смыслом жизни, ведение которой может быть аутентично обоснованно, находится в диалогическом обмене с миром и тем самым прийти к исполнению своей сущностной структуры («экзистенциальное исполнение») [5; 12]. Б.С. Братусь выделяет категорию смысла жизни как насущную потребность, которая связана с базовым противоречием ограниченности, смертности индивидуального бытия и всеобщей родовой сути человека [2; 3].

В. Франкл выделил пути и ценности, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: во-первых, с помощью того, что он дает жизни (в смысле творческой работы); во-вторых, с помощью того, что он берет от мира (в смысле переживания ценностей), и, в-третьих, посредством позиции, которую человек занимает по отношению к судьбе, которую он может изменить в доступных ему пределах [9]. В моменты кризиса, в момент вхождения в «систему» наркоманов и отчуждения от остального мира вне «системы», в процессе вхождения в секту, в процессе переживания ЧС, болезни или подготовки и осмысления суицида все эти группы ценностей подвергаются более или менее тотальному «пересмотру». Однако особого внимания при изучении жертв социального насилия заслуживает последняя группа: к этим «антиценностям» человеку приходится прибегать, когда он оказывается во власти обстоятельств, которые он временно или постоянно не в состоянии изменить (не может самостоятельно справиться с какими-то трудностями на работе, в семье, в себе самом). Конечно, человек свободен занять осмысленную позицию по отношению к трудностям и перипетиям и придать своему страданию и счастью жизненный смысл. Кроме того, каждая ситуация жизни и развития несет в себе разный смысл, различный для разных людей: смысл меняется от личности к личности, от ситуации к ситуации. Людям, пережившим пограничный опыт, нередко сложно осознать, что смыслы не изобретаются и не навязываются, но их нужно искать и находить. Человек должен осмыслить или хотя бы выбрать свое призвание, в котором он и может обрести смысл. Однако многие люди полагают, что если смысл был утерян, то это – навсегда, жизнь завершена. Но благодаря работе с психологом или духовным пастырем, эти люди могут осознать то,

что жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах, что смысл жизни всегда есть и может быть найден. Человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода и ресурсы заметно ограничены объективными и субъективными обстоятельствами, внешними и внутренними ресурсами. При этом человек способен сказать «нет» своим влечениям и привычкам, принять или отвергнуть их. Он имеет возможность подняться над собой и над ситуацией, взять на себя ответственность за свою судьбу и за то, что может изменить, и смириться с тем (сложив с себя ответственность), что изменить не может. Человек обладает свободой слушать свою совесть и принимать решения о своей судьбе: изменяться и оставаться прежним. Человек есть существо, которое почти постоянно решает, чем он будет в следующий момент: «У каждого грешника есть будущее, у каждого святого есть прошлое». При этом человек решает только за самого себя. Именно поэтому смысл нельзя передать или навязать, его нужно найти. Смысл – это вездесущее «требование момента», адресованное конкретному человеку. Чувство смыслоутраты или кризиса смысла жизни весьма типично в современном мире: не всем хватает умения и терпения «оттачивать совесть», воспитывать в себе и других чуткость слышать требования, содержащиеся в каждой отдельной ситуации. Развитое нравственное сознание дает человеку возможность сопротивляться обману и насилию, не поддаваться конформизму и тоталитаризму, сладким приманкам постоянного «кайфа» и бесконечного исполнения собственных желаний. Быть ответственным – значит быть селективным, избирательным, верить далеко не всему, что делают и транслируют окружающие, исполнять далеко не все свои и чужие желания, ориентируясь на истинные нужды. Чтобы не утонуть в потоках избытка, нужно научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет. При этом человек не знает наверняка, постиг ли он смысл своей жизни: «риск» смысловой относительности его жизни связан с переживанием смирения, человек должен признать, что не все доступно его пониманию. Готовые решения и понимания кажутся подчас удовлетворяющими потребность человека в понимании и определенности: в контроле или власти над собой или миром, дающей гарантии стабильности, существования. При этом недостаток и избыток, в том числе смысловой недостаток и избыток, хотя и удовлетворяют данную потребность, но не реализуют стремление к смыслу. Поэтому люди ищут «спасения» от духовно-нравственного кризиса используя наркотики, меняя религии, религиозные культы (секты), формы жизни и сообщества. Цель многих таких групп, включая религиозные, декларируется как развитие человека и спасение души, поэтому она оказывает

психотерапевтическое, развивающее воздействие, дает человеку возможность утвердить себя, осмыслить себя в трансцендентном – в абсолютном, осмыслить себя как в наличной ситуации, так и в жизни в целом, как человека – жителя повседневности, так и Бога – жителя мира.

Однако В. Франкл писал, что вопрос о том, что делать, чтобы жизнь стала осмысленной, в корне ложен: исходит из представления о некотором планируемом и осуществляемом человеком замысле. Но смыслы не вложены в жизнедеятельность. Важна «неослепленность никаким человеческим делом, свобода от него есть первое условие искания смысла жизни. Смысл – это точка опоры для собирания личности» [3]. Человек должен тренировать в себе мужество и выносливость: «... судьба ... имеет двойкий смысл: он должен ее формировать, где это возможно, и – где это необходимо – достойно принимать ее, терпеть» ... «бездеятельному», пассивному страданию также присущ ... смысл всякого страдания ... человек должен остерегаться соблазна преждевременно ... сдаться, слишком легко приняв ситуацию за судьбу... Лишь когда он не имеет более возможности реализовывать созидательные ценности, ... тогда лишь наступает время реализовывать ценности отношения, тогда ... имеет смысл «взвалить на себя крест» [9]. У В.А. Петровского: «Процесс поиска смысла жизни – это проявление активно-неадаптивных тенденций самосознания ... если вопрос о смысле жизни ... становится основанием специальной деятельности, результатом усилий на этом пути может стать возникновение депрессий или неврозов» [7]. Поиск смысла жизни дает возможность преодолеть внутреннюю и внешнюю расщепленность. Так, И. Мишель, рассматривает транзактную модель культовой травмы [4; 8]. В основе культовой травмы – нарушение транзакций, диалога между аспектами индивидуальности и, соответственно, возникающая специфика жизненной позиции личности, приводящая к кризисности или выхолощенности жизненных смыслов, экзистенциальной неисполненности, опустощенности. Описывая свое состояние до вступления в группу, сектанты говорят о страхе, который охватывал их – они боялись и тяготились своим «ненормальным» состоянием души, стараясь подавить свое стремление к поиску жизни, пытались, чтобы «не сойти с ума», погрузиться в повседневную реальность, которая «грозила от них ускользнуть». Традиционной моделью формирования трансформации личности является «модель удвоения личности» Р. Лифтона, разработанная на основе изучения жертв нацистского концлагеря Аушвиц [4]. Удвоение происходит обычно в момент резкого обострения внутриличностного конфликта, когда человек понимает, что его поступки и отношения противоречат

выработанным им же в течение жизни и внешним транслируемым группой принципам. Новое поведение, реально поощряемое деформированным режимом отношений в «системе», радикально отличается от сформированной до вступления в нее модели и часто – от того, что внешне предписывается самой моделью. Удвоения позволяют выжить в экстремальных ситуациях, в ситуациях непонимания и дезориентации, сохранить человеческое, нравственное понимание происходящего даже в состояниях прогрессирующего падения и «замучивания», бегства за желаниями, ненужность и деформирующий смысл бесконечного беспокойства по поводу неважных, хотя и приносящих удовольствие вещей. Но дальнейшее сосуществование двух систем личности возможно лишь в условиях конфликта, который возникает после выхода из группы/ситуации, при каждом очередном завершении «кайфа».

М. Сингер и Л.Дж. Вест, отметили также роль символического предательства и отказа от себя, семьи и ранее поддерживаемых ценностей, целенаправленно создаваемого или происходящего самого по себе и приводящего к увеличению психологической дистанции между человеком и его предыдущим образом жизни [4]. Одно из проявлений этого предательства – макиавеллизм (использование манипулятивных техник в процессе межличностного взаимодействия, циничное отношение к другим людям как к слабым и зависимым от социального давления, игнорирование нравственных принципов, когда они мешают достичь желаемого результата как неверие в мораль и вера в то, что люди изначально лживы и порочны), а также сопутствующие ему нарциссизм и социопатизация личности [20; 24; 25]. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия как субклинические черты образуют синдром, названный «Темной триадой», которая обнаруживает связи с асоциальным поведением и склонностью к насилию и социальной доминантности (darktriadofpersonality). При этом душевное состояние члена группы может ухудшаться, а способность понимать себя и мир притупляется, хотя имитационные способности могут даже развиваться: человек ловко обманывает мир, но не способен обмануть себя. После того как человек разочаровывается в отношениях в группе и в ее идеологии и смыслах, беспокойство вновь, но еще мучительнее, оживает. Человек чувствует себя ничтожным и у–ничтоженным: его прежняя жизнь становится прошлым, сном или «шелухой». Однако новый смысл не появляется, а нравственный кризис углубляет переживание, приходят вина и раскаяние за прошлое. Самоосуждение, пришедшее на смену осуждению людей – сначала вне группы, а потом в группе, приводит к унынию. Чувство вины – самобичевание – может быть связано с тем, что человек упрекает себя в том, что долгое время

«обманывал» не только себя, но и других, он переживает вину перед Богом за то, что хоть и неосознанно, но занимался «богохульством». В таком состоянии нередки идеи о самоубийстве как логическом разрешении внутреннего краха. Иногда возникает духовное пробуждение. Оно является исцелением: человек учится верить в себя, происходит «духовное очищение от скверны, которому сопутствуют потоки ... радости и деятельной силы, что приносит чудесное состояние освобождения» [1]. Внутренняя борьба, страдания, неврозы и физические болезни могут внезапно и быстро исчезнуть. Однако без поддержки духовного наставника (пастыря) или психотерапевта обычно обойтись сложно. Поэтому перед психологом стоят задачи, связанные с тем, чтобы вернуть человеку уверенность в себе, желание жить и стремиться к достижению целей, его умение контролировать ситуацию и свою жизнь, умение строить взаимоотношения с людьми вне группы и новые отношения с группой, умение критически оценивать сложившуюся или возникающие ситуации, противостоять групповому и нравственному давлению, отстаивать себя, свои права и позицию, быть независимым. Психолог должен помочь понять этим людям, что стремление к совершенству и самоотвержение связаны с ненужными тратами духовных сил и энергии. Огромную роль играют близкие и родственники, которые могут поддержать человека в сложном переходном периоде, пока человек не оставил полностью интересы и привязанности, связанные с неудачными поисками (трансгрессией), не адаптировался к нормальной жизни, ресакрализовав и ресоциализовавшись, не утвердил новые, гармоничные личностные позиции, позволяющие прийти к истинной трансценденции, преодолев переживания «экзистенциальной тревоги» и комплекса неполноценности [1].

Трансценденция как реализация принципа предельности подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение синергий, преобразующих человека, размыкающего свою жизнь как тела или личности до жизни общества или души. Трансгрессия может быть как более или менее упорядоченной, так и полностью хаотичной: сама идея отказа от ценностных оснований нарушает «принцип органа», подразумевающий, что каждое событие трансценденции или размыкания мира в себя или себя в мир подчинено строгим требованиям к содержанию и процессу, соответствия их формы и содержания, что позволяет понимать себя, сохраняя непрерывность и целостность жизненного потока не только в состоянии духовного делания, психотерапевтического диалога и т.д., но и в повседневности. С уходом тоталитаризма нравственный кризис не ушел, но только изменил

свои проявления. Процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания системы запретов и предписаний и следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую, сверхсоциальную сферу, которая и будет не чем иным, как сферой сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включён данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать те запреты и предписания, которые эта социальная среда навязывает ему. Индивид, входящий в данный социум, должен не просто подчиниться его воле, но и внутренне согласиться с ней. Иными словами, он должен принять те ценности, на основании которых выстроены данные запреты и предписания. Только при согласии большинства членов социума в принятии данных ценностей социум сможет функционировать как таковой, при отказе от ценностей сверхчеловеческого уровня общество разрушается. В жизни каждого человека происходит борьба «на понижение» или «на повышение»: С.С. Хоружий, анализируя становление «постчеловека», отмечает необходимость осмыслить опасность современной антропологической ситуации, состоящей в активной и разносторонней игре человечества «на понижение» (самого себя), трансгрессию и разрыв человеческих, братских или дружеских отношений (отношений любви), их замены отношениями потребления (власти и использования). Человек дарит человеку понимание себя, а к своей сущности и в дар он ждет такого же подарка. Другой стороной ценностно осмысленного, нравственного отношения выступает свобода: там, где нет нравственности, нет любви и свободы, но возникает сплоченность, «система» как вариант насильственной синергии (термин С.С. Хоружего), «связанность одной цепью». «В «сплоченности» нет личного внимания друг к другу и участия, уважения, нет свободного и добровольного единства с другими – свободным [13]. Однако, с начала времен «человек приучался нести не только физическую, но и метафизическую нагрузку, и прежде всего – заботу о «вечных ценностях», «... все то, что сегодня люди сбрасывают с себя в погоне за собственным комфортом» [12, с. 709]. Имитации возникают там, «где метафизические явления понимаются предметно, овеществляются: где «вечные ценности» – «не более чем предмет, который можно повторить ... где сознание отказывается идти на риск» – риск изменений и понимания, риск встречи и любви, риск неопределенности и выбора и т.д. [12, с. 709].

Смысл жизни формирует система базовых ценностей личности, присваиваемых ею в процессе воспитания и обучения, построения отношений и деятельности. Смысл жизни, его наличие и

реализация как трансценденция – признак личности, включенной в социум, культуру, мир. Насыщение жизни ценностями все более высокого порядка обогащает и продлевает жизнь, придавая ей качество исполненности, осуществленности. Творчество культуры оказывается творчеством самого себя, выходов за границы самого себя и постижение единства личности и мира. Отсутствие смысла жизни, трансгрессия ценностей и смысла жизни как такового – признак личности, не нашедшей себя в мире. Ее взаимодействие с культурой и обществом деструктивно. Исчерпание все более примитивных ценностей ведет к исчерпанию жизни, ее неполноты и неосуществленности. Разрушение культуры оборачивается саморазрушением, переживанием фиктивности мира и самого себя. Одно из типичных нарушений на этом пути – наркомания, предполагающая более или менее тотальное осмеяние и дереференцию жизненных ценностей, смысла жизни.

Заключение. Больные алкоголизмом, иными наркоманиями – это люди, часто потерявшие смысл жизни. Множественные деформации – трансгрессивного типа, в том числе потерю оказывающей поддержку веры и чувство безнадежности и отчаяния [6; 9] можно исправить путем избавления от «навязчивых представлений «богохульного содержания», жизнеотрицания. Важно учитывать, что пациенты рассматриваемой группы часто обладают особой сензитивностью в отношениях, способны глубоко чувствовать и переживать, готовы к самопожертвованию во имя идеи, Бога, находятся в поисках смысла жизни и предназначения, нравственных и духовных основ мироздания и отношений, это часто люди-философы, люди мыслящие, а не «пустые люди» [11; 14].

Социальный кризис и нестабильность в общественных отношениях не только ведут к разочарованию в себе и людях, но подчас – к тотальному отчаянию найти истинные, непреложные ценности как основу бытия и осмысленность жизни, к отчаянию найти в мире людей «истинно верующих», живущих по законам любви. Эти процессы часто приводят людей к наркоманиям, лечение которых необходимым образом должно сопровождаться помощью в восстановлении и реализации смысла жизни. Наркомании как попытка разрешения конфликта ценностей в периоды социальной нестабильности побуждают человека к поискам смысла жизни и самого себя. На этом пути человек реализует либо стратегию трансгрессии и десакрализации, ведущую к саморазрушению и разрушению мира и культуры, либо стратегию трансценденции, ведущую к ресакрализации и восстановлению и развитию человека, общества, культуры.

Литература:

1. Ассаджиоли, Р. Типология психосинтеза [Текст] / Р. Ассаджиоли. – Москва : Урания, 1995. – 124 с.
2. Братусь, Б.С. Аномалии личности [Текст] / Б.С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 301 с. – С. 47.
3. Братусь, Б.С. К изучению смысловой сферы личности [Текст] / Б.С. Братусь // Вестник МГУ. Сер. 14. – 1981. – № 2. – С. 106-112.
4. Исцеление от «рая»: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости / Под ред. Е. Н. Волкова. – Санкт-Петербург : Речь, 2008. – С. 124-126.
5. Кривцова, С.В. Шкала экзистенции (Existenzskala) [Текст] / С.В. Кривцова, А. Лэнгле, К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – №1. – С. 141-170.
6. Лангоуни, М. Контрольный список характеристик культа [Текст] / М. Лангоуни // Журнал практического психолога. – № 1-2. – 2000. – С. 148-150.
7. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности [Текст] / В.А. Петровский. – Москва : Смысл, 1992. – С. 311
8. Трунов, Д.Г. Религиозные организации и психотерапия [Текст] / Д.Г. Трунов // Журнал практического психолога. – № 1-2. – 2000. – С. 41-57.
9. Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия [Текст] / В. Франкл // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. – Москва : Прогресс, 1982. – С. 118-121.
10. Франкл, В. Доктор и душа [Текст] / В. Франкл. – Санкт-Петербург : Ювента, 1997. – С. 92-93.
11. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия [Текст] / С. Хассен. – Санкт-Петербург : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. – 400 с.
12. Хоружий, С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером [Текст] / С.С. Хоружий // Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология. – Москва: Познание, 2009. – С. 709.
13. Хоружий, С.С. Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме Постчеловека) [Текст] / С.С. Хоружий // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. – Москва : Прогресс – Традиция, 2010. – С. 782 – 783.
14. Чеснокова, И.А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность [Текст] / И.А. Чеснокова: Дисс. ... канд. психол. наук. – Москва: РГСУ, 2005. – 260 с.

15. Eckhardt, P. Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens. – Wien: Unveröffentlichte Diplomarbeit, 1992. – 120 p.
16. Eckhardt P., Längle A. Skalen zur Erfassung existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben [Scales measuring existential motivations, selfworth, and experience of meaning] // Existenzanalyse. – 2001. – № 18 (1). – P. 35-39.
17. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. – München: Piper, 1984. – 320 p.
18. Jaspers K. Einführung in die Philosophie. – München: Piper, 1986. – P. 20, 51.
19. Jaspers K. Philosophie. 3 Bände. – Berlin: Springer, 3 Aufl., 1956. – I t. – P.56; II t. – P. 204.
20. Kessler S.R.; Bandeen A.C.; Spector P.E.; Borman W.C.; Nelson C.E.; and Penney L.M. Reexamining Machiavelli: A three dimensional model of Machiavellianism in the workplace //Journal of Applied Social Psychology. – 2010. – Vol.40. – P. 1868–1896.
21. Längle A. Existenzanalyse – Existentielle Zugänge in der Psychotherapie [Existential Analysis – Existential Introduction to Psychotherapy]. – Wien: Facultas, 2016. – 240 p.
22. Längle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis. // National Psychological Journal. – 2016. – №4. – P. 23-33.
23. Längle A., Orgler Ch., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment // European Psychotherapy. – 2003. – Vol. 4. – №1. – P. 135–151.
24. Paulhus D.L. & Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol.36. – P. 556–563.
25. Wilson D.S., Near D., & Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures// Psychological Bulletin – 1996. – Vol. 119. – P.285-299.

*Arpentieva Mariyam R.,
Doctor of Psychology, Associate Professor,
FGBOU VO "Kaluga State University of K.E. Tsiolkovsky",
Professor of the Department of Developmental Psychology
and the formation of the Institute of Psychology
Ministry of Science and Education of Russia
E-mail: mariam_rav@mail.ru
Russia, Kaluga*

MULTIPLE RELATIONSHIP AT DRUG ADDICTIONS

Abstract. Addiction is one of the consequences of deformations of the person's meaningful relationships. A typical, albeit destructive reaction to macro and microsocial crises in persons predisposed to drug addiction and other addictions is often the loss of the meaning of life. This crisis occurs because of the desire of man to become better and make the world a better place. It creates instability of relations in society. The reason is that many people only declare the desire for development and improvement. This fraud occurs as a result of the understanding that even those who are close to him and broadcast data as a common goal, not only become «better», but demonstrate the actions and attitudes experienced by man as a betrayal of moral values, a betrayal of ourselves and of other people. The social crisis and instability in social relations not only lead to disappointment in themselves and in people, but sometimes in a total despair to find true, immutable values-as the basis of being and meaningfulness of life, despair of finding in the world of people "true believers" living according to the laws of love. Some processes often-lead people to addiction, the treatment of which in the necessary way was be accompany by assistance in the restoration and realization of the meaning of life. Drug addiction as an attempt to resolve a conflict of values during periods of social instability leads people to seek out the meaning of life and of themselves. On this path, a person realizes either the strategy of transgression and desacralization, leading to the self-destruction and destruction of peace and culture, or the strategy of transcendence leading to the restoration and rehabilitation and development of man, society and culture.

Keywords: drug addiction, the meaning of life, faith, betrayal, despair, frustration.

1. Assadzhioli, R. Tipologiya psikhosinteza [Tekst] / R. Assadzhioli. – Moskva : Uraniya, 1995. – 124 p.
2. Bratus', B.S. Anomalii lichnosti [Tekst] / B.S. Bratus'. – Moskva : Mysl', 1988. – 301s. – P. 47.
3. Bratus', B.S. K izucheniyu smyslovoy sfery lichnosti [Tekst] / B.S. Bratus' // Vestnik MGU. Ser. 14. – 1981. – № 2. – P. 106-112.

4. Istseleniye ot «raya»: reabilitatsiya i samopomoshch' pri sotsial'noy zavisimosti / Pod red. Ye. N. Volkova. – Sankt-Peterburg : Rech', 2008. – P.124-126.
5. Krivtsova, S.V. Shkala ekzistentsii (Existenzskala) [Tekst] / S.V. Krivtsova, A. Lengle, K. Orgler // Ekzistentsial'nyy analiz. – 2009. – №1. – P. 141-170.

6. Langouni, M. Kontrol'nyy spisok kharakteristik kul'ta [Tekst] / M. Langouni // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. – № 1-2. – 2000. – P. 148-150.
7. Petrovskiy V.A. Psikhologiya neadaptivnoy aktivnosti [Tekst] / V.A. Petrovskiy. – Moskva : Smysl, 1992. – P.311
8. Trunov, D.G. Religioznyye organizatsii i psikhoterapiya [Tekst] / D.G. Trunov // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. – № 1-2. – 2000. – P. 41-57.
9. Frankl, V. Poisk smysla zhizni i logoterapiya [Tekst] / V. Frankl // Psikhologiya lichnosti. Teksty / Pod red. YU.B. Gippenreyter, A.A. Puzyreya. – Moskva : Progress, 1982. – P. 118-121.
10. Frankl, V. Doktor i dusha [Tekst] / V. Frankl. – Sankt-Peterburg : Yuventa, 1997.– C. 92-93.
11. Khassen, S. Osvobozhdeniye ot psikhologicheskogo nasiliya [Tekst] / S. Khassen. – Sankt-Peterburg : Praym – YEVROZNAK, 2003. – 400 p.
12. Khoruzhiy, S.S. Ot sinerhiynoy antropologii k sotsial'noy filosofii, ili dialog s Maksom Veberom [Tekst] / S.S. Khoruzhiy // Novyye metody v reshenii fundamental'nykh problem sotsial'noy filosofii: sinerhiynaya antropologiya. – Moskva: Poznaniye, 2009. — P.709.
13. Khoruzhiy, S.S. Transformativnaya antropologiya glazami sinerhiynoy antropologii (k probleme Postcheloveka) [Tekst] / S.S. Khoruzhiy // Fonar' Diogena. Proyekt sinerhiynoy antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste. – Moskva : Progress – Traditsiya, 2010. – P. 782 – 783.
14. Chesnokova, I.A. Vliyaniye sekt, kul'tov i netraditsionnykh religioznykh organizatsiy na lichnost' i yeye zhiznedeyatel'nost' [Tekst] / I.A. Chesnokova: Diss. ... kand. psikh. nauk. – Moskva: RGSU, 2005. – 260 p.
15. Eckhardt, P. Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens. – Wien: Unveröffentlichte Diplomarbeit, 1992. – 120 p.
16. Eckhardt P., Längle A. Skalen zur Erfassung existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben [Scales measuring existential motivations, selfworth, and experience of meaning] // Existenzanalyse. – 2001. – № 18(1). – P. 35-39.
17. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. – München: Piper, 1984. – 320 p.
18. Jaspers K. Einführung in die Philosophie. – München: Piper, 1986. – P. 20, 51.
19. Jaspers K. Philosophie. 3 Bände. – Berlin: Springer, 3 Aufl., 1956. – I t. – P.56; II t. – P.204.
20. Kessler S.R.; Bandei A.C.; Spector P.E.; Borman W.C.; Nelson C.E.; and Penney L.M. Reexamining Machiavelli: A three dimensional model of Machiavellianism in the workplace // Journal of Applied Social Psychology. – 2010. – Vol.40. – P. 1868–1896.
21. Längle A. Existenzanalyse – Existentielle Zugänge in der Psychotherapie [Existential Analysis – Existential Introduction to Psychotherapy]. – Wien: Facultas, 2016. – 240 p.
22. Längle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis. // National Psychological Journal. – 2016. – №4. – P. 23-33.
23. Längle A., Orgler Ch., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment // European Psychotherapy. – 2003. – Vol. 4. – №1. – P. 135–151.
24. Paulhus D.L. & Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol.36. – P. 556–563.
25. Wilson D.S., Near D., & Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures// Psychological Bulletin – 1996. – Vol. 119. – P.285-299.

*Балынская Наталья Ринатовна,
доктор политических наук, профессор;
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
директор института Экономики и управления,
заведующий кафедрой Государственного муниципального
управления и управления персоналом
E-mail: balynskaya@list.ru
Россия, Магнитогорск;*

*Гафурова Василя Минсалиховна,
кандидат исторических наук, доцент,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
кафедра Государственного муниципального
управления и управления персоналом, доцент
E-mail: gvm_65@mail.ru
Россия, Магнитогорск*

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИАЦИИ В ИХ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. В данной статье освещена проблема определения причин и факторов этнических конфликтов в современной России. Проанализированы этнические конфликты в современных российских регионах. Рассматривается необходимость использования альтернативных методов в разрешении этнических конфликтов.

Ключевые слова: этноконфликт, этническая идентичность, неконтролируемая миграция, примирительные процедуры, медиация.

На современное состояние общества очень большое влияние оказывает процесс глобализации. К сожалению, как мы уже отмечали на одном из заседаний круглого стола, посвященном социокультурному взаимодействию России и зарубежных стран, самым слабозащищенным элементом в сценарии глобального проекта оказалась культура.

В рамках глобализации увеличивающаяся прозрачность государственных границ компенсируется увеличением плотности культурных границ, которые «смещаются в пространство идентичности». Внедрение интернационализированной массовой культуры глобальными СМИ разрушительно влияет на население, снижает «национальный иммунитет» и ведет к духовно-нравственной деградации этносов. Стремление этносов самосохраниться запускает механизм сохранения культурно-этнической идентичности, именно она и является «конечной идентификацией», и это стремление часто приводит к многочисленным этническим конфликтам, которые представляют собой «наиболее фундаментальное явление в истории человечества» [1, с. 43].

Проблема этнических конфликтов на протяжении всего существования человечества была и остается наиболее актуальной, так как этнические конфликты во все времена в разных формах присутствуют в жизни любого общества. Наиболее подверженными этим конфликтам являются полиэтнические государства, в том числе

и Россия, для которых проблемы межэтнического взаимодействия являются одним из базовых компонентов развития государства и не всегда эти контакты являются толерантными.

Этнические конфликты, как отмечают исследователи, «объективно лежат на линии различий этносов» [2, с. 206]. Этности находятся в постоянном развитии, усиливающим различия между ними. И в определенных обстоятельствах подобные различия провоцируют возникновение этноконфликтов.

Анализируя причины возникновения этнических конфликтов на территории современной России, необходимо отметить что одним из важнейших факторов и причин зарождения конфликтной ситуации являются нерегулируемые миграционные потоки как на территории всей России, так и на территории Уральского региона. По данным Роскомстата РФ, с начала 1990-х годов в РФ из бывших республик СССР прибыло более 5 млн человек, из них около 1,5 млн получили статус вынужденных переселенцев и беженцев, соответственно получив право на помощь и содействие со стороны государства. Большинство из них осели в регионах, привлекательных с точки зрения социально-экономического развития, превратив эти регионы в наиболее конфликтогенные.

В современной науке выделяют большое разнообразие видов этнических конфликтов. Исследования показывают, что после распада СССР на территории современной России большинство этнических конфликтов были связаны

с реализацией идеи самоопределения наций, получения автономии или создания новой государственности. Практика последних лет демонстрирует другую ситуацию. Сегодня вектор развития этнических конфликтов изменился. Этнические конфликты в большинстве своем из политической плоскости перешли в иную – плоскость этнонациональных интересов. И большинство конфликтов сегодня – это конфликты внутриэтнические, конфликты между этносами, традиционно проживавшими в одном регионе, между местными и приезжими. Смена вектора развития стала последствием принятия Конституции РФ, подтвердившей принцип смешанной федерации и закрепившей равноправие субъектов.

Наиболее распространёнными формами этнических конфликтов в современной России являются этнодемографические и этнобытовые конфликты.

Первая группа конфликтов связана с ростом численности определенного этноса, как правило нетитульного. Такая тенденция ярко выражена в южных регионах России, прежде всего в Краснодарском крае. Рост численности отдельного этноса способствует тому, что появляются конфликты с коренным населением, так как оно начинает чувствовать себя неуверенно и обвиняет «пришлых» в том, что они «вытесняют» коренное население из тех сфер, которые традиционно ими контролировались. В результате эти обвинения приобретают характер этнических противоречий.

Другой распространенной формой этнического конфликта является *конфликт культурных стандартов*, или этнобытовой конфликт. Причиной возникновения, как правило, являются конфликты между местным населением и мигрантами. Наиболее ярко выражен, когда этнический состав местного населения (принимающей стороны) не соответствует этническому составу мигрантов. Мигранты, оказавшись в непривычной для себя культурно-языковой среде, привносят в нее разнообразие сформировавшихся в иных условиях норм, традиций, ценностей, тем самым вызывая раздражение, непонимание и неприятие со стороны местного населения. Между местным населением и «пришлыми» возникает ситуация нетерпимости.

Мигранты, оказавшись в ситуации нетерпимости и социальной изоляции, пытаются сохранить свою культурно-национальную идентичность, чем еще более усиливают ситуацию напряженности.

Еще одним фактором, усиливающим этот конфликт, является обострившаяся с появлением мигрантов конкуренция на рынке труда, дополнительная социальная нагрузка в регионе, достаточно часто следствием этих процессов является региональная дестабилизация. И конфликт переходит в новую стадию. Мигранты, которым необходимо адаптироваться в данных условиях, ищут и выбирают различные стратегии адаптации,

чаще всего с ориентацией на «своих среди чужих», объединяются для выживания, и эти объединения превращаются в объекты негативных социальных установок, тем самым продолжается эскалация конфликта. А среди принимающего населения возникает новое для российской действительности явление – мигрантофобия. Как отмечают Г. Витковский и А. Малашенко: «мигрантофобия в свою очередь выступает в качестве важного социально-психологического фактора, интенсифицирующего процессы внутригрупповой мобилизации мигрантов и усиливающие социальную напряженность в обществе» [3, с. 118]. Взаимодействие мигрантов и местных социальных групп приобретает проблемный характер.

Анализируя различные формы этнических конфликтов в современной России, необходимо также сказать о тенденциях в их развитии. Речь идет о качественных и количественных характеристиках конфликтов. Самая опасная из всех тенденций – постоянное расширение территории их распространения. Сегодня конфликты происходят не только в регионах традиционного распространения, но и в регионах, которые долгое время считались «беспроблемными» в этом отношении – это ряд субъектов Сибири, Дальнего Востока, Поволжья и Урала.

Для нас особый интерес представляет полиэтничный Уральский регион, уникальный регион с «относительно благополучной кроссетнической коммуникацией». Исследователи определяют Урал как «транзитную территорию расселения, которая определила особенности уральского этнического котла» [4, с. 372]. Несмотря на наличие «котла», этничность на Урале сохранилась, а также параллельно с ней сформировалась особая региональная идентичность – уральцы (вариант идентичности жителей внутренней колонии), аналогичный вариант идентичности существует и в Сибири (сибиряки).

Этнополитическая ситуация в регионе формировалась под воздействием ряда факторов, наиболее значимыми из них являются: индустриализация и сверхразвитая пенитенциарная система. Изначально взаимодействие между коренными жителями с разной этнической принадлежностью строилось как толерантное. Традиционно представители разных наций и народностей, проживающих в регионе, имели равный образовательный статус, претендовали на одни и те же рабочие места. Отношения между ними были дружескими, партнерскими, конкурирующими, что способствовало сохранению стабильности в регионе.

После распада СССР и увеличения неконтролируемых миграционных потоков, ситуация стала меняться. В регионе появились различные этнические группы новых мигрантов, особенно трудовых. Урал всегда был привлекателен с точки зрения возможности найти работу в кратчайшее время. Трудовые мигранты

заняли «свои» сферы на региональном рынке труда. Увеличение численности мигрантов сразу же привело к возникновению проблем в межэтническом взаимодействии между коренным полиэтническим населением региона и мигрантами. На характер взаимодействия значительное влияние оказывает география миграций: трансграничной и внутриграничной. Наиболее сложно выстраиваются отношения с мигрантами с Северного Кавказа, бывших Среднеазиатских республик и выходцами из Китая. Представители данных групп очень сложно проходят адаптацию и аккультурацию, поэтому они дистанцируются от коренных жителей, а к межэтническим контактам относятся как к нежелательным, но необходимым. В основе этнических контактов лежит рациональный подход – мигранты воспринимаются как необходимая рабочая сила, к которой нужно проявлять терпимость, но их не нужно инкорпорировать в местное сообщество, поэтому, несмотря на уже достаточно длительный срок нахождения мигрантов в регионе, они не стали «своими» в полном смысле этого слова для местных этнических групп. Несмотря на эти проблемы, в течение длительного времени межэтнические отношения складывались как доброжелательные.

Рост напряженности и конфликтности стал отмечаться в последние годы. Российские регионы оказались заложниками противоречий в миграционной сфере. Обусловлено это тем, что Россия сама оказалась перед сложным выбором. С одной стороны, она вынуждена проводить либеральную политику по отношению к миграционным потокам из стран – потенциальных союзников. С другой, неконтролируемые потоки миграции становятся факторами, дестабилизирующими ее внутреннюю политику.

Проведенные в РФ в период с сентября 2013 года по март 2014 года исследования межэтнической ситуации в регионах России продемонстрировали рост в целом по стране межэтнической напряженности. В исследуемый период в стране произошло 570 межнациональных конфликтов, разных по степени интенсивности.

По итогам исследования регионы были разделены на три группы: с высокой, средней и низкой степенью напряженности. Субъекты Уральского региона представлены во всех трех группах. Самой неблагополучной оказалась Челябинская область, а самой спокойной и стабильной – Курганская.

За исследуемый период на территории Челябинской области были отмечены неоднократные ненасильственные конфликты, разовые случаи этнически мотивированного насилия, политическая активность с эксплуатацией этнической тематики. Большая часть конфликтных ситуаций была отмечена в средних и малых городах области: в Верхнем Уфалее, Верхнеуральске и других. Большая часть конфликтов связаны с выступлениями против выходцев с Северного Кавказа, в основном

конфликты были квалифицированы как конфликты на бытовой почве. Особую тревогу вызывает то, что в конфликтах участвуют и дети из различных этнических групп. Данные конфликты могут стать толчком к дальнейшему противостоянию с серьезными последствиями.

Бытовые конфликты с участием представителей различных диаспор являются наиболее опасными. Психологи, социологи, силовики утверждают, что нельзя недооценивать роль национального фактора в бытовых конфликтах. Бытовое столкновение, в котором принимают участие представители различных национальностей, как правило влечет за собой нарастание напряжения, эскалацию конфликта, подключение к нему новых участников вплоть до трагического разрешения. Примером тому являются печально известные события в Кондопоге, Сагре, Арзамасе и других населенных пунктах России.

Особняком среди субъектов Уральского региона стоит Республика Башкортостан. Уникальность субъекта заключается в том, что там в равной численности представлены три самые крупные национальные общины – русская, башкирская и татарская. По переписи 2010 года башкир – титульной нации – 30%, а большинство населения составляют русские. Основные противоречия: языковые, этнодемографические и непропорциональное представление во власти. При такой пропорции конфликты при назначении на руководящие должности в титульной республике неизбежны.

Этнические конфликты связаны с национальной политикой, проводимой в республике. Большинство конфликтных ситуаций в регионе связаны с онлайн-экстремизмом в социальных сетях, причем за размещение экстремистских материалов к ответственности привлекается не только молодежь, но и люди старше 45 лет. При этом количество насильственных этнически мотивированных действий незначительно.

Данные исследования позволяют говорить о том, что проблема межнациональных отношений является одной из важнейших проблем, стоящих перед властью и обществом, и требует к себе пристального внимания.

Сложившаяся в сфере межнациональных отношений ситуация ставит на повестку дня вопрос о необходимости разработки и реализации разносторонних решений, которые смогут сохранить стабильность и создадут благоприятные условия для дальнейшего конструктивного сотрудничества различных сил в этом вопросе.

Как показывает современная практика, для разрешения деструктивных конфликтов власти используют как правило силовые или административные методы воздействия. У силовых структур есть четко выработанная схема реагирования на такие конфликты. Эти методы действенны в течение определенного периода

времени, результативны в ситуации обострения конфликта. Однако предзаданная заинтересованность на санкционную политику пресечения не всегда дает необходимый эффект.

В этой связи актуальны альтернативные способы решения споров, разрешения конфликтов, основанные на применении комплекса согласительных процедур. Особый интерес в данном случае представляет медиация. Медиация отвечает запросам современного гражданского общества, она менее затратная финансово по сравнению с силовыми методами, в ряде случаев предусматривает конфиденциальность в решении вопроса. Значительный эффект может быть достигнут в случае взаимодействия власти и институтов гражданского общества. Примирительные процедуры станут действенным механизмом досудебного урегулирования споров, что особенно важно для этнических конфликтов, как наиболее ригидных, решить которые, используя только административный ресурс, невозможно.

Примирительные процедуры создают дополнительные возможности для решения конфликтной ситуации за счет привлечения к участию третьей стороны и использования механизма переговоров и договоров на уровне всех субъектов конфликта. Учитывая исключительную важность последствий этнических конфликтов для государства и общества, порядок ненасильственного разрешения таких конфликтов должен устанавливаться только государством.

Международная практика использования посредничества в решении конфликтов предусматривает два вида посредничества: принудительное и добровольное. В первом случае присутствие всех сторон конфликта и их участие в процедуре примирения обязательно, во втором случае посредничество необязательно, стороны могут отказаться от участия в процедуре. Посредниками в переговорах могут выступать как должностные, так и частные лица. Таким образом, институт медиации может быть наиболее распространенным механизмом досудебного разрешения этнических конфликтов.

У института медиации и его использования в разрешении этнических конфликтов много противников, которые считают, что примирительные процедуры не всегда эффективны, а чаще всего даже субъективны, их применение и успех напрямую зависят от медиатора и от конкретной ситуации в конфликте. Но в любом случае постоянный диалог власти, институтов

гражданского общества и конфликтующих групп необходим. Использование данного института в совокупности с другими механизмами и методами может значительно снизить уровень негативной конфликтности.

Современная ситуация свидетельствует о том, что в условиях нарастания конфликтности в обществе, особенно на этнической почве, использование только силовых методов недостаточно, а в некоторых случаях даже недопустимо и приводит только к нарастанию напряженности. И очень часто местные власти и местные жители стараются скрыть информацию о конфликтах, рассчитывая на то, что конфликт прекратится сам по себе.

Необходимо осознание того, что снижение уровня конфликтности и напряженности фактически невозможно без активного сотрудничества государства и гражданского общества. Обращение к ресурсам гражданского общества позволит создать базу для использования механизмов медиации для предотвращения и урегулирования этнических конфликтов любого типа и любой сложности будет способствовать поиску путей сотрудничества и объединения всех усилий для разрешения конфликтов.

Внедрение и широкое использование согласительных процедур в решении конфликтов расширяет возможности традиционного межкультурного диалога, способствует системному противодействию возникающим рискам и угрозам, и позволит избежать возможных конфликтов с тяжелейшими последствиями.

Литература:

1. Авксентьев, В.А. Этнические конфликты: история и типология [Текст] / В.А. Авксентьев // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 43-47.
2. Лучшева, Л.В. Современные концепты причин этнических конфликтов [Текст] / Л.В. Лучшева // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 206-209.
3. Нетерпимость в России: старые и новые фобии [Текст] / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. – Москва : Моск. Центр Карнеги, 1999. – 195 с.
4. Фадеичева, М.А. Основные этнополитические тренды в Уральском регионе [Текст] / М.А. Фадеичева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 371-374.

*Balynskaia Natalia R.,
Doctor of Political Science, Professor;
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Director of the Institute of Economics and Management,
Head of the Department of the State Municipal
Administration and Personnel Management
E-mail: balynskaya@list.ru
Russia, Magnitogorsk;
Gafurova Vasilisa M.,
Ph.D. in Historical Science, Associate Professor,
Magnitogorsk State Technical University,
Department of the State Municipal
Administration and Personnel Management,
Associate Professor
E-mail: gvm_65@mail.ru
Russia, Magnitogorsk*

ETHNONATIONAL CONFLICTS IN MODERN RUSSIA AND THE POSSIBILITIES OF USE OF MEDIATION IN THEIR REGULATION

Abstract. The problem of determining the causes and factors of ethnic conflicts in modern Russia is covered in this article. Ethnic conflicts in modern Russian regions are analyzed. The necessity of using alternative methods in solving ethnic conflicts is examined.

Keywords: ethnic conflict, ethnic identity, uncontrolled migration, conciliatory procedures, mediation.

References

1. Avksent'yev, V.A. Etnicheskiye konflikty: istoriya i tipologiya [Tekst] / V.A. Avksent'yev // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1996. – №12. – P.43-47.

2. Luchsheva, L.V. Sovremennyye kontsepty prichin etnicheskikh konfliktov [Tekst] /L.V. Luchsheva // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2015. – № 1. – P. 206-209.

3. Neterpimost' v Rossii: staryye i novyye fobii [Tekst] / Pod red. G. Vitkovskoy i A. Malashenko. – Moskva: Mosk. Tsentr Karnegi, 1999. – 195 p.

4. Fadeicheva, M.A. Osnovnyye etnopoliticheskiye trendy v Ural'skom regione [Tekst] / M.A. Fadeicheva // Nauchnyy yezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN. – 2012. – Vyp.12. – P. 371-374.

*Новокрещёнов Александр Васильевич:
ФГБУ Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
профессор кафедры Государственного и муниципального управления,
доктор социологических наук, профессор
E-mail: novokreschenov@siu.ranepa.ru
Россия, г. Новосибирск*

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ: РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДОЖИВАНИЕ

Аннотация. В статье раскрывается сущность ресоциализации пенсионеров. На основе результатов социологического исследования показаны реальные процессы жизнедеятельности лиц пенсионного возраста, их материальные, социальные ресурсы, психологическое состояние, пути, способы и возможности ресоциализации.

Ключевые слова: социализация; ресоциализация; социальная адаптация; пенсионный возраст; социальный статус.

Понятие социализация широко известно. Чаще всего оно понимается как процесс усвоения индивидом образцов поведения, принятых в обществе, социальных норм, ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно жить и функционировать. Конечно, данное определение относится к раннему этапу жизни человека, переводу его из биологического состояния в самостоятельную социальную личность. В нашем случае речь идет о пенсионерах, пожилых людях. Правомерно ли говорить о социализации пенсионеров? Проблема социальной реинтеграции пожилых людей и пенсионеров может показаться надуманной. Действительно, человек прожил большую жизнь: учился, работал, создал семью, воспитал детей, многие годы создавал материальные и духовные ценности. Многое из того, что нас окружает, да и само младшее и среднее поколения есть продукт жизнедеятельности нынешних пенсионеров. Именно они являются создателями той среды, в которой все мы живем. И в то же время возникает вопрос о необходимости их новой социализации и интеграции в общество. Правомерен ли такой вопрос? Многие ученые, в том числе современный американский социолог Н.Д. Смелзер [13, с.26], считают его вполне правомерным. Однако этот процесс существенно отличается от процесса ранней социализации. Здесь более уместен термин «ресоциализация», то есть новая, отличная от прежней, социализация. По сути это процесс, в ходе которого происходит добровольный или вынужденный отказ от сложившихся ранее моделей поведения и приобретение новых. В ходе этого процесса человек переживает резкий разрыв со своим прошлым, а также чувствует необходимость принимать ценности и образцы поведения, радикально отличающиеся от тех, что составляли смысл его существования. Многие авторы: А.И. Ковалева, М.Р. Деметрадзе, Н.А. Першинская, рассматривая процесс ресоциализации, считают, что этот процесс протекает в течение всей жизни человека. Пожалуй, так. Но процесс, протекающий в течение всей жизни, можно назвать вторичной социализацией. Скажем, человек долго учился, а потом пошел работать, влился в трудовой коллектив. В этом случае тоже надо

принимать новые нормы, правила, условия жизни и труда. Такие изменения в жизни человека происходят регулярно, но они носят локальный характер, все это звенья одной цепи, процесса роста и развития, то есть процесс продолжения социализации. Ресоциализация, как мы уже сказали, носит иной смысл. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, ресоциализация отличается от вторичной социализации, так как не строится на базе первичной интериоризации, в которой настоящее интерпретируется в последовательном отношении с прошлым. Ресоциализация не предполагает согласованности с прошлым, здесь оно переосмысливается, чтобы соответствовать нынешней реальности [2, с. 239-240]. В качестве примера ресоциализации П. Бергер и Т. Лукман называют эмиграцию, тюремное заключение, то есть такое преобразование индивида, когда он переключается из одного мира в другой. В случае с пенсионерами глубина изменений, происходящих с человеком, пожалуй сравнима с изменениями, связанными с тюремным заключением, но при условии, что это заключение пожизненное.

Начиная с раннего возраста, человек ориентируется на достижения. Соответствующее воздействие на него оказывают родители, школа, вся социальная среда. Стать сильнее, красивее, умнее, образованнее, предприимчивее, богаче, могущественнее – вот ориентиры, по которым движется человек всю жизнь. Так запрограммирован человек. Этот механизм устроен самой природой. Без него сама возможность сохранения вида *HOMO SAPIENS* была бы весьма проблематичной. Отмечая юбилей, человек подводит итог своим победам и поражениям. Легко прощает себе свои неудачи и гордится победами, которые выражаются в детях, материальном положении, занимаемой должности, успехах в творчестве, общественной деятельности и т. д. Но вот наступает момент, когда на этом пути ставится точка. Этот момент называется «выход на пенсию». Вместе с пенсией приходит конец этой гонки. Все, независимо от прежних успехов, становятся равными – пенсионерами. Для тех, у кого жизнь складывалась не очень удачно или трудовая деятельность была лишь средством зарабатывания денег для существования, это счастливая пора

социальной нирваны. Для других, у кого жизнь и работа составляли единое целое, а жизненная энергия еще не истощилась – трагедия. Но надо сказать, что эта трагедия ощущается не сразу. Идет постепенный процесс осознания своих возможностей, которые стремительно сужаются, и личность все сильнее ощущает рамки, за пределы которых она выйти уже не может. Если на предыдущих этапах жизнь приносила все новые радости и блага: увеличение доходов, создание семьи, рождение детей, служебный рост и даже любовные приключения, то в пожилом возрасте человека ожидают все большие потери. Человек невольно начинает перечислять – это, это и это уже не для меня. Как верно заметил поэт Ф. Тютчев: «Вот новые садятся гости за уготованный им пир». Вместо вступления в новые общественные группы, пожилые люди часто становятся одиночками, их дети уезжают, друзья умирают, им самим страшно заглянуть в будущее, ибо финал известен.

Принять старость и статус пенсионера не всем удастся с достоинством. Вариантов всего два: ресоциализация, то есть приспособление к старости как к новому этапу роста и развития в новом качестве, или же пассивное доживание, когда развитие личности прекращается или даже поворачивается вспять из-за ослабления физических и психологических возможностей человека, что происходит довольно часто.

Ресоциализацию пожилых людей у нас в стране нельзя назвать успешной. В современном обществе, как правило, ценится энергия молодости, владение современной техникой, информационно-коммуникационными технологиями. В традиционном обществе, где формы жизни в течение столетий оставались неизменными, опыт старшего поколения высоко ценился и старики, аксакалы, были в большом почете. И сейчас, несмотря на огромные перемены, по традиции в странах Центральной Азии старшее поколение продолжает оставаться уважаемой частью общества. Однако стремительные изменения, техническое перевооружение всех сфер жизни, всеобщая компьютеризация сдвигают старшее поколение с авансены, делают людьми, чьи знания, опыт в большей части уже не востребованы. Воспитанные и сформировавшиеся в условиях планового хозяйства, коммунистической идеологии они уже бесполезны для общества, где в основе лежит дух предпринимательства, либерализма. Теперь уже не у них учится молодежь, а они вынуждены учиться у молодежи, чтобы совсем не оказаться за бортом современной жизни.

Люди неохотно смиряются с наступлением старости, не воспринимают её как новый закономерный и неповторимый этап своей жизни. Не имея четко определенных ролей, некоторые люди пожилого возраста стремятся выглядеть молодыми, осваивают компьютерные игры, одеваются по молодежной моде, посещают молодежные «тусовки», рискуя вызвать насмешки окружающих.

Наиболее актуальной научной и государственной проблемой является реинтеграция пожилых людей, то есть возвращение в общественные отношения в новом качестве. Прежде всего,

необходимо отказаться от закрепившегося (даже в государственных документах) термина «доживание», пересмотреть ложные представления о неизбежности угасания интеллектуального потенциала, инвалидизации и одряхления в старости. Недавний пример ожесточенной борьбы за пост президента США между Д. Трампом и Х. Клинтон не допускает мысли о том, что оба они люди весьма почтенного возраста. Активная профессиональная, общественная и, как в данном примере, политическая деятельность позволяют сохранить физическое и психологическое долголетие.

Между тем ощущается явный дефицит литературы по проблемам ресоциализации и реинтеграции пенсионеров. Можно назвать, кроме выше указанных, лишь работы Т.И. Антошиной, Н.М. Байкова, С.И. Григорьевой, Л.В. Елютиной, М.Э. Кашириной, Т.З. Козловой, О.В. Красновой, А.Г. Лидера, В.А. Роина, Э.К. Турдбаева Н.Б. Шмелевой и некоторых других.

Данная статья основывается на материалах социологического исследования, проведенного творческим коллективом Сибирского института управления – филиала РАНХиГС в 2014 году под руководством д.с.н., профессора А.В. Новокрещёнова. Объем выборки составляет 447 человек. В опросе принимали участие жители Новосибирска и Новосибирского района в возрасте старше 60 лет. Среди опрошенных 40% составляют мужчины и 60% женщины, в соответствии с демографической ситуацией в НСО. Выборка квотная. Опрос производился по месту жительства респондентов.

Рассмотрим, какие возможности и ресурсы сегодня имеют пенсионеры?

Ресурсы семьи – основной источник материальной, духовной и социально-психологической поддержки. Среди наших респондентов 64% состоят в браке, 36% – одиноки. Среди последних 9% никогда не состояли в браке, 27% – вдовы и вдовцы. Среди одиноких большинство – женщины. Вдов среди них в 4 с лишним раза больше чем вдовцов среди мужчин. Смертность среди мужчин значительно выше, чем среди женщин.

Отметим еще одну особенность семейного положения. На вопрос о том, довольны ли наши респонденты прожитой жизнью, полученные ответы позволили сделать важный вывод. Оказывается, ответы напрямую зависят от семейного положения. Больше всего довольных прожитой жизнью среди женатых мужчин и замужних женщин, меньше всего среди женщин никогда не состоявших в браке. Около 40% довольных прожитой жизнью среди вдов и вдовцов. Очевидно, людям есть что вспомнить; выросли дети и внуки, и это согревает старость. Однако недовольных жизнью много, они составляют большинство и среди состоящих в браке, и среди одиноких. Этот факт налицо. Речь в данном случае идет о всей жизни: и о прошедшей её части, и о настоящей. Но нас интересует, главным образом, оценка качества жизни пенсионеров в настоящее время. Потеря спутника жизни на склоне лет, как видим, не редкость. Утрата эта в буквальном смысле невосполнима. Даже если остались дети, внуки, то

они уже взрослые, у них свои семьи, свои заботы. Когда уходит из жизни человек, с которым прожиты многие годы, мир становится другим. Все изменяется. К жизни без супруга надо приспособиться. Это тоже ресоциализация. Не каждому удастся пройти это процесс без потерь. Для многих, особенно для мужчин, смерть жены быстро приближает собственную. Поэтому в ходе нашего анализа мы обращаемся к реакции на те или иные жизненные коллизии как со стороны респондентов состоящих в браке, так и со стороны одиноких.

Мы уже отметили, что более трети опрошенных одиноки. Но это не означает, что они живут одни и предоставлены сами себе. Живут в одиночестве 25% респондентов. Это меньше числа тех, кто не имеет супруга, но тоже весьма значительно. Если данные опроса с какой-то степенью точности экстраполировать на всех пожилых людей, проживающих в области, то получится, что каждый четвертый из них живет один. Остальные живут в семьях, причем структура этих семей многообразна. Значительное число семей представляет собой супружескую пару (42%). В социологии семьи этот тип семей именуется понятием «пустое гнездо». Дети выросли и разлетелись, супруги живут друг для друга. Этот тип воспет поэтами («вдвоем с тобой остались ты да я») и считается наиболее благополучным. Пожалуй, с этим можно согласиться. 13% входят в состав нуклеарных семей, то есть семей, где вместе проживают супруги и их дети. Такое положение естественно и нормально, когда дети еще не оперились и нуждаются в родительской опеке. В нашем случае нуклеарные семьи вызывают ряд вопросов, ибо у лиц преклонного возраста дети уже взрослые и кто с кем живет однозначно определить трудно: дети с родителями или родители с детьми. В любом случае такое сожительство таит в себе немалые проблемы.

Проживающих вместе с младшим поколением довольно много, особенно среди одиноких (14%). Некоторые пенсионеры живут еще со своими престарелыми родителями. В помощи видимо нуждаются и те, и другие. Таким образом, среди наших респондентов 25% живут в одиночестве, 42% – вдвоем с супругом, а остальные 33% – проживают вместе с детьми, внуками, родителями и другими родственниками.

Крайне болезненно процесс привыкания к новому статусу происходит у бывших руководителей. Надо признать, что полноценным руководителем может быть только тот, кто полностью идентифицирует себя со своим делом, отдается своей работе без остатка. Оказавшись не у дел, такие люди переживают тяжелую драму. Причина такого положения коренится глубоко в психологии личности, в её биосоциальной природе. На достижения сориентирована и сама, во многом эгоистическая, природа человека.

Снижается не только социальный статус, но и авторитет среди родных и близких. По инерции еще оказывают пенсионеру уважение и почтение, но это уже не то уважение, замешанное на страхе, которое было раньше, когда «патриарх» был в силе. Это уже

снисходительное уважение к сединам, основанное больше на традиции, чем на непосредственном взаимодействии и силе влияния. Однако далеко не все пенсионеры способны признать этот факт, смириться с ним.

На вопрос «Сохранился ли у Вас авторитет среди членов Вашей семьи после того, как Вы вышли на пенсию?» получены следующие ответы:

«да, полностью сохранился»	74%
«какое-то время держался»	6%
«отношения сразу переменялись»	2%
«затрудняюсь ответить»	18%

Надо полагать, к числу затруднившихся ответить на этот вопрос относятся те, кто старается об этом не думать, ибо если он подумает, то придет к нежелательным для себя выводам. Отметим также субъективность этих данных. Признать падение своего авторитета среди членов семьи способен далеко не каждый. Смысл жизни теряется. Но даже основываясь на этих данных, попытаемся выявить некоторые особенности.

Наибольшее число респондентов (74%), заявляющих о неизменности своего авторитета среди членов семьи и родственников принадлежат к группе лиц, состоящих в браке и проживающих вместе со своей женой или, соответственно, мужем. Что касается одиноких, то есть не имеющих спутника жизни, то среди них это число значительно ниже. То есть сохранение супружеской пары позволяет пожилому человеку удерживать свой авторитет среди членов семьи и родственников после ухода на пенсию, по крайней мере, дает пенсионеру уверенность в этом. Речь в данном примере идет о лицах, только что вышедших на пенсию. С годами от авторитета бывшей должности ничего не остается. Вся суть ресоциализации состоит в том, чтобы заработать авторитет, уже находясь в новом социальном качестве. Здесь уже прошлая должность и прошлые заслуги роли не играют. Основную роль начинают играть чисто человеческие качества.

Работа как фактор поддержки материального положения и социального статуса.

В соответствии с выборкой, до выхода на пенсию третья часть работала на промышленных предприятиях. В Новосибирске это почти половина опрошенных, на периферии значительно меньше. В сельском хозяйстве работало 16%. Немало выходцев из интеллигентской среды: 17% работали в системе образования, здравоохранения, науки и культуры. Есть среди наших респондентов бывшие строители (8%), транспортники и связисты (5%), работники сферы обслуживания и торговли (18%), бывшие чиновники, то есть работники аппаратов органов власти составляют 14%. Таким образом, можно сказать, что выборочная совокупность представляет все или почти все сферы жизнедеятельности общества. Важно отметить, что среди респондентов 46% в прошлом имели подчиненных, а соответственно 54% подчиненных не имели.

Разные люди по разному воспринимают выход на пенсию. Попробуем проанализировать ощущения, которые испытывали наши респонденты перед выходом на пенсию. Всех их по этому критерию

можно разбить на две большие группы: одну группу составляют те, кто хотел уйти на пенсию и ждал этого дня, другую группу составляют те, кто не хотел уходить на пенсию и боялся этого дня.

По данным опроса, представители первой группы, то есть те, кто хотел выйти на пенсию, составляли 42%. Представители второй группы – 58%. Существенным признаком, отличающим одну группу от другой, является содержание работы, с которой человек уходит на пенсию. С этим признаком связан и престиж занимаемой должности, и уровень заработной платы. Среди тех, кто в прошлом был руководителем, творческим работником процент с нетерпением ожидающих выхода на пенсию совершенно незначительный. Он существенно ниже процента тех, кто не имел подчиненных и не занимался творчеством. Естественно, для тех, кто ждал момента выхода на пенсию, к ней готовился и уже знал, чем будет заниматься, как организует свою жизнь, выход на пенсию был радостным событием. Тех же, кто не хотел уходить, выход на пенсию как бы застал врасплох. Им особенно трудно адаптироваться в новых обстоятельствах. Процесс ресоциализации и реинтеграции бывших руководителей и бывших рядовых работников протекает, видимо, по-разному, поэтому в ходе анализа мы будем обращать на это внимание.

Особенности адаптационного периода

Наступает день, когда человек, проснувшись утром, осознает себя пенсионером. Это новое социальное качество требует по-новому взглянуть на жизнь, на окружающих, на самого себя. Вновь, как и когда-то в ранней молодости, встают вопросы «как жить?», «чем заниматься?». По-разному люди отвечают на эти вопросы. Но среди всей совокупности ответов отчетливо выделяются две большие группы. Одну из них составляют ответы лиц, продолжающих работать после наступления пенсионного возраста. Они составляют в целом по выборке 56%. Другую группу составляют те, кто не работал сразу после выхода на пенсию, не работает и сейчас. Первая группа, в свою очередь, делится на три подгруппы:

- 26% продолжали работать в той же должности;
- 8% – в той же организации, но с понижением в должности;
- 20% продолжали работать, но в другой организации.

Среди тех, кто вышел на пенсию и уже больше не работал, основную массу составляли женщины (51% от их числа) и рядовые работники. Мужчины, особенно те из них, кто был на руководящей работе, стремятся как можно дольше удержаться в своем кресле.

Что заставляет людей работать после выхода на пенсию? (Таблица 1).

Таблица 1. Причины, заставляющие людей работать после выхода на пенсию (в процентах)

Наименование причин	Все респонденты	Мужчины	Женщины	Состоящие в браке	Вдовцы и вдовы	Руководители	Рядовые работники
Потребность в деньгах	70	70	68	72	60	44	75
Не могу без работы	23	24	22	24	35	52	17
Нашел дело по душе	5	4	8	4	4	2	6
Пригласили помочь	2	2	2	-	1	2	2

Следует иметь в виду, что на этот вопрос отвечали не только те, кто продолжал работать после выхода на пенсию, но и те, кто работал какое-то время, но на период опроса уже не работал. Итак, главный фактор – потребность в деньгах. Особенно сильно этот фактор действует на семейных мужчин. Видимо, и после выхода на пенсию многие из них остаются главными «добытчиками», кормящими свое семейство. Как видим, среди холостых и вдовых этот процент значительно ниже.

Но есть немало примеров, когда определяющим фактором при принятии решения о продолжении работать после выхода на пенсию становится психологический фактор. Так, 23% сказали: «не могу сидеть без работы». Среди них мужчин больше, чем

женщин, руководителей больше чем рядовых работников.

А кое-кто (5%) только после выхода на пенсию нашел дело по душе. Можно предположить, что это дело привлекало его и раньше, но, видимо, в силу непрестижности или низкой оплаты, он не решался перейти на эту работу раньше. После выхода на пенсию занялся этой работой и счастлив.

И все-таки, главный фактор – деньги. Попробуем разобраться в этом более детально. Для этого проанализируем ответы на вопрос: «Если бы пенсия была достаточно высокой, вы бы работали?» Ответы выглядят следующим образом:

- да – 11%
- нет – 81%
- затрудняюсь ответить – 8%

Таблица 2. Удовлетворенность размером пенсии (в процентах)

Степень удовлетворенности	Все респонденты	Новосибирск	Пригород	Мужчины	Женщины
полностью удовлетворяет	7	2	4	14	2
частично удовлетворен	27	39	18	30	26
не удовлетворяет	64	59	71	51	72

Как видно из таблицы 2, полностью размер пенсии удовлетворяет только 7% опрошенных, остальных пенсия удовлетворяет либо лишь частично,

либо не удовлетворяет вовсе. Именно это главная причина, побуждающая пенсионеров продолжать работать.

Какие же требования предъявляет к работе пенсионер? Среди всех требований, главное состоит в том, чтобы работа была высокооплачиваемой и спокойной. Причем, если для мужчин на первом месте стоит оплата труда, то для женщин главное – спокойный характер работы и хорошие условия труда. И только потом идет уровень заработной платы. Бывшие руководители на первое место выдвигают содержание работы; бывших рядовых работников этот фактор мало интересует.

Таким образом, главное, на что ориентируется большинство вышедших на пенсию, – это работа, причем работа, как видим, не любая. Работа – это самое главное и привычное для человека занятие.

Быстрее к положению пенсионера привыкают жители пригорода. Разница с Новосибирском значительная. Видимо, в сельской местности и в малых городах работа на предприятии для многих большей частью необходимость, а не средство самореализации. Разумеется, и в большом городе работа не для всех является смыслом и целью жизни. Но все же здесь таковых значительно больше. Человек, идентифицирующий себя со своей работой, принципиально отличается от человека, для которого работа на предприятии – горькая необходимость.

Сейчас много говорится о том, чтобы «вернуть женщину в дом». Данные нашего опроса говорят о том, что вряд ли сами женщины согласятся с этим. Многие из них годами не могут привыкнуть к положению пенсионерки, домохозяйки. Как ни странно, процесс ресоциализации женщин идет медленнее и труднее, чем ресоциализация мужчин. Разумеется, это касается не всех женщин, но, еще раз подчеркнем, многих.

Важным ресурсом поддержки пенсионеров может являться связь со своими бывшими трудовыми коллективами. Попробуем сопоставить отношения с руководством предприятия и с членами коллектива. Связь с коллективом и связь с администрацией предприятия – это не одно и то же. Если связь с коллективом и отдельными его членами носит скорее всего неформальный характер, то связь с администрацией, точнее, связь администрации с бывшими работниками, носит, скорее, официальный характер. Как известно, многие предприятия, учреждения поддерживают связи со своими ветеранами, помогают им материально, приглашают на торжественные мероприятия, поздравляют с праздниками и т. д. Каждому такому событию стараются придать огласку. Мнение самих пенсионеров об этих отношениях не столь оптимистично.

Такая связь имеет территориальные особенности. Если в Новосибирске только 10% пенсионеров считают помощь со стороны администрации хорошей, то в пригороде так считают 26%. Примерно так же оценивается связь с трудовым коллективом.

Старшее поколение пенсионеров, женщины, рядовые работники в своей массе отношения с предприятием поддерживают либо эпизодически, либо вовсе не поддерживают никаких отношений.

Тенденция очевидна. После ухода на пенсию связи с предприятием постепенно ослабевают и в конце концов обрываются, следовательно, ресурс этот серьезного значения в большинстве случаев не имеет.

Желание и возможность работать далеко не всегда совпадают. Многие из тех, кто после получения статуса пенсионера продолжает работать, сохраняют такую возможность недолго. Лишь врачам, преподавателям, представителям других творческих профессий удается задержаться на работе подольше, но и они к 65–70 годам становятся нежелательными в своих коллективах. Устроиться в какой-то другой организации пожилому человеку весьма проблематично. Однако человек не может бездействовать. Ресоциализация или пассивное ожидание кончины – вопрос отнюдь не риторический.

Не хлебом единым, как говорится, жив человек. И не только работой. Более половины пенсионеров не работало ни сразу после выхода на пенсию, ни в последующие годы. Многие, как мы уже отмечали, еще в период трудовой деятельности готовились полностью отдаться любимым занятиям, как только представится такая возможность. Возможность появилась с выходом на пенсию. Адаптируясь к новым условиям жизни, многие пенсионеры пытаются заглянуть в самого себя, понять, что их интересует кроме работы. У некоторых пенсионеров пробуждаются творческие способности. Несмотря на всю парадоксальность ситуации, часто именно на пенсии раскрывается сущность человека, его природная заданность. Люди начинают замечать за собой способности к определенным видам деятельности, которые были не развиты, зажаты социальными обстоятельствами. Но и сейчас, в условиях, когда возможности крайне ограничены: недостаток средств, слабое здоровье, плохие материальные условия, пожилые люди не могут в полной мере самореализоваться. Те, кто только сейчас понял свое предназначение в жизни, сожалеют о том, что в молодости у них не было возможности раскрыться и сейчас такой возможности тоже нет.

Основная забота пенсионеров, конечно, – воспитание внуков. Это их природная миссия. Среди увлечений наших респондентов на первом месте находится садоводство и огородничество – 62%. Это увлечение оказалось свойственным не только жителям сельской местности, но и новосибирцам. Совершенно очевидно, что это увлечение носит практический смысл: пожилые люди обеспечивают себя овощами, ягодами и фруктами, кое-что удается продать и тем самым пополнить свой бюджет. Увлечение садоводством и огородничеством легко понять еще и потому, что большинство жителей Новосибирска приезжие. По данным наших исследований, местные уроженцы в Новосибирске составляют лишь 36%, остальные – приезжие. Большинство приезжих – бывшие сельские жители. Земледелие у них в генах. Впрочем, и местные уроженцы тоже имеют свои корни в сельской местности. Обращает на себя внимание, что увлечение садоводством и огородничеством приобретает творческий характер, многие садовые участки отличаются поражающим глаз ландшафтным

дизайном и многообразием цветов. Нередко площади, занятые газонами и цветами, доминируют над овощными посадками. Очевидно, в этом дачники пытаются выразить свое эстетическое начало. К творческой деятельности можно отнести различные виды рукоделия. Женщины много времени уделяют шитью, вязанию, мужчины – столярным, слесарным работам, автоделу; широкое распространение получило разведение и уход за домашними животными (кошки, собаки), небольшая часть пенсионеров регулярно посещает концерты классической музыки, театры, приобщается к физической культуре. Есть даже те, кто пробует реализовать в литературном творчестве. Все это слабые попытки ресоциализации. Очень многие свободное время проводят у телевизора, за чтением книг и газет (особенно это свойственно бывшим руководителям), ведут пассивный образ жизни.

Всякая творческая личность творит не столько для себя, сколько для людей. Видимо, есть смысл объединять людей по их интересам, давать им возможность показать результаты своего труда как можно большему числу жителей. Существуют союзы писателей, композиторов. Но это союзы людей, обладающих выдающимися способностями. Те же, кто выдающимися способностями не обладает, но стремится самовыразиться, тоже нуждаются в своих союзах.

Процесс общения на поле увлечений складывается стихийно. Более 30% сказали, что у них много знакомых, с которыми они общаются на почве увлечений. Здесь надо сказать, что Новосибирск проигрывает периферии. В районах такое общение поставлено лучше, видимо, там органы власти и общественные организации уделяют этому больше внимания.

Но далеко не все увлеченные творчеством таких знакомых имеют, а хотели бы. Это следует иметь в виду тем, кто работает с ветеранами. Не нуждаются в общении всего 8%.

Среди пенсионеров немало верующих. Верить в Бога или не верить – дело совести каждого. Если в молодости многие колеблются между верой и неверием, то с возрастом понимание самого себя проявляется более определенно. По результатам нашего опроса, только 10% затруднились ответить на вопрос о своем отношении к религии. Остальные дали прямой ответ: 44% сказали «да, верую», 45% – «нет, не верю».

Полученные данные вызывают целый ряд вопросов. Почему верующих женщин в четыре раза больше, чем верующих мужчин? Почему благополучные в семейном отношении лица менее религиозны, чем одинокие, и особенно вдовы? Почему среди лиц, довольных прожитой жизнью, в два раза меньше верующих, чем среди недовольных? Неужели поиск Бога, обращение к религии более свойственен слабым, неудачливым, несчастливым? Позволим себе задать в этой связи несколько кощунственный вопрос. Действительно ли те, кто назвал себя верующими, являются верующими?

Ответы на все эти вопросы остаются открытыми. И все же игнорировать тот факт, что 44%

пенсионеров назвали себя верующими, нельзя. Нуждаются ли они в общении с единоверцами? «Да, нуждаются» сказали всего 15%, остальные либо не нуждаются, либо нуждаются лишь иногда. Религиозная обрядовая культура в советские годы была разрушена. Сегодня даже для верующих участие в обедне, причастии, других религиозных формах не является обязательным делом. Верующие чаще всего обходятся без церкви, без священников, без единоверцев. Тем более, что все «религиозные услуги» носят исключительно коммерческий характер, это своеобразный бизнес. По сути дела, утрачена традиция русской православной церкви, когда идеалом являлся аскетизм. Активная деятельность по повышению роли церкви в жизни общества со стороны патриархата, появление нескольких религиозных каналов на телевидении не меняет общей картины. Многие верующие не представляют разницы между православием и протестантизмом, если не брать во внимание внешние признаки. Видимо, сегодня верующие нуждаются в своеобразном религиозном просвещении. Это касается не только ислама, где на фоне религиозного невежества появляется религиозный экстремизм, но и русской православной церкви.

Опасность оказаться в одиночестве грозит многим пенсионерам и инвалидам. Дело тут не только в сужении их социальных связей, но и в индивидуализации жизни вообще. Коллективистские ценности, формировавшиеся самой жизнью, поддерживаемые государством в течение столетий, уходят в прошлое, новый тип жизни формирует нового человека.

Среди наших респондентов 29% заявили, что у них много друзей, 66% сказали, что друзей у них не много, но есть, 5% сказали: «друзей нет». Это ответы ветеранов, воспитанных в духе коллективизма. Особенно много друзей у бывших руководителей. В зависимости от пола респондентов: у мужчин друзей в два раза больше, чем у женщин. У «молодых» пенсионеров в два раза больше, чем у «старых». Сужение коммуникаций связано с состоянием здоровья пожилых людей. Больной человек сосредотачивает свое внимание на своих болезнях и другие люди подчас вызывают у него раздражение. Таким образом связи утрачиваются. С возрастом круг общения постепенно сужается, ровесники либо уходят из жизни, либо сосредотачиваются на своих проблемах и в общении не нуждаются. Постепенно вся жизнь старого человека сводится к воспоминаниям.

Заключение

Жизнь прожить – не поле перейти, говорит народная пословица. Много встречается на жизненном пути. Старость – это время подведения итогов, трезвого осмысления прожитого, оценки своих собственных поступков. Респондентам был задан вопрос: «Как вы оцениваете прожитые вами годы?» Получены следующие ответы:

– я полностью удовлетворен своей жизнью	26%
– кое-что я сделал бы не так	35%
– многое я сделал бы не так	16%
– я не удовлетворен своей жизнью	20%.

Многие, как видим, критично относятся к себе, к тому, как прожита ими жизнь. Вряд ли такая ситуация означает спокойную старость.

В наше время переоценки всех ценностей, люди не только критически осмысливают историю страны, но и свою собственную жизнь

Процесс ресоциализации пожилых людей всегда сложен. Нужно приспособиться к жизни в новом социальном качестве, в качестве пенсионеров, часто немощных физически и беззащитных социально. Все то, что двигало жизнь в прошлом, что заставляло стремиться, добиваться, ушло вместе с молодостью. Нынешнему поколению пенсионеров всего труднее. Они оказались выбитыми из колеи жизни глобальными переменами, зачеркивающими все то, за что они боролись, к чему стремились. Ветеранам предстоит адаптироваться и к этим переменам. Принять, адаптироваться либо уйти, уйти из жизни. Данные исследования показывают, что кто-то уже нашел себя на новом этапе своей жизни. Но большинство находится в состоянии неопределенности. Долг современной науки, государственных органов – найти, предложить и обеспечить пути и способы ресоциализации старшего поколения, сделать так, чтобы жизнь людей на данном этапе была достойной.

Литература:

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – Москва : Наука, 1977. – 273 с.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : «Медиум», 1995. – 323 с.
3. Елютина, М.Э. Социальная геронтология [Текст] / М.Э. Елютина. – Саратов : Саратов гос. тех. ун-т, 2001. – 139 с.
4. Гидденс, Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс : пер. с англ. – Москва : Эдиориал УФСС, 1999. – 703 с.

5. Готово ли российское общество к модернизации? [Текст] / под. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – Москва : Весь мир, 2010. – 734 с.

6. Демитрадзе, М.Р. Центральная зона современных социокультурных ценностей.

7. Ковалева, И.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие / И.Г. Ковалева // Социс. – 2011. – № 7. – С. 75-86.

8. Козлова, Т.З. О социальном положении пенсионеров [Текст] / Т.З. Козлова // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 63-74.

9. Краснова, О.В. Социальная психология старения [Текст] / О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – Москва : Академия, 2002. – 246 с.

10. Нужно ли повышать занятость пенсионеров? [Электронный ресурс]: Режим доступа: demoskope@demoskope.ru. – ISSN 1726-2887.

11. Римашевская, Н.М. Пенсионеры: возможности выживания [Текст] / Н.М. Римашевская [и др.] // Россия. – 1999.

12. Сеть добровольной социальной помощи пожилым людям [Электронный ресурс] : режим доступа : <http://www.deti-s-zur.ru/article/48.html>.

13. Смелзер, Н. Социология [Текст] / пер. с англ. – Москва : Феникс, 1994. – 688 с.

14. Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе [Текст] / под общ. ред. д-ра социол. наук, проф. Н.М. Байкова, д-ра психол. наук, проф. Л.В. Кашириной. – Хабаровск : ДВАГС, 2012. – 186 с.

15. Социализация как способ повышения человеческого фактора в обществах постсоветского пространства [Текст] // – Москва : ООО «НБ-Медиа», 2012. – 121 с.

16. Шипиро, В.Д. Человек на пенсии [Текст]. – Москва : Мысль, 1980. – 212 с.

17. Щукина, И.П. Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей [Текст]. – Москва : ИТК «Дашков и К», 2004. – 213 с.

18. Rosow, I. Socialization to old age / I. Rosow – Berkeley : Universiti of California press, 1974. – P. 122

*Novokreshchenov Alexander V,
Federal state budgetary institution Siberian Institute of management –
branch of Russian presidential Academy of national economy
and state service under the President of the Russian Federation,
Professor of chair of State and municipal management,
doctor of sociological Sciences, Professor
E-mail: novokreshchenov@siu.ranepa.ru
Russia, Novosibirsk*

LIFE AFTER RETIREMENT: RE-SOCIALISATION OR LIVING OUT

Abstract. The article reveals the essence of re-socialisation of the retired. Based on the results of sociological studies showing real-life processes of people of retirement age, their material and social resources, psychological status, ways, methods and possibilities for re-socialisation.

Keywords: socialisation, re-socialisation, social adaptation, retirement age, social status.

References:

1. Ananyev B.G. O Problemah sovremennogo chelovekoznaniiya [About the problems of modern anthropology] / B.G. Ananyev. – M. Nauka, 1977. – 273 s.
2. Berger P., Lukman T. Socialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya. [The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge.]. – M. : “Medium”, 1995. – 323 c.
3. Elyutina M.E. Socialnaya gerontologiya [Social gerontology] / M.E. Elyutina. – Saratov : Sarat gos. teh. univ. 2001. – 139 c.
4. Giddens E. Sociologiya [Sociology] / E.Giddens: per. s angl. – M. :Editorial UFSS, 1999. – 703 c. M., 1999. – 692 c.
5. Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizacii? [Is Russian society willing to upgrade?] / pod. red. M.K. Gorshchkova, N.E. Tikhonovoi. – M. : Ves’ Mir, 2010. – 734 c.
6. Deimtradze M.R. Centralnaya zona sovremennykh sociokulturnykh cennostey. [The Central zone of modern socio-cultural values.].
7. Kovalyova I.G., Pozhilye ludi: socialnoe samochuvstvie [social well-being] / I.G.Kovalyova // Socis, 2011. № 7. – С.75 -86
8. Kozlova T.Z. O socialnom polozhenii pensionerov [On the social situation of seniors] / T.Z. Kozlova // Sociologicheskie issledovaniya. – 2008. – № 5. – С. 63-74.
9. Krasnova O.V., Socialnaya psihologiya stareniya [Social psychology of ageing] / O.V.Krasnova, A.G. Lidets. – M. : Akademiya, 2002. – 246 c.
10. Nuzhno li povyshat’ zanyatost’ pensionerov [elektronniy resurs] [Whether you need to increase the employment of seniors [electronic resource]: Rezhim dostupa .demoskop@demoskop.ru. – ISSN 1726-2887
11. Rimashevskaya N.M. Pensionery: Vozmozhnosti Vyzhivaniya [Seniors: the possibility of survival] / N.M. Rimanovskaya [i dr.] // Rossiya. – 1999.
12. Set’ dobrovolnoy socialnoy pomoshchi pozhilym ludyam [elektronniy resurs] [A network of voluntary social services for the elderly. [Electronic resource]]: Rezhim dostupa: <http://www.deti-szur.ru/article/48.html>.
13. Smelzer N. Sociologiya [Sociology]; per. s angl. – M.Feniks,1994. – 121 c.
14. Socialnoe samochuvstvie i polozhenie pozhilykh ludey v regione [Social well-being and position of older people in the region] / pod obshch. red. d-ra. sociol. nauk. prof. N.M. Baykova, d-ra psikh. nauk, prof. L.V. Kashirinoy. – Khabarovsk : DVAGS, 2012. – 186 c.
15. Socializaciya kak sposob povysheniya chelovecheskogo faktora v obshchestvakh postsovetskogo prostranstva. [Socialization as a way to improve the human factor in the societies of post-Soviet space] // – M. : OOO “NB-Media”, 2012. – 121 c.
16. Shpiro V.D. Chelovek na pensii. [People in retirement]. – M. : Mysl, 1980. – 212 c.
17. Shchyukina I.P. Institut vzaimopomoshchi v sisteme socialnoy podderzhki pozhilykh ludey. [Institute of mutual assistance in the social support system of older persons]. M. : ITK “Dashkov i K”, 2004. – 213 c.
18. Rosow, I. Socialization to old age / I. Rosow – Berkeley : Universiti of California press, 1974. – P. 122.

*Стожко Дмитрий Константинович,
Уральский государственный экономический университет,
кафедра истории и философии,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru
Россия, г. Екатеринбург;*

*Стожко Константин Петрович,
Уральский государственный аграрный университет,
кафедра управления и права,
доктор исторических наук, профессор,
E-mail: kostskp@mail.ru
Россия, г. Екатеринбург*

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается сущность феномена социального самоуправления, его личностный аспект, выявляются антропологические основания его генезиса и его особенности. Обосновывается тезис о последовательных этапах генезиса личностного самоуправления, включающих адаптацию, интериоризацию и социальное творчество, а также о системе ключевых субъектных способностей личности (к самоидентификации, самоопределению, самоорганизации, саморегулированию, самореализации), посредством которых она становится субъектом социального творчества.

Ключевые понятия: самоуправление, адаптация, социальное творчество, самоопределение, самоидентификация, самоорганизация, самореализация, саморегулирование.

В современном российском обществе особенно актуальным становится решение задачи восстановления и развития культуры социальных отношений, социального взаимодействия, социального партнерства, социального самоуправления [10]. Последнее особенно важно. Понятно, что никто за нас и без нас самих такую культуру не создаст. По большому счету, зарубежные исследователи предлагают лишь манипуляционные технологии управления с заранее заданными целями. В отечественной литературе исследований по вопросам развития социального самоуправления крайне мало. Среди наиболее известных работ по проблеме личностного самоуправления можно назвать публикации П.М. Абовина-Егидеса, А.В. Адамича, В.В. Белоцерковского, М.В. Борисовской, А.В. Бутакова, О.А. Васильевой, А.П. Ветошкина, А.Л. Гапоненко, Р.М. Грановской, А.В. Золотова, С.Г. Кара-Мурзы, А.Г. Латфуллина и др.

Сегодня манипуляция сознанием превратилась в практику управления, воздействие на наше воображение, внимание и память. Такое управление способствует *сужению* сознания, формированию *аутистического* типа мышления, когда человек живет в искусственном внутреннем мире, «отключается» от реальности [5, с. 180-190]. Теория и практика управления без теории и практики самоуправления просто дезориентирует личность и способствует утрате ею своей автономии и идентичности. Именно поэтому так важно разобраться в сущности социального самоуправления личности, т.е. выявить и

охарактеризовать личностный уровень социальной онтологии.

Социальное самоуправление, в отличие от управления как такового – это процесс обретения человеком своей собственной духовной и материальной культуры, процесс его *а) самоопределения, в) самоидентификации, с) самоорганизации, d) саморегулирования, e) самореализации.* Такая культура самоуправления представляет собой определенную систему ценностей, в которой ценности высшего (абсолютного) порядка должны детерминировать выработку ценностей функционального назначения. Она, такая культура самоуправления, по существу есть высшее проявление подлинной субъектной основы в человеке.

Различные современные институциональные трансформации, охватившие в условиях глобализма и информационного общества практически все сферы публичной и частной жизни людей, привели к определенной аберрации ценностных систем и иерархий. Для российского общества, пережившего на протяжении последних пятидесяти лет гибель единой страны, смену общественно-политической системы, переход к рыночной экономике, такая аберрация ценностей была обусловлена несколькими обстоятельствами:

– *во-первых*, девальвацией, а порой частичным или полным разрушением прежних ценностей традиционной российской культуры;

– *во-вторых*, активным внедрением в наше общество западных ценностей и идеалов «потребительского общества»;

– *в-третьих*, отказом от единой общенациональной (общегосударственной) идеологии в пользу идеологического плюрализма;

– *в-четвертых*, существенным обострением борьбы между представителями почвеннической традиционной культуры и сторонниками различного рода кросс-культурных коммуникаций и конвергенции культур.

При этом идеи социального самоуправления в основном преподносились в литературе последних десятилетий как достижение протестантской этики и духа капитализма. В контексте таких достижений российское общество рассматривалось как тоталитарно-коллективистское, в противовес социально-эффективному индивидуалистскому обществу [13].

Вместе с тем, непонимание объективной природы коллективизма в российском обществе и его роли в социально-экономическом развитии страны со стороны зарубежных исследователей часто было сопряжено с радикальными предложениями по демонтажу всей российской культуры как универсальной системы традиционных ценностей социума. И, соответственно, с призывами к формированию культуры нового типа, основанной исключительно на почве весьма абстрактных общечеловеческих ценностей и идеалов.

При этом парадоксален тот факт, что, проповедуя идеалы и ценности индивидуалистского общества, большинство зарубежных исследователей видят главную и наиболее эффективную модель социального взаимодействия между людьми в *конкуренции*. На самом же деле, конкуренция не объединяет, а скорее разъединяет людей и противопоставляет их интересы друг другу. Особенно, если иметь в виду конкретный тип конкуренции, сложившийся за последние полторы сотни лет на Западе – модель *недобросовестной конкуренции*. Неслучайно еще в начале XX века российские философы и экономисты отмечали, что такая модель вряд ли может быть предложена в качестве основы для широкой личностной автономии. П.Б. Струве, в частности, даже ввел новое понятие – *добросовестная конкуренция*, под которой он подразумевал конкуренцию а) нравственную (соответствующую нормам общественной морали, в) легитимную (соответствующую нормам права и с) открытую, т.е. ведущуюся без каких-либо тайных способов и методов в ее организации [11, с. 38-67].

С тех пор в мировой экономической науке закрепилось деление конкуренции на два основных архетипа. Но если иметь в виду социальное самоуправление, то оно, безусловно, является другим архетипом социального взаимодействия, нежели конкуренция. В основе социального самоуправления лежит не противопоставление интересов разных участников социума, а их координация и

согласование. Отсюда понятно, почему в современном Трудовом кодексе РФ введено и используется понятие *социальное партнерство*. Под социальным партнерством подразумевается «система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [14].

Неэффективность и медлительность в развитии системы социального партнерства в Российской Федерации обусловлена как раз непоследовательностью в выборе базовой системы социального взаимодействия: пропагандируется одна система (социальное партнерство), а реализуется другая – социальная конкуренция. Но известно, что «дом, разделенный внутри себя, не устоит». Вот и оказывается, что партнерство – формально, конкуренция – недобросовестна, а результат – далек от ожиданий.

За рубежом достаточно много внимания уделяется такой модификации социального самоуправления, как *самоменеджмент*. Он рассматривается как совокупность социальных технологий по достижению человеком конкретных результатов. Но вот эти результаты как некие проекции заданий, как цели задаются человеку чаще всего извне. Примерами такого самоменеджмента в наших условиях могут служить тотальная практика ЕГЭ в школах, показатели балльно-рейтинговых систем в вузах и многие другие параметры, которые устанавливаются «сверху», часто без участия самих исполнителей, без научного и методического обоснования. А потом получается, что переход от обычного трудового договора – к «оптимальным контрактам» – это всего лишь очередное перетряхивание фонда заработной платы и создание не слишком (а для кого-то, может, как раз наоборот) эффективного способа перераспределения доходов.

Основные параметры самоменеджмента, как первичной и достаточно примитивной модальности системы социального самоуправления, задаются, как правило, корпоративной моралью, корпоративным сознанием, которые в условиях информационного общества и современного монополизма в значительной мере являются продуктом работы средств массовой информации, рекламы и разного рода манипуляций. Таким образом, личность среднестатистического работника оказывается не в состоянии осуществлять самоидентификацию и самоопределение в условиях, когда ей настойчиво предписывают, что правильно, а что нет, что модно, а что нет, что следует делать, а что делать не следует. Вместе с тем, социальные и морально-

нравственные характеристики самой личности рассматриваются в таких условиях как результаты управления личностью (например, кадрового или образовательного менеджмента), т.е. данные личности откуда-то «свыше», а не как продукт личностного самоуправления. Портрет современного менеджера многими российскими и зарубежными авторами дается односторонне, а именно – с позиций менеджмента, т.е. определенной деятельности по управлению другими субъектами, но не самим собой.

Однако ясно, что, *прежде чем управлять другими, необходимо научиться управлять самим собой*. Практика свидетельствует о том, что очень многие российские менеджеры как раз этого и не могут, они часто поддаются влиянию эмоций, внешнему давлению страстей, слухов, неопределенности и нестабильности. Результат такого «управления без самоуправления» очевиден: многие российские компании быстро сходят со сцены, становятся неэффективными и банкротятся.

Для того, чтобы самоуправление как социальная характеристика личности предметно была определена как *сущее*, необходимы основополагающие критерии *должного*. И эти критерии не могут быть по своему характеру техническими или технологическими, они обязательно должны быть *антропологическими*, т.е. отражать *сущность* самого человека как субъекта деятельности. Понимание этого обстоятельства, кстати, выгодно отличает российскую традицию управленческой мысли от западной науки. Свидетельством этого служат попытки исследовать феномен социального самоуправления в отечественной науке еще в 20-е годы XX века [2]. А также обстоятельная разработка психологических, правовых, социальных и нравственных аспектов самоуправления в более поздний период (А.П. Двинин, Д.С. Иванцевич, А.А. Лобанов, Ю.И. Мухин, Б.Д. Парыгин, В.А. Розанова, Л.Д. Столяренко, В.Н. Чернышев и др.). Аналогичные попытки предпринимались и за рубежом (М. Вудкок, П. Друкер, Д. Карнеги, Т. Питерс, Д. Фрэнсис, Р. Уотермен и др.).

Таким образом, можно с определенной доказательностью сделать вывод о зарождении и развитии *антропологического* подхода в науке об управлении, который логически ставит в повестку дня задачу разработки научной теории социального самоуправления.

Антропологические критерии самоуправления исследовались многими крупными философами. Одним из них является *принцип свободы*. Еще Г.В. Ф. Гегель указывал: «Человек – свободное существо. Это составляет основное определение его природы» [4, с. 31]. Принцип свободы, однако, не следует абсолютизировать, как это делают некоторые современные антропологи. Так, В. Мерцалов пишет, что «власть человека над человеком – явление противоестественное,

безнравственное и омерзительное. Быть человеком – значит быть личностью, а быть личностью – значит не быть подвластным. Условие личностного существования – свобода. Личность и власть – «две вещи несовместные» [7, с. 67]. Утопичность и романтизм подобных рассуждений опровергает вся история человечества. Весь вопрос состоит в том, *какая это власть и как она осуществляется*.

Примерами распространения систем социального самоуправления могут служить японские кружки качеств, социальная кооперация, израильские кибуцы, деятельность различных товариществ и артелей, коммун и союзов (производителей, потребителей) и т.д. Эти форматы социального самоуправления как раз и представляют те самые институты гражданского общества, которые необходимы для формирования социального государства и социально ориентированной экономики.

Социальное самоуправление характеризует сам способ существования личности, ее выбор. Такой выбор личность делает в силу разных обстоятельств: ограниченности материальных, финансовых, информационных или временных ресурсов; в силу собственного воспитания и образования; на основе исторической и культурной традиции и т.д. И такой выбор обусловлен необходимостью трудиться.

Выбор в пользу труда – это еще один ключевой антропологический критерий самоуправления. Человек и для других, и для себя в конечном счете есть только то, что он есть в итоге своего труда. Труд есть в этом смысле способ существования человека. «Индивид не может знать, что он есть, пока он действием не превратил себя в действительность» [3, с. 212].

Отличие от понятия *индивида*, отражающего в большей степени природные, физиологические особенности организма, понятие *личности* включает в себя социальные и духовно-нравственные характеристики, которые позволяют человеку *а)* адаптироваться к окружающей его (природной и социальной) среде, *б)* осуществить «*интериоризацию*» (выработать собственные убеждения и нормы поведения) и *с)* стать субъектом социального творчества. Именно в этих трех формах происходит социализация личности [6]. Личность в той мере существует как *субъект* деятельности (а не как *объект* для манипулирования), в которой она *самоуправляется*. Самоуправляться – значит формировать собственные *субъектные* способности личности: *способность к продуктивному воображению, критическому мышлению, самостоятельному действию, социальному творчеству*. Через такие субъектные способности происходит актуализация личности, ее становление в качестве субъекта социальной практики, начинается ее социальное бытие. Именно с позиций социального самоуправления становится

возможным научно различать такие понятия, как «*сущее*» и «*должное*», «*бытие*» и «*существование*». Или, пользуясь фразеологией Ж.П. Сартра, понимать разницу между терминами «*бытие*» и «*ничто*» [9].

Существовать означает быть *единством противоположностей*. Таков исходный принцип диалектики, с позиций которой можно рассматривать самоуправление как онтологическую реальность. В контексте понятий «*управление*» и «*самоуправление*» это единство и борьба противоположности выступает как дихотомия «*субъекта*» и «*объекта*». Она разрешается через «*интерсубъектность*» и «*интерсубъективность*» в осуществлении процессов деятельности.

Понятие «*интерсубъективность*» было введено философом Э. Гуссерлем. В целом, оно означает, по сути, общую мировоззренческую основу социального взаимодействия отдельных субъектов деятельности. «Внутренний мир» каждого из них изначально отличен друг от друга, но в процессе совместной деятельности он становится схожим, конгруэнтным. В итоге возникает и развивается совместная деятельность, появляется и общность взглядов, вкусов, ценностных ориентаций, мировоззрений. Проблема «*интерсубъективности*» крайне актуальна, поскольку объективно существуют различные мировоззрения, по сути разобщающие людей. В терминологии Э. Гуссерля личностное сознание «замкнуто в себе», поэтому преодоление этих границ замкнутости составляет важную теоретическую и практическую задачу науки и социальной практики.

Основными историческими типами мировоззрений являются: *космоцентризм*, *натурализм*, *теоцентризм*, *логоцентризм*, *социоцентризм*, *антропоцентризм* [8, с. 81]. Объединение людей с различными типами мировоззренческих ориентаций – задача крайне сложная. В связи с этим становится понятным, что одной «*интерсубъективности*» мало. Для эффективной совместной деятельности в условиях развивающегося процесса общественного разделения труда необходима еще и «*интерсубъектность*», которая раскрывается через понятия «*солидарность*», «*взаимодействие*», «*взаимность*», «*социальная кооперация*», «*социальное партнерство*». Способность мысленно поставить себя на место другого человека, практически взаимодействовать с ним – это фактически означает самоидентификацию с обществом, в котором живет личность. Еще в XIX веке отечественные ученые П.А. Кропоткин и П.Б. Струве разработали, соответственно, теорию «*социальной взаимопомощи*» и концепцию «*человеческой годности*», в которых изложили свои взгляды на конкретные способы и методы осуществления такой «*интерсубъектной*»,

солидарной организации человеческой деятельности. В Западной Европе этими вопросами также занимались, но в меньшей степени. Достаточно, например, упомянуть известного экономиста и философа Ф. Бастиа, который особое внимание уделил вопросам самоуправления и солидарного, «*интерсубъектного*» развития. Он писал: «Наше общество не исключает зла, оно допускает диссонансы. Констатируем, прежде всего, существование естественного закона солидарности. Нет на земле человека, жизнь которого не определялась бы миллиардами условий, о которых он и не подозревает. Солидарность преодолевает непостижимые дистанции. Солидарность между людьми существует бесспорно и самым естественным образом». Смысл самоуправления Ф. Бастиа видел в том, чтобы человек сам научился различать добро и зло, без чего ни о каком развитии человека говорить нельзя [1, с. 400-404].

В XX веке М. Хайдеггер в Германии также обратился к данной проблеме. Он сформулировал основные положения социальной онтологии, в рамках которой ключевым признаком наличного бытия (*dasein* – присутствия, реального существования людей) он назвал фактор *заботы* человека о человеке (*sorge* – забота). При этом он отличал подлинное, осмысленное, самостоятельное, самостоятельно регулируемое личностью бытие (*dasein*) от предопределенного, диктуемого ей извне образа такого бытия (*adasein*). Используя термин без артикля, философ подчеркивал, что артикль придает понятию и отражаемому в нем содержанию некий внешний, заданный характер. Именно через такое заданное, «отчужденное» бытие (*adasein*) личность превращается в нечто безличное (*das Man*) [12, с. 274-277].

Выделив три модуса человеческого существования (модус «*бытия в мире*», модус «*забегания вперед*» и модус «*бытия при внутренне сущем*»), он доказывал, что наше понимание мира хотя и может быть «совмещенным» (относительно одинаковым), но не является постоянным. Для обеспечения эффективной человеческой деятельности необходима постоянство, которое формируется через практическое взаимодействие между людьми как самостоятельными субъектами такой деятельности (праксиология). Основанная на общих взглядах, эта деятельность может осуществляться только между субъектами, объекты выпадают из «*интерсубъектности*».

Применительно к социальному самоуправлению это означает, что способность к нему характеризуют процессы «*интерсубъективности*» и «*интерсубъектности*», адаптации, «*интериоризации*» и социализации, т.е. процесс превращения индивида в личность, обезличенного социального объекта – в полноценную личность, способную к эффективному самоуправлению и управлению.

Первой антропологической основой социального самоуправления, через которое далее формируется способность личности к эффективному управлению (организацией, предприятием, коллективом, качеством продукции и т.д.) выступает социальная организованность (*самоорганизованность*). Социальное самоуправление как *сущее*, прежде всего *бытийствует*, т.е. оно определенным образом *организовано*. *Организовать* самого себя и означает управлять собой. Поэтому *самоорганизация* есть как бы элементарная клеточка, фрагмент процесса самоуправления. Эта «клеточка» раскрывается через понятия «самонастройка», «самодисциплина», «самовнушение», «самоконтроль». Иерархия и соотношение этих элементов внутри самой первичной «клеточки» самоуправления могут быть разными, и зависят от особенностей «внутреннего мира» человека и окружающей его «внешней» среды.

Социальное самоуправление, естественно, не исчерпывается «самоорганизацией», выходя далеко за рамки такой организованности. Это связано с тем, что в человеческом поведении можно выделить две коммуникативные системы взаимодействия, требующие организации: «Я и Я» и «Я и внешний мир (другие)». Человек как существо природное, социальное и духовное, *apriori* стремится жить в гармонии с самим собой и с внешним миром. И начинает он решать эту задачу с самого себя. В рамках первой системы мы обнаруживаем феномен «самоуправления» и «клеточку» самоорганизации, а в рамках второй системы – управление и организацию. Поведение индивида в рамках первой коммуникативной системы есть направленность (*интенция*) действия, прежде всего не на внешний мир, а на самое себя, на свое собственное «Я». Здесь личность становится из объекта непосредственным субъектом преобразований самой себя по собственной воле и инициативе. «Воля к совершенству» (И.А. Ильин), «волевой толчок» (И. Фихте), «волевой импульс» (А. Шопенгауэр) позволяют человеку вырваться за пределы того изолированного состояния, в котором он был изначально. Он пытается «самоосуществляться» и «самореализоваться». Тем самым возникают и находят свое предметное наполнение духовные и социальные потребности личности (*экзистенция*).

Отсюда следует, что наряду с «клеточкой» «самоорганизации» самоуправление включает в себя и «клеточку» «самореализации», выступающую по отношению к самоуправлению как высшая его цель. В самом деле, было бы опрометчиво рассматривать человека исключительно как инструмент, «винтик», «средство». Человек как субъект социальных отношений, выполняет не только чужие установки, правила, нормы, но и активно формирует и реализует свои. *Целеполагание* в системе самоуправления означает способность личности позиционировать себя по отношению к самой себе

и к обществу. Тем самым речь идет о *самоидентификации* субъекта.

Социальное самоуправление составляет историческую альтернативу социальной конкуренции и выступает в качестве основы для развития социальной кооперации и социального взаимодействия в обществе. В условиях современных институциональных трансформаций необходимо целенаправленно и последовательно формировать культуру социального самоуправления на основе антропологических и культурно-исторических ценностей.

Развитие практики широкого социального самоуправления позволяет формировать компетентного и инициативного работника, способного самостоятельно решать стоящие перед ним задачи и нацеленного на результат. Вместе с тем, социальное самоуправление позволяет существенно гуманизировать все стороны жизни людей, а также экономическую политику государства и систему права. В связи с этим представляется, что широкое социальное самоуправление – важнейший и перспективный вектор развития современного российского общества.

Литература:

1. Бастиа, Ф. Экономические гармонии [Текст] / Ф. Бастиа. Избранное. – Москва : Эксмо, 2007. – 1200 с.
2. Гастев, А.К. Как надо работать [Текст] / А.К. Гастев. – Москва, 1972. – 72 с.
3. Гегель, Г. Сочинения [Текст] / Г. Гегель. – Т. 4. Москва, 1956. – 440 с.
4. Гегель, Г. Философская пропедевтика [Текст] / Г. Гегель. Работы разных лет. – Москва : Мысль, 1967. – Т. 2. – 630 с.
5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Каратеева, Н.А. Духовная основа становления личности [Текст] / Н.А. Каратеева. – Екатеринбург : Уральский институт бизнеса, 2007. – 200 с.
7. Мерцалов, В. Логика антропогенеза: Происхождение человека еще не завершено [Текст] / В. Мерцалов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 296 с.
8. Моторина, Л.Е. Философская антропология [Текст] / Л.Е. Моторина. – Москва : Академический проект, 2009. – 624 с.
9. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.П. Сартр. – Москва : Терра, 2002. – 639 с.
10. Стожко, К.П. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество [Текст] / К.П. Стожко, О.В. Тарасова, А.Е. Новожилов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – 238 с.

11. Воронин, Б.А. Экономические реформы в России [Текст] / Б.А. Воронин, К.П. Стожко, Н.Н. Целищев. – Екатеринбург : Ажур, 2017. – 508 с.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – Москва, 1997. – 452 с.

13. Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода [Текст] / Н.М. Чуринов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. – 712 с.

14. Шабуров, А.С. Социальное государство: проблемы формирования и функционирования [Текст] / А.С. Шабуров, М.И. Хрущева, К.В. Хрущев. – Екатеринбург : АМБ, 2011. – 228 с.

*Stozhko Dmitrii K.,
Ural State University of Economics,
Department of History and Philosophy,
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru
Russia, Ekaterinburg;
Stozhko Konstantin P.,
Ural State University of Economics,
Department of Management and Law,
Doctor of Historical Science, Professor,
E-mail: kostskp@mail.ru
Russia, Ekaterinburg*

PHENOMENON OF SOCIAL SELF-GOVERNMENT: PHILOSOPHICAL BASES OF RESEARCH

Abstract. The article reveals the essence of the phenomenon of social self-government, its personal aspect, reveals the anthropological foundations of its genesis and its features. The thesis of successive stages in the genesis of personal self-government, including adaptation, interiorization and social creativity, as well as the system of key subjective abilities of the individual (to self-identification, self-determination, self-organization, self-regulation, self-realization), through which it becomes a subject of social creativity, is substantiated.

Keywords: self-management, adaptation, social creativity, self-determination, self-identification, self-organization, self-realization, self-regulation.

References

1. Bastia, F. Ekonomicheskiye garmonii [Tekst] / F. Bastia. Izbrannoye. – Moskva: Eksmo, 2007. – 1200 p.
2. Gastev, A.K. Kak nado rabotat' [Tekst] / A.K. Gastev. – Moskva, 1972. – 72 p.
3. Gegel', G. Sochineniya [Tekst] / G. Gegel'. – T. 4. Moskva, 1956. – 440 p.
4. Gegel', G. Filosofskaya propedevtika [Tekst] / G. Gegel'. Raboty raznykh let. – Moskva : Mysl', 1967. – T. 2. – 630 p.
5. Kara-Murza, S.G. Manipulyatsiya soznaniyem [Tekst] / S.G. Kara-Murza. – Moskva : Eksmo, 2005. – 832 p.
6. Karateyeva, N.A. Dukhovnaya osnova stanovleniya lichnosti [Tekst] / N.A. Karateyeva. – Yekaterinburg : Ural'skiy institut biznesa, 2007. – 200 p.
7. Mertsalov, V. Logika antropogeneza: Proiskhozhdeniye cheloveka yeshche ne zaversheno [Tekst] / V. Mertsalov. – Sankt-Peterburg : Aletyya, 2008. – 296 p.
8. Motorina, L.Ye. Filosofskaya antropologiya [Tekst] / L.Ye. Motorina. – Moskva : Akademicheskii proyekt, 2009. – 624 p.
9. Sartr, ZH.P. Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii [Tekst] / ZH. P. Sartr. – Moskva: Terra, 2002. – 639 p.
10. Stozhko, K.P. Sotsial'naya dialektika predprinimatel'stva: Lichnost'. Samoupravleniye. Kul'tura. Tvorchestvo [Tekst] / K.P. Stozhko, O.V. Tarasova, A.Ye. Novozhilov. – Yekaterinburg : Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2005. – 238 p.
11. Voronin, B.A. Ekonomicheskiye reformy v Rossii [Tekst] / B.A. Voronin, K.P. Stozhko, N.N. Tselishchev. – Yekaterinburg : Azhur, 2017. – 508 p.
12. Khaydegger, M. Bytiye i vremena [Tekst] / M. Khaydegger. – Moskva, 1997. – 452 p.
13. Churinov, N.M. Sovershenstvo i svoboda [Tekst] / N.M. Churin. – Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2006. – 712 p.
14. Shaburov A.A. Sotsial'noye gosudarstvo: problemy formirovaniya i funktsionirovaniya [Tekst] / A.S. Shaburov, M.I. Khrushcheva, K.V. Khrushchev. – Yekaterinburg : AMB, 2011. – 228 p.

*Шамгунов Александр Николаевич,
кандидат медицинских наук, доцент;
Южно-Уральский государственный
медицинский университет» Минздрава России,
старший преподаватель кафедры патологической физиологии
E-mail: shamginov.5474@gmail.com
Россия, г. Челябинск;*

*Научный руководитель: Жилина Вера Анатольевна,
доктор философских наук, доцент;
Магнитогорский государственный
технический университет имени Г.И. Носова,
заведующий кафедрой философии
E-mail: vera-zhilina@andex.ru
Россия, г. Магнитогорск*

РУСОФОБСКИЙ СИНКРЕТИЗМ: ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье анализируется генезис синкретизма и превращение его в инструмент манипулирования общественным и массовым сознанием, раскрывается механизм формирования русофобского синкретизма как некой искусственной системы.

Ключевые слова: синкретизм, синкретическое сознание, манипулирование общественным и массовым сознанием, инверсия, русофобия.

Синкретизм, возникнув на ранних стадиях развития человеческой цивилизации как некий принцип, характеризующий в определенной мере нерасчлененность, незрелость и неразвитость общественного сознания, прежде всего, в сфере религии и культуры, претерпевает определенный исторический генезис. Понятие «синкретизм» применительно не только к различным наукам (философии, культурологии, лингвистике, психологии), искусству, литературе, религиозным системам и культурам, но и к таким социальным сферам, как политика, идеология и экономика. По мере расширения объема понятия, синкретизм приобретает не только новые специфические смысловые значения, но и конкретные практические формы и направленность. Сущность принципа синкретизма с течением времени не изменилась, но он все более используется как инструмент манипулирования общественным и массовым сознанием в интересах тех или иных доминирующих социальных групп.

Важнейшей методологической основой принципа синкретизма является возможность объединения нескольких (двух и более) разнородных и даже противоречащих друг другу элементов (утверждений, идей, фактов) в некую смысловую искусственную систему, в которой игнорируется необходимость внутреннего единства и которая может отражать как истину, так и ложь. В конечном счете можно получить реально функционирующую интеллектуальную систему с внешней идейной (смысловой) оболочкой какого-то выбранного теоретического конструкта (внешнего посыла) и внутренним наполнением (ядром), состоящим из базы разноречивых фактов, суждений, образов и представлений, а также набора

правил управления ими. Такая система может вполне успешно решать неформализованные задачи, которые характеризуются ошибочностью, неоднозначностью, неточностью, неполнотой и противоречивостью исходных данных, а также большой размерностью пространства решений задач, т.е. соответствуют самому принципу синкретизма. Для решения поставленных задач в данной системе обязательно должна использоваться операция логического отрицания (инверсия), которая соответствует частице НЕ и словосочетанию НЕВЕРНО, ЧТО. Логическое отрицание делает истинное высказывание ложным и, наоборот, ложное – истинным.

Общий принцип работы такой системы можно рассмотреть на так называемой продукционной модели. ЕСЛИ из внешней среды поступают сигналы, соответствующие смысловому конструкту оболочки синкретической системы, ТО запускается механизм сравнения сигналов с базой данных ядра и их обработки по имеющимся наборам правил. При этом понятно, что особенностью синкретической модели является то, что ошибочность или ложность фактов и/или правил, их примитивность и односторонность не имеет значения. Система выполняет установку (посыл) создателей системы.

Рассмотрев теоретико-методологические основы синкретизма, следует разобраться, каким образом такого рода система может функционировать в реальности. Примером возьмем западную модель политического синкретизма. В настоящее время Россия подвергается глобальному массивному давлению со стороны Запада во всех сферах социальных интеракций – политической, идеологической, экономической,

военной, культуре, спорте и др. Россия обвиняется во всех «смертных грехах». В отношении ее введен и непрерывно усиливается санкционный режим. Манипулирование мировым общественным сознанием в отношении нашего государства достигло небывалого уровня. В действиях Запада и, прежде всего, США четко отслеживается функционирование русофобских синкретических политических, экономических, идеологических и иных подобных систем, где основой являются ИНВЕРСИЯ: ложь = истина, истина = ложь. Такого рода продукционная синкретическая модель (система) функционирует на правилах такого рода: ЕСЛИ Россия, ТО это всегда мировое зло, ЕСЛИ США, ТО это только добро; ЕСЛИ что-либо в мире позитивно, ТО это заслуга США, ЕСЛИ что-то негативно, ТО это всегда вина России; ЕСЛИ в Сирии уничтожена ИГИЛ, ТО это сделали США, Англия, Франция, а Россия и Башар Асад уничтожали мирное население Сирии, применяя химическое оружие; ЕСЛИ США это выгодно, ТО международное право можно игнорировать; ЕСЛИ это выгодно России, ТО надо всячески этому препятствовать, желательно с выгодой для США; ЕСЛИ нет фактов, доказывающих вину России, ТО либо придумай их, либо сошлись на секретность материалов или засекреченность агентов-осведомителей, либо покажи на брифинге пробырку с чем-либо. И так до бесконечности.

Такая подмена истинных фактов, идей, суждений, утверждений ложными приносит определенные социально-негативные результаты. Не следует забывать о существовании синкретического сознания и, соответственно, мышления. Это относится, прежде всего, к детям [1]. Синкретизм детского восприятия мира обусловлен схематичностью и слитностью его структуры, Ребенок 7-8 лет выделяет лишь общие контуры воспринимаемого объекта без анализа составных его частей и их свойств. Он связывает между собой разнородные явления без достаточного содержательного основания. Такое мировосприятие у ребенка обусловлено недостатком опыта, информации и эмоционального развития. Следует отметить, что развитие мышления и сознания детей может тормозиться под воздействием тех или иных синкретических схем (систем) воздействия. Это может быть связано, прежде всего, с государственной идеологией в сфере образования, семейными и групповыми традициями и другими социальными факторами. Например, отчетливое синкретическое

воздействие на молодежь мы наблюдаем на Украине. В таком случае у них сохраняются в большей или меньшей степени элементы и связи синкретического сознания и мышления, т.е. человек сохраняет в сознании те или иные нерасчлененные общие системы представлений и мыслит по логике инверсий. Расчлененность же, выступая как фактор дискомфорта состояния, стимулирует личность к социальной активности, расширяет и разветвляет (разнообразит) возможности его общественного развития. Не следует рассматривать синкретическое сознание только как некий этап в эволюции человеческого сознания [3]. Оно как атавистическое образование может сохраняться и активироваться при определенных социальных предпосылках.

Как отмечалось выше, синкретизм является древнейшим принципом отношения человека к окружающему миру, определяющим желание человека слиться с природными и социальными ритмами, космосом, жить в гармонии с самим собой. В этом контексте следует отметить возможную связь синкретизма в сознании общества, социальных групп и отдельной личности с архетипами [4]. В широком смысле под синкретизмом понимается стремление вернуться к прошлому, жреческо-идеологическому порядку, страх потерять свой тотем. И в этом смысле синкретические системы воздействуют на подсознание человека, заставляя мыслить его по логике инверсий, совершенно произвольно разделяя мир на сферы зла и добра.

Литература:

1. Выготский, Л.С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив, Ребенок [Текст] / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия. – Москва : Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
2. Жилина, В.А. Культура как развертывание разумности человека [Текст] / В.А. Жилина // Вопросы культурологии. – 2009. – № 7. – С. 12-16.
3. Зыков, М.Б. Глобальные ценности как «общий знаменатель» в культурном диалоге [Электронный ресурс] / М.Б. Зыков, Н.Р. Сабанина // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 6. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/06/15071>. – Дата обращения: 29.09.2017.
4. Юнг, К.Г. Структура психики и архетипы [Текст] / К.Г. Юнг. – Москва : Академический проект, 2015. – 326 с.

*Shamgunov Aleksandr N.,
Ph.D. in Medicine, Associate Professor;
Chelyabinsk State Medical Academy
of Federal Agency of Health Care and Social Development,
Senior Lecturer of Department of Pathological Physiology
E-mail: shamgunov.5474@gmail.com
Russia, Chelyabinsk;
Academic adviser: ZHilina Vera A.,
Doctor of Philosophy, Associate Professor;
Magnitogorsk State Technical
University named after G.I. Nosov,
Head of the Department of Philosophy
E-mail: vera-zhilina@andex.ru Russia, Magnitogorsk*

RUSSOPHOBIC SYNCRETISM: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the genesis of syncretism and its transformation into an instrument for manipulating public and mass consciousness, reveals the mechanism for the formation of Russophobic syncretism as an artificial system.

Keywords: syncretism, syncretic consciousness, manipulation of public and mass consciousness, inversion, Russophobia.

References

1. Vygotskiy, L.S. *Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv, Rebenok* [Tekst] / L.S. Vygotskiy, A.R. Luriya. – Moskva: Pedagogika-Press, 1993. – 224 p.

2. Zhilina, V.A. *Kul'tura kak razvertyvaniye razumnosti cheloveka* [Tekst] / V.A. Zhilina // *Voprosy kul'turologii*. – 2009. – № 7. – P. 12-16.

3. Zykov, M.B. *Global'nyye tsennosti kak "obshchiy znamenatel'" v kul'turnom dialoge*

[Elektronnyy resurs] / M.B. Zykov, N.R. Sabanina // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. – 2012. – № 6. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/06/15071> (data obrashcheniya: 29.09.2017).

4. Yung, K.G. *Struktura psikhiki i arkhetypy* [Tekst] / K.G. Yung. – Moskva: Akademicheskii projekt, 2015. – 326 p.

*Агафонов Игорь Сергеевич,
Воловин Константин Александрович;
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
химико-технологический факультет,
обучающиеся гр. ОНПП-16-16;
Научный руководитель: Парамонова Светлана Павловна,
доктор философских наук, доцент;
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
E-mail: igor.agafonof@gmail.com
Россия, г. Пермь*

ФАВОРИТИЗМ В СТУДЕНЧЕСКИХ СОВЕТАХ

Аннотация. В статье приоткрыта неизвестная взаимосвязь внутрифакультетских связей и отношений. Неявные стимулы проявляются в работе Студсоветов. Неформальная жизнь факультета поддерживается различными предпочтениями отдельным группам студентов. Отношение к фаворитизму – как к негативному феномену в массовом сознании, вместе с тем как латентный тип связи он присутствует в действиях индивидов. Критикуя латентный фактор фаворитизма в социальном поле образования, вместе с тем каждый хотел бы быть обогретым теплом фаворитизма.

Ключевые слова: мотивы участия в работе Студсовета, фаворитизм, предпочтения, экспектации, смена фоновых ожиданий, истина и фикция.

Введение. Недавно мы вступили в Студенческий совет и заметили, что какие-то из студентов более обласканы властью, а какие-то менее. Также нам был очевиден быстрый карьерный рост некоторых студентов, различные предпочтения в льготах деканата для членов Студсовета. Мы решили выяснить, связано ли это с фаворитизмом или же это действительно заслуженное повышение? Это и было основной задачей пилотажного исследования (прим. 1. Характеристика выборочной совокупности). По выдвинутым нами основным и вспомогательным гипотезам, работа в Студсовете дает социальные навыки организации и самоорганизации, знание способностей и талантов студентов на курсе, в группах. Вероятно, членами Студсовета движет альтруистический мотив активизации и улучшения работы факультета; бескорыстного служения общему делу в учебе. Работа Студсовета разнообразна: Постоянная передача информации в учебные группы о предстоящих тестированиях, массовых мероприятиях – марафоне на мемориал профессора Бартоломея, подготовке участия в художественной самодеятельности для реализации финальных проектов в «Театральной весне»; политбои, конкурсы «Мистер и Мисс» факультета, встречи с руководством Лукойла, с представителем предприятия В. Алекперовым, участие во всероссийских и международных конкурсах по специальности.

Следует заметить, что наша основная гипотеза о бескорыстном коллективном социальном творчестве как форме самореализации личности была опровергнута данными исследования: ответами и членов Студсоветов, и не

участвующими в их работе, что подтвердилось и в дальнейшем опросе преподавателей и заместителей деканов по воспитательной работе. Выявился фон индивидуалистического прагматического интереса и фаворитизма как типа социальных связей, то есть, в какой-то мере – изменение социального фона молодежного сознания, и это даже расходилось с прежними данными исследований на больших массивах [2, с. 26-37].

В ходе социологического исследования выяснилось, что лишь незначительная часть респондентов не знает о существовании Студсовета. Всеобщая информированность обеспечена стендами с фотографиями участников Студсоветов на каждом факультете и обозначением их профиля обязанностей.

Среди всех студентов активно участвуют в жизни факультета половина опрошенных, больше четверти участвующих, готовых откликнуться на мероприятия, к ним присоединяются по ситуации. Менее трети не участвуют в мероприятиях. Вероятнее всего, это та треть студентов из малообеспеченных семей, кто вынужден работать в свободное время.

К студентам, далеким от работы в Студсовете, был обращен вопрос: «Как Вы считаете, есть ли в Вашем Студсовете такое явление, как фаворитизм?» Позиции разделились надвое: половина опрошенных студентов верит, что помыслы и мотивы студсоветовцев чисты, другая половина уверена, что студсоветовцы действуют по латентной логике фаворитизма. О латентных функциях фаворитизма см. в статье С.П. Парамоновой [3, с. 279-289].

Такой же вопрос, обращенный к членам Студсоветов, дал на 7/8 более критически-трезвую оценку наблюдений изнутри (отмечают, что будущие лидеры в фирмах, на предприятиях на 86% проникнуты фаворитизмом, ожиданием одобрений и наград руководства, ожиданием особой выделенности их из массы студентов). Вместе с тем, лишь 14% тех ребят, кто руководствуется высшими моральными принципами, участвуя в работе Студсоветов, не приемлют фаворитизм.

Вместе с тем, нарушение идей равенства, коллективизма, прозрачности отношений, проявилось в том, что фаворитизм как готовое понятие, наследованное нами из общечеловеческой культуры, несущий в себе негативную коннотацию стремления к власти, почестям, популярности, осуждается большинством опрошенных в данном исследовании. Проверилось это косвенным вопросом: «Как влияет фаворитизм на работу Студенческого совета?» Радикалы среди студентов (две трети) сказали – негативно. Те же, кто учитывает «прогибаемость» человеческой натуры (пятая часть) к требованиям социальной жизни факультета, ответили, что относятся к фаворитизму положительно. Малая группка оказалась индифферентной и ответила, что не может судить об этом. И всё же интерес к жизни Студсоветов проявила подавляющая часть студентов-политехников – 84%.

Сам фаворитизм – многосложное явление, охватывающее огромные социальные поля, по Бурдые [1, с. 205-210]. Фавориты фортуны имеют еще и своих фаворитов. Так, избранные председатели Студсоветов выделяют студентов, отвечающих за различные секторы работы. Здесь дифференциация степени фаворитизма проверялась косвенно, вопросом: «Как вы относитесь к «любимцам» председателей Студенческих советов?» Критическая позиция возобладали, и она указывает, скорее, не на преобладание фаворитизма, а на принципиальное негативное отношение к фаворитизму. Негативно оценивают фаворитизм больше половины, положительно (терпимо) и равнодушно по пятой части.

Авторы исследования предложили респондентам проиграть роль лидеров и спросили, допустили ли бы они фаворитизм, если бы сами стали во главе Студсоветов? В общественном сознании это закреплено, как недостойный путь самоутверждения, продвижения, и, казалось бы, должно быть абсолютное отрицание, однако лишь половина ответила «не допустили бы фаворитизм», а 32% допустила бы фаворитизм, вероятно, вкладывая смысл поиска сподвижников, сотоварищей, группу поддержки (сподвижничество – противоположное поведение фаворитизму). Интересным фактом, ориентированным на упорядоченную исполнительскую деятельность и

творчество явилось мнение 17% о том, что они не хотят возглавлять Студсовет.

Почти каждый в детстве проживает пору всеобщего внимания и любви, обогрет тёплым фаворным светом, затем на жизненном этапе взросления человек вступает в отношения состязательности, зависти, отчуждения. Юность и молодость сохраняют еще тепло фаворного света над собой. На вопрос «Как вы думаете, были ли вы фаворитом у кого-либо?» 93,0% ответили, что были любимцами, любимыми, возлюбленными, и лишь 7% не ощущали себя фаворитами судьбы.

Выводы по исследованию: 1. Противостоять фаворитизму можно лишь принимая решения коллективно, а доверие отдельно взятому человеку может обернуться социальной ошибкой и даже бедствием общества и коллектива. Студенты предлагают проводить социологические опросы, которые направлены на выявление данной проблемы.

2. Во всех Студенческих советах ярко выражено явление фаворитизма, что в свою очередь оказывает негативное влияние на работу и сплоченность Студенческого совета. Большинство опрошенных студентов озабочено этой проблемой.

3. Многие из опрошенных предлагают и предлагали решение проблемы фаворитизма – незаконных привилегий, но они не были услышаны председателями своих Студенческих советов.

4. Несмотря на осуждение фаворитизма общественным сознанием, почти каждый опрошенный видел себя в роли фаворита когда-либо и где-либо. Из этого следует, что эта проблема содержит две стороны: подвижничество и фаворитизм. Главное соотносить их меру в коллективе.

Примечание 1

Характеристика выборки. Исследование на тему «Ваше отношение к фаворитизму в Студсовете» проведено 1–15 декабря 2017 г. в Пермском национальном исследовательском политехническом университете (ПНИПУ) на трех факультетах: Химико-технологическом, Электротехническом и Автотехническом, N = 150. Возрастная структура респондентов составила от 17 до 22 лет. Из ответивших 65,0% девушки и 35,0% юноши. Хотя пропорции генеральной совокупности выглядят зеркально противоположным образом, опросу можно доверять, поскольку в составах Студсоветов в основном преобладают девушки, они и их окружающие выявили активный интерес. Вместе с тем мы полагаем, что феминистская выборка повлияла на картину ответов, однако и она оказалась жестко самокритичной. Возрастная структура респондентов составила от 17 до 22 лет. Занятость студентов определилась следующим образом: 70% неработающих и 30% работающих студентов. Опрошенные студенты учатся на 1-4 курсе; 81% респондентов проживают в общежитии,

19% проживают в квартирах. Среди опрошенных 79% холосты (не замужем), 17% состоят в гражданском браке, остальные 4% женились (вышли замуж). Среди респондентов 35% имеют средний достаток, остальные 65% имеют достаток ниже среднего. По национальности 82% опрошенных – русские, 8% – татары, 5% – туркмены, киргизы, 5% отметили другое .

Литература:

1. Бурдьё, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) [Текст] / Пьер Бурдьё. – Москва : Дело РАНХиГС, 2016. – 720 с.

2. Парамонова, С.П. К вопросу об изучении феномена фаворитизма [Текст] / С.П. Парамонова // Социум и власть. – 2017. – № 5 (67). – С. 26-37.

3. Paramonova, S.P. The Study of the Phenomenon of Favoritism Reviseted [Электронныйресурс] / S.P. Paramonova // Sociology and Anthropology. – 2017. – №5(4). – Режимдоступа: <http://www.hrpub.org> DOI: 10.13189/sa.2017.050402 Commons Attribution.

*Agafonov Igor S., Volovin Konstantin A.
Scientific adviser: Paramonova Svetlana P.,
doctor of philosophical sciences, Associate professor
Perm National Research Polytechnic University
E-mail: igor.agafonof@gmail.com
Russia, Пермь*

FAVORITISM IN STUDENT COUNCILS

Abstract. The article uncovers the unknown interrelation between intra-faculty relations and relations. Implicit incentives are manifested in the work of the Student Council. The informal life of the faculty is supported by various preferences for individual groups of students. Attitude to favoritism, as a negative phenomenon in the mass consciousness, at the same time as the latent type of communication is present in the actions of individuals. Criticizing the latent factor of favoritism in the social field of education, at the same time everyone would like to be warmed by the warmth of favoritism.

Keywords: motives for participation in the work of the Student Council; favoritism; preferences; forecasts; change of background expectations; truth and fiction.

References

1. Burd'yo, P. O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1989-1992) [Tekst] / P'yer Burd'ye. – Moskva: Delo RANKhiGS, 2016. – 720 p.

2. Paramonova, S.P. K voprosu ob izuchenii fenomena favoritizma [Tekst] / S.P. Paramonova // Sotsium i vlast'. – 2017. – № 5 (67). – P. 26-37.

3. Paramonova S.P. Izucheniye fenomena favotizma peresmotreno [Elektronnyy resurs] / S.P. Paramonova // Sotsiologiya i antropologiya. – 2017. – №5 (4). – Rezhim dostupa: <http://www.hrpub.org> DOI: 10.13189 / sa.2017.050402 Commons Attribution

UDK 304.2

RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: THE ART OF CREATING

*International meeting of the round table
on the base of State Budget Educational Institution of Higher Education
«P.I. Tchaikovsky South Ural State Institute of Arts»
(28.12.2017 – 29.12.2017)*

Abstract. The round table is devoted to the study of topical issues of our time in the context of cooperation between Russia and foreign countries in the field of education, science, culture and art.

Keywords: education, culture, science, art, man, society, state, value.

ДИСКУССИИ, ПОЛЕМИКА, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

УДК 304.2

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ: ИСКУССТВО СОЗИДАТЬ

*Международное заседание круглого стола
на базе ГБОУ ВО
«Южно-Уральский государственный
институт искусств имени П.И. Чайковского»
(28.12.2017 – 29.12.2017)*

Аннотация. Заседание круглого стола направлено на исследование актуальных вопросов современности в контексте сотрудничества России и зарубежных стран в области образования, науки, культуры и искусства.

Ключевые слова: образование, культура, наука, искусство, человек, общество, государство, ценность, международные отношения.

В заседании круглого стола приняли участие отечественные и зарубежные исследователи.

Ищенко Константин Николаевич, профессор, концертирующий баянист, преподаватель, солист Мюнхенской оперы (Германия, Мюнхен).

Кирпичев Юрий, бывший соотечественник, инженер-радиоэлектроник, литератор, публицист, с 2006 года проживает в США (США, Нью-Йорк; Канада, Монреаль).

Косовска Ева (Ewa Kosowska), доктор гуманитарных наук, профессор; Силезский университет, Институт наук о культуре и междисциплинарных исследований, кафедра теории и истории культуры (Польша, Катовице).

Лезьер Виктория, доктор философии, профессор; Образовательная некоммерческая Ассоциация «Центр культуры и познания», президент Центра (Франция, Бриньоль).

Милицина Ирина Владимировна, кандидат культурологии, доцент Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, преподаватель русского языка и русской литературы (Китай, Гуанчжоу).

Стефанов Орлин, доктор филологии, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского, член Союза Болгарских Ученых; профессор кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» (Болгария, София).

Бабюк Виктор Федорович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт

искусств имени П.И. Чайковского», проректор по художественно-творческой работе (Россия, Челябинск).

Бальнская Наталья Ринатовна, доктор политических наук, профессор; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», директор Института экономики и управления, заведующий кафедрой государственного муниципального управления и управления персоналом (Россия, Магнитогорск).

Бекши Ольга Владиславовна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», директор Центра научно-методической информации и дополнительного профессионального образования (Россия, Челябинск).

Бобрин Александра Александровна, кандидат философских наук; Челябинский филиал «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ответственный секретарь рецензируемого научного журнала «Социум и власть», рекомендованного ВАК (Россия, Челябинск).

Бутова Ирина Алексеевна, кандидат педагогических наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», проректор по учебно-методической работе (Россия, Челябинск).

Бухарина Надежда Ивановна, Заслуженный работник культуры РФ, профессор; ГБОУ ВО

«Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой сольного народного пения (Россия, Челябинск).

Викина Надежда Алексеевна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заместитель декана по научно-методической работе факультета социокультурной деятельности (Россия, Челябинск).

Владимиров Александр Михайлович, член Союза художников России; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Гафурова Василия Минсалиховна, кандидат исторических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом (Россия, Магнитогорск).

Дымова Ирина Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий теоретическим отделением факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Жилина Вера Анатольевна, доктор философских наук; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова», заведующий кафедрой философии (Россия, Магнитогорск).

Загвоздина Любовь Генриховна, ОАНО ВО «Челябинский Многопрофильный Институт», Учредитель, председатель Совета организации (Россия, Челябинск).

Каминская Елена Альбертовна, кандидат педагогических наук, доктор культурологии, доцент; АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников; ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», профессор кафедры оркестрового дирижирования (Россия, Москва).

Козлов Виктор Викторович, Заслуженный артист РФ, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», профессор кафедры народных инструментов (Россия, Челябинск).

Костюк Ольга Николаевна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», декан факультета изобразительного искусства (Россия, Челябинск).

Куштым Евгения Александровна, кандидат философских наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», проректор по научной работе и международному сотрудничеству (Россия, Челябинск).

Лукашевская Валентина Антоновна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший

преподаватель кафедры оркестровых струнных инструментов (Россия, Челябинск).

Мороз Виктор Дмитриевич, профессор, заслуженный артист РФ; ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», профессор кафедры народных инструментов и оркестрового дирижирования (Россия, Челябинск).

Некрасов Станислав Николаевич, доктор философских наук, профессор; ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», профессор кафедры философии (Россия, Екатеринбург).

Пашков Геннадий Петрович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», декан факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Пашков Сергей Геннадьевич, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель кафедры оркестровых народных инструментов, заведующий отделением народных инструментов (Россия, Челябинск).

Питиримов Владимир Николаевич; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры живописи; заведующий отделением Живописи художественного училища ЮУрГИИ (Россия, Челябинск).

Прилукова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», профессор кафедры философии (Россия, Челябинск).

Растворова Наталья Валерьевна, кандидат искусствоведения, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры теории, истории музыки и композиции (Россия, Челябинск).

Рахимова Майя Вильевна, кандидат философских наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин (Россия, Челябинск).

Секретова Лариса Адольфовна, кандидат педагогических наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры теории, истории музыки и композиции (Россия, Челябинск).

Сергеева Наталья Александровна; ОЧУВО «Международный инновационный университет»; факультет гуманитарных наук, управления и сервиса, кафедра управления и гуманитарных дисциплин, старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Серигов Александр Алексеевич; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин (Россия, Челябинск).

Сизова Елена Равильевна, доктор педагогических наук, профессор; ГБОУ ВО «Южно-

Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», ректор (Россия, Челябинск).

Слуева Ольга Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой оркестровых народных инструментов, заведующий отделением народных инструментов (Россия, Челябинск).

Соковиков Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», директор Междисциплинарного центра социальной теории и социокультурных трансформаций (Россия, Челябинск).

Соловьёв Василий Николаевич, Заслуженный художник РФ, член СХ России; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Степанова Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры фортепиано, заместитель главного редактора научно-практического журнала «Искусствознание: теория, история, практика» (Россия, Челябинск).

Телегина Наталья Олеговна, кандидат педагогических наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства; заведующий учебным отделом факультета

музыкального искусства, заведующий аспирантурой (Россия, Челябинск).

Ткаченко Станислав Олегович; ОГБУК «Челябинский государственный музей-изобразительных искусств», директор (Россия, Челябинск).

Чернов Дмитрий Алексеевич; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры оркестровых народных инструментов факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Чуров Александр Степанович, доктор философских наук, профессор; ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии (Россия, Амурская область, Благовещенск).

Шамгунов Александр Николаевич, кандидат медицинских наук, доцент; ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России, старший преподаватель кафедры патологической физиологии (Россия, Челябинск).

Яновский Олег Павлович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Ведущий заседания – Е.А. Куштым.

DEBATE, CONTROVERSY, ROUND TABLES

UDK 304.2

RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: THE ART OF CREATING

*International meeting of the round table
on the base of State Budget Educational Institution of Higher Education
«P.I. Tchaikovsky South Ural State Institute of Arts»
(28.12.2017 – 29.12.2017)*

Abstract. The round table is devoted to the study of topical issues of our time in the context of cooperation between Russia and foreign countries in the field of education, science, culture and art.

Keywords: education, culture, science, art, man, society, state, value.

Е.А. Куштым: Уважаемые коллеги, тема «Россия и зарубежные страны: искусство созидать» появилась не случайно. Обострение конфликтных ситуаций, происходящих в настоящее время повсеместно во всем мире, приводит к дегуманизации духовной сферы. Необходимость дружественных и взаимовыгодных партнерских отношений между субъектами Российской Федерации и зарубежных стран приобретает все более масштабный характер. Разрешите начать заседание круглого стола с обращения Ивана Александровича Ильина – видного русского мыслителя, профессора Московского университета, который был выслан в 1922 г. из

России, долгое время работал в Религиозной философской академии в Берлине. Обращение И.А. Ильина не потеряло своей содержательной актуальности до настоящего времени: «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле – продолжается. И ныне нам более чем когда-нибудь подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее от ее лица и для будущих поколений ее творческую идею».

В.А. Лезьер: Разрешите дополнить: современная Россия в настоящее время переживает мировоззренческий и научный хаос, представляющий собой значительные опасности для культурного развития общества, для сохранения его духовного потенциала. Чрезвычайно важно сформировать в общественном сознании такие знания, идеи о прошлом, настоящем и будущем России, которые могли бы способствовать становлению личностного и общественного мировоззрения, соединяющего научность, историческую достоверность и значительный потенциал духовности. С этих позиций, безусловно, актуально обращение к культурному наследию русской эмиграции, деятельность которой во многом была посвящена России, сохранению архивных источников. Русские эмигранты явились оплотом духовных сил нации, противостоящих террору, разрушению, разгулу произвола и насилия.

Е.А. Куштым: Виктория Александровна, в Ваших научных трудах речь идет о книгах «Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции» и «Идеи монархизма и деятельность монархических организаций в годы эмиграции во Франции», Вы заостряете свое внимание на проблеме, которая заключается в том, что знания о жизни и деятельности русской военной эмиграции, сохраненные в личных архивах эмигрантов за рубежом, в частности во Франции, крайне недостаточно освещены в современных гуманитарных науках, ограниченно включены в корпус исторических трудов о прошлом России...

В.В. Лезьер: Да, так и есть. Поэтому в целях обогащения наследия современной российской культуры, оживления непреходящей ценности образа России в общественном сознании необходимо исследовать содержание архивов, в которых сохранены документы, фотографии, воспоминания и письма военных эмигрантов, особенности их творчества, связанного с событиями эмиграции и ностальгии по Родине.

Н.А. Сергеева: История России, её прошлое – это биография людей, жизненный опыт многих поколений. Сегодня он воплощается в ценностных ориентациях, жизненных позициях людей, самосознании. Именно самосознание определяет круг потребностей, чувств, настроений людей.

Е.А. Каминская: Уважаемые коллеги! Хотелось бы уточнить. На мой взгляд, говорить о ситуации мировоззренческого и научного хаоса несколько категорично. Действительно, происходит смена мировоззренческих установок. Однако она продолжается достаточно длительный период времени и стадию «хаоса» уже прошла. Более точно следовало бы сказать о ситуации «переходного состояния», в которой можно проследить явные логические конструкты, достаточно симптоматичные. Общепризнано, что в таких ситуациях актуализируется мифологическое осмысление действительности и, как следствие, мировоззренческие установки тяготеют к мифологически и традиционалистски окрашенным образам и символам. Поэтому и формирование в

общественном сознании знаний об истории страны, которые, как верно сказала В.А. Лезьер, «могло бы способствовать становлению личностного и общественного мировоззрения». С этих позиций обращение не к культурному наследию русской эмиграции, а, скорее, к собственным корневым основаниям, видится более существенным. Таким основанием, несомненно, могла бы стать фольклорная культура, ядром которой выступает традиционный фольклор. Тем более, что в фольклоре разных народов обнаруживаются общие смыслы, ценности, образы. Таким образом, фольклор может выступить как созидательно-интегрирующая сила между Россией и зарубежными странами.

Е.Г. Прилукова: Совершенно справедливо, Елена Альбертовна! Именно обращение к собственным корням наиболее важно для несколько затянувшегося переходного настоящего, потому что довольно часто мы не замечаем своего собственного, а тянемся к чужому, российская история дала тому немало примеров. Наряду с фольклорной культурой в качестве духовного основания, на мой взгляд, следует назвать язык народа и государства, который и позволяет им явить себя миру. Он в значительной степени и позволяет репрезентировать Россию. При этом речь следует вести не столько о собственно языке в его традиционном понимании, но и о языке образов электронных средств коммуникации, олицетворяющих эпоху общества тотального господства цифровых технологий, создающих и задающих ценностные ориентиры развития современного мира.

С.Г. Пашков: Вспоминая мысль профессора МГК им. П.И. Чайковского Г.Г. Нейгауза о ненужности ста тысяч лауреатов и необходимости ста тысяч грамотных и образованных слушателей, возникает потребность в более щедром государственном инвестировании денежных средств в культуру и искусство. Необходимо в большей мере обратить внимание в системе образования на развитие уважения и любви к этническим корням, фольклорным традициям. Я считаю, что необходимо не только внести, но и на регулярной основе реализовывать образовательные программы общеобразовательных и музыкальных школ, направленные на развитие детей, с использованием многовекового народного наследия. Также, на мой взгляд, в более углубленной форме необходимо уделять внимание значимости для подрастающего поколения народного достояния. Благодаря углубленному изучению молодым поколением фольклорных традиций, воспитанию у них патриотических чувств, мы получим дивиденды в виде духовного здоровья нации, тем самым повысим духовный суверенитет граждан Российской Федерации.

Л.Г. Загвоздина: Спасибо, Сергей Геннадьевич, за поставленный акцент на традициях с целью воспитания нового поколения. Разрешите задать вопрос Николаю Прокофьевичу: «Сфера Ваших интересов – традиции. Какие традиции Вашего учебного заведения наиболее значимы?».

Н.П. Ищенко: Как в России строили храмы, которые стояли на возвышении, как употреблялось выражение «намоленный храм», так в Челябинское музыкальное училище в бытность в 60-70-е годы, а сегодня – в нынешний ЮУрГИИ имени П.И. Чайковского, который является храмом культуры, существуют намоленные пути, и по каким-то неведомым нам тропинкам люди собираются в наш концертный зал, который практически никогда не бывает пустым. Его заполняет небольшая горстка истинных почитателей классической музыки. Автор данных строк ни в коем случае не имеет в виду, что истинные почитатели – это какая-то элита, но их обычно меньше. Потому что не многие с детства могли выдержать папу, маму, бабушку, дедушку, которые заставляли их заниматься на скрипке, фортепиано, балалайке. Но те, кто выдержали такое «счастливое детство», до сих пор считают себя и являются счастливыми людьми, ибо их тянет неукротимое желание приобщиться к истинному искусству; несмотря на все тяготы и лишения, которые несёт наша жизнь, им хочется потратить часы отдыха на восприятие музыки. И не всякий концертный зал может это обеспечить. А если подумать, откуда же не в самом лучшем с точки зрения акустики зале такое постоянное паломничество слушателей, то невольно возникают ассоциации, что не столь давно по этим коридорам ходили (и, к счастью, многие из них ходят), в этих классах работали (и работают) легендарные личности: Б.М. Белицкий, имя которого носит Большой концертный зал, В.В. Михальченко, Э.В. Михальченко, В.М. Македон, Н.Н. Сидоров, Р.Г. Гитлин, М.Д. Смирнов, А.З. Рахмилевич, А.О. Миневич, К.С. Таврин, Г.К. Гаврилов, М.А. Садовская, В.Ф. Крылов, К.С. Петров, С.Г. Цхэ, Н.М. Липай, Е.И. Можеевский, Б.С. Гельфер... И не хватит «чернил» написать фамилии поистине выдающихся людей, которые творили и работали в этом учебном заведении. И, конечно же, у них есть продолжатели их традиций сейчас! Достаточно упомянуть нашего выпускника, затем педагога, и нынешнего бессменного директора симфонического оркестра оперного театра В.А. Михеля, который является наряду с Ю.Д. Фишером основоположником игры на ударных инструментах. Выпускники В.А. Михеля успешно работают в ведущих оркестрах России и зарубежных стран. Именно поэтому наше учебное заведение, на мой взгляд, является одним из ведущих учебных заведений во всех ипостасях.

Е.Б.Ищенко: Участвуя в дискуссии, я не то чтобы неожиданно, но с большим удовольствием еще раз услышала упоминание Николаем Прокофьевичем о традициях, живущих в стенах нашего учебного заведения, заложенных выдающимися музыкантами. Хочется добавить к этому ряду музыкантов-исполнителей представителей историко-теоретического направления, среди которых – выдающиеся музыковеды. Из тех основоположников, кого особенно хочется назвать – Т.М. Белицкая, Ю.С. Звоницкая, А.А. Волгуснов... Их традиции продолжены И.Г. Дымовой, Н.П. Наумовой, Л.А. Ивановой, Д.Г. Мусатовой, представителями

следующих поколений. Особо хочется сказать о счастливой возможности общения с В.А. Вольфовичем. И я как ученица Белицкой, Дымовой, Волгуснова, Мусатовой, Кривошей ещё со студенческой скамьи начала понимать, что эти традиции должен кто-то описывать, осмысливать: Е. Быков играет на балалайке, Н. Рыбакова, О. Яновский – на фортепиано, А. Смирнов – на виолончели, О. Чернова – на скрипке, В. Лебедев, А. Бакланов, И. Ежов, А. Гейнеман дирижируют оркестрами, В. Козлов проводит фестиваль «Гитара в России», А. Кривошей – конкурс композиторов; несравненный А. Абдурахманов дирижирует симфоническим оркестром, а нам, теоретикам, приходится осмысливать всё происходящее, подводить итоги. И не хотелось бы ошибиться, но на мой взгляд, абсолютно всё, что происходит в нашем музыкальном цехе, не может не вызывать восхищение и уважение.

Е.А. Куштым: Константин Николаевич, будучи выпускником учебного заведения творческой направленности, Вы сумели впитать в себя традиции уральской, Санкт-Петербургской, московской, западно-европейской школ в лице своих преподавателей: Ф.Р. Липса, А.И. Дмитриева, Т. Анжелотти и, разумеется, Николая и Натальи Ищенко. Какие мысли посещают Вас на предмет традиций нашего учебного заведения? Чем Кёльнская высшая школа и её отделение во Фрейбурге или стены РАМ им. Гнесиных, или консерватория в Санкт-Петербурге отличаются от Ваших родных стен Челябинского музыкального училища, ныне ЮУрГИИ имени П.И. Чайковского?

К.Н. Ищенко: Понимая, что у нас идёт общение в режиме онлайн и слушая размышления моего отца и педагога, сам невольно начинаешь размышлять. Я, волею судьбы, как и ряд моих сверстников, коллег живу и работаю за пределами России. И анализируя состояние музыкальной культуры России и стран Западной Европы, рассуждая, каким же образом музыкальные традиции в общем-то не музыкального, а скорее, промышленного центра, могут проникнуть и повлиять на музыкальные традиции Германии, Австрии, Франции, Италии, с удовлетворением могу утверждать, что музыкальной культуре Германии хорошо знакомы М. Смирнов, В. Веккер, Н. Малыгин, Уральский дуэт Наталья и Николай Ищенко, Уральское трио (И. Шепельский, Н. Худяков, А. Хижняк) и Виктор Романько, которые известны и любимы в Европе; и признавать себя частью, а может быть, смею надеяться, продолжателем традиций. Имея школу Челябинского музыкального училища, я без труда воспринял традиции российских столиц и Западной Европы.

Н.О. Телегина: Музыканты-педагоги признают, что воспитание профессиональных исполнителей на струнных, духовых или народных инструментах, вокалистов, музыковедов, композиторов и дирижёров трудно представить без приобщения к «культуре фортепиано» – без фортепиано художественный кругозор музыкантов значительно сужается, а знакомство с образцами мировой музыкальной культуры затруднено. Это всегда подчеркивали

выдающиеся отечественные и зарубежные музыканты. Так, величайший русский композитор Н.А. Римский-Корсаков указывал на первостепенную значимость курса игры на фортепиано на всех этапах обучения. Он считал, что «в основе обучения музыке лежит овладение исполнительскими навыками, такими, как пение или игра на инструменте (особенно на фортепиано). Именно они создают наиболее благоприятные условия для развития музыкальных данных и музыкальной культуры».

И.А. Бутова: Уважаемые коллеги, образ России, как и образ любой зарубежной страны, связан с ценностными приоритетами и созданием моделей будущего в сознании целого поколения людей...

Н.И. Бухарина: Традиционный фольклор издревле формировал сознание и внутреннюю культуру русского человека. Образ России будущего должен опираться на народное сознание, нашедшее свое отражение в традиционном фольклоре...

Н.В. Степанова: Совершенно с Вами согласна, Ирина Алексеевна и Надежда Ивановна. Полагаю, что интерпретация образа России оказывается не менее важной, так как это способствует осмыслению актуальных проблем человека и общества современной России. Здесь важна культура высказывания, культура текстового оформления слова...

Е.А. Куштым: Спасибо, Наталья Викторовна. Вы подошли к актуальной проблеме современности, которая вызвана в определенной мере ложным пониманием свободы слова. Нередко реальные достижения, вершины культурной и научной мысли прячутся в тени уничтожающей человеческий дух лавины псевдонаучных текстов и низкопробного, далекого от художественного творчества продукта, в погоне за повышением индекса цитируемости увеличивается количество изданий сомнительного качества. Пространство сети «Интернет» оказывается пространством «всего подряд» – полезных и совершенно бесполезных сведений. Между тем, информация должна способствовать приращению качественной составляющей жизни человека, общества, государства. В этом видится одна из актуальных задач современности.

Е.Г. Прилукова: Вы абсолютно правы, Евгения Александровна! Информация должна служить личности и обществу, гражданину и Отечеству. Поэтому важно научиться рационально-критически работать с информацией.

Н.В. Степанова: Роль искусства в формировании культурных ценностей и художественно-эстетического сознания человека, на наш взгляд, сегодня весьма проблематична. Массовое музыкальное искусство на сегодняшний день имеет гораздо больше сторонников, нежели классическое. Возможно, в нем нет ничего плохого, кроме того, что оно суррогатно по своей природе, следовательно, не несет этических ценностей. По большей части – это низкопробная, антиэстетическая «продукция от музыки». Настоящее искусство всегда подлинно, а потому этично. Эстетические ценности – ценности культуры – универсальны. Единственный критерий искусства – это его подлинность. Искусство – это тот

универсальный язык, который понятен всем. Как раз адекватный образ России складывается исключительно в контексте достижений культуры и искусства. Именно поэтому необходимо активно использовать их ресурсы.

А.М. Владимиров: Возможно, это естественный процесс переустройства мира, который не может не отреагировать на технический прогресс. Нам нужно не только научиться жить в этом изменённом мире не выстраивая стены вокруг себя, но и взаимодействовать с ним, пытаясь влиять на него посредством воспитания молодого подрастающего поколения, привития положительных, позитивных тенденций, моральных и этических норм.

О.Н. Костюк: Согласна с Вами полностью. Срез изобразительного искусства, который представлен в сети Интернет, отражает эпоху современного мира во всех его проявлениях. Это и хорошо, и плохо. В изучении изобразительного искусства есть термин «насмотренность». Если насмотренность основывается на признанных шедеврах изобразительного искусства, классических образцах, прошедших отбор временем, то зритель интуитивно начинает чувствовать несовершенство и учится выносить суждения, основанные на действующих законах композиции.

А.М. Владимиров: В данном контексте интересно проследить взаимодействие и взаимное влияние изобразительного искусства различных стран и даже континентов. Информационная доступность способствует интеграции мелких этнических и национальных групп в мировое изобразительное искусство, синтезу новых форм, технологий, не характерных для сложившихся в регионах.

О.Н. Костюк: Раньше художники путешествовали для того, чтобы увидеть новые тенденции в изобразительном искусстве, научиться чему-то новому, сейчас достаточно посетить виртуальный музей. Однако, чтобы по-настоящему понять – нужно погрузиться полностью в среду. Ведь именно там были созданы необходимые условия для формирования определённого направления или стиля. Что такое «солнце Италии», «высокое небо над Южным крестом», «бескрайние просторы тундры»? Художник не может творить без впечатлений, которые он впитывает от окружающего мира, от людей, которые рядом, от того духа, который и создаёт атмосферу конкретного места. Именно это делает особенно ценным индивидуальное и характерное для традиционных ремёсел, для национальных школ изобразительного искусства. Сохраняя традиции, переосмысливая богатый опыт предыдущих поколений, привнося в творчество новые веяния, мы формируем современное искусство, и этот процесс никогда не останавливается. Жизнь состоит из мгновений вечности. Становится очень важным то, чем мы делимся друг с другом.

В.Н. Питиримов: В этой связи хочется отметить, что культурные проекты, призванные для обмена творческим опытом – очень востребованы...

О.Н. Костюк: Современные технологии позволяют сделать доступнее информационные связи, но не заменяют живого непосредственного общения.

Е.Г. Прилукова: Важно научиться с ними работать – они должны служить человеку, а не человек им – они всего лишь инструмент в его руках.

О.В. Бекиш: Действительно, если рассматривать академическое художественное образование как передачу традиции от мастера к ученику, роль наставника здесь трудно переоценить. Сейчас большинство вузов переходит на дистанционное образование. С одной стороны, новые технологии делают образование доступнее. Но привлекательность онлайн-обучения имеет и обратную сторону – зачастую из процесса исключается основополагающее для нашей сферы взаимодействие ученик–учитель. Поэтому ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского прилагает немало усилий, чтобы наши обучающиеся имели возможность непосредственного общения с интересными российскими и иностранными специалистами. Для организации визитов последних Институт выстраивает партнерские отношения с различными правительственными и общественными структурами. Несмотря на то, что в последние годы эта работа осложняется политической ситуацией, в результате нам удается обеспечить роскошь живого общения с наставниками не только из ближнего, но и самого дальнего зарубежья. Здесь можно вспомнить недавно состоявшийся проект «Современный вокал и танец в стиле Бродвейского мюзикла» с привлечением не просто специалистов, а «носителей традиции» из столичных городов США. В свою очередь преподаватели нашего Института также выезжают в другие страны с целью передачи опыта. В частности, у нас давняя история сотрудничества с учреждениями сферы искусства Республики Казахстан. На протяжении многих лет мы выезжали к ним с образовательными программами, а в марте 2018 года планируется проведение совместной научно-практической конференции. Такие контакты, помимо взаимного профессионального обогащения, способствуют деполитизации межкультурного диалога.

С.С. Соковиков: Уважаемые коллеги, я бы хотел привлечь ваше внимание к двум аспектам: ассоциативности в образном взаимопредставлении культур и готовности воспринимать представления о своей культуре в глазах людей другой культуры. Воспитание ассоциативного мышления – вообще чрезвычайно актуальная проблема, а в ситуации межкультурных отношений ее значение трудно переоценить. Я имею в виду формирование образа иной культуры не в схематичном ее представлении и не через этностереотипы, хотя и это тоже неизбежно. Речь о способности создавать такое представление как многомерное и даже в чем-то противоречивое, но богатое по содержанию, в котором исторические, этнографические, художественные и иные аспекты слагались бы в живой, динамичный и чувственно переживаемый образ. Тогда любые «энциклопедические» или статистические данные служили бы обогащению этого образа, а не превалировали. Не менее важно и другое. Нередко люди оказываются не готовыми к тому, что представители другой культуры обнаруживают отношение, резко контрастирующее с

автостереотипами, присущими по определению любым общностям. Пример тому – долго бытовавший стереотип о «братьях-болгарах». В свое время, еще советское, мне довелось общаться с болгарами в разных ситуациях, и я довольно быстро убедился, что реальное отношение болгар к россиянам существенно более сложное, чем тогда декларировалось. Причем особо интересным было то, что болгары по-разному относились к представителям этносов Советского Союза, а не к «советским людям» как чему-то реально существующему. Собственно, мне представляется, что оба отмеченных аспекта – две стороны одной проблемы, а именно – культуры образного, ассоциативного мышления, позволяющей создать объективный, но яркий образ иной культуры.

Е.А. Каминская: Сергей Степанович, чье, по Вашему мнению, это дело – воспитание такой культуры? Это личная забота каждого? Или такую функцию должны выполнять социальные институты? Пока мне, например, это сложно представить.

С.С. Соковиков: Боюсь, что не смогу ответить на Ваш вопрос односложно. Скорее, это можно видеть как сочетание двух социокультурных технологий: деятельности институтов воспитания и образования, направляющих, стимулирующих и ориентирующих личность, но и активная самостоятельная работа личности, понимающей важность подобных межкультурных отношений и плодотворность такого видения других культур.

Е.А. Куштым: Могу согласиться с Вами, Сергей Степанович, что должно быть сочетание, по меньшей мере, двух социокультурных технологий, тем более, когда речь идет не просто об ассоциативном мышлении человека, а именно о культуре ассоциативного мышления, способствующей созданию некой целостности в виде гармонии, с одной стороны, объективно существующего образа иной культуры, с другой – яркого образа иной культуры, субъективно созданного на основе внутренних духовных резервов человека посредством актуализации творческого потенциала в его диалоге с миром. Посредством актуализации способности придавать своим ощущениям, чувствам, представлениям форму, человек создает благодатную почву для расширения пространства своего культурного бытия в качестве субъекта духовного творчества.

Н.А. Викина: Уважаемые коллеги! Искусство созидать – это столь широкая тема, что трудно её ограничить только рамками культуры и искусства. Мне думается, что созидательная деятельность касается, в первую очередь, педагогической деятельности, системы образования, особенно такого его направления, как инклюзивное образование инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья. Цель современной образовательной организации – помочь каждому обучающемуся (и с проблемами развития, и среднему, и талантливому) в достижении успеха, не допустить его исключения из жизни общества.

Г.П. Пашков: Полностью поддерживаю Надежду Алексеевну. Справедливость имеет множество смысловых оттенков. Вопрос к Евгении

Александровне: «Духовность человека – это критерий его целостности? Чем определяется уровень духовности?».

Е.А. Куштым: Да, Вы правильно меня понимаете, Геннадий Петрович. Вне духовности нет целостности человека. Уровень духовности определяется полнотой мышления (гармонизацией мышления образного и понятийного), пониманием значимости общекультурных ценностей, которые, собственно, определяют смысловую наполненность жизни любого человека, общества, государства или смысловую наполненность отношений людей, обществ, государств... Реальность духовности человека видится нам в непрекращающемся процессе существования человека в качестве творческой личности. Это сродни музыке, которая реальна лишь тогда, когда она звучит и воспринимается в гармоничном сочетании звуковысотных отношений – ладов. В общекультурном смысле назовем это ценностью социальных отношений. Очень важно, чтобы ум человека был настроен на предмет раздумий. Именно через пробуждение сокровенных глубин сознания возникают образы и глубокие мысли. Для этого человеку необходимо прежде привести в движение внутреннюю логику, активизировать диалог с самим собой как некой целостностью. Иначе говоря, человек объективно должен стать субъектом отношений. Подчеркиваю, что обретение целостности возможно только через диалог. Сохранение целостности человека, общества, государства оказывается условием сохранения целостности мира. Устремленность человека, общества, государства как таковых к гармоническим отношениям посредством диалога и выстраивание посредством творчества таких отношений – одна из актуальных задач современности. «Абсолютное движение становления» – известная формула К. Маркса очень точно выражает процессуальность мыслительной и практической деятельности человека, осуществляющейся в мире переживаний, потрясений, поисков смысловых измерений действительности. Быть «симфонической личностью» – значит, постоянно выходить за свои собственные пределы, оставаться собой и в то же время быть больше себя. Это неотъемлемое качество человека любой культуры и любой эпохи.

М.В. Рахимова: Есть определенное предчувствие, что для человека России неумолимо наступает время пробуждения Духа: время примирения полярных гражданских позиций, время обретения объемных границ национальной и культурной идентичности, время артикуляции ключевых экзистенциальных вопросов самим себе и стране. Это время потребует жертв, неизбежных при любом прозрении, но это будут священные и светоносные жертвы. Сначала – потребительский мирок современного человека России столкнется с испытанием лишения его привычной иллюзии комфорта и экзистенциально – незаметного скольжения его отдельной, личной повседневности в общем аквариуме вещизма; потом – человек России неизбежно окажется перед духовным выбором, который вызовет в нем протест и малодушие. Следом за этими внутренними процессами прозрения Духа,

человек России нащупает свою собственную духовную нищету, прежде тщательно прикрываемую имитацией культурной целостности, образованности и духовности. И снова себе не понравится. Наконец, человек России окажется перед бездной предательства истории и памяти своей страны, и, поскольку вырос в недрах либеральных ценностей, то у него не хватит сил сопротивляться внутренней трусости. После пережитого падения в бездну нищего мира глобального потребительства человек России неожиданно для себя реанимирует в себе глубинные коды коллективного бессознательного страны. Все достижения предшествующих поколений, помноженные на осознанную им ярость от своей трусости и малодушия, дадут долгожданный эффект сопротивления забвению конформизма и псевдоценностного мирка комфорта. Человеку России станет мало только «иметь», он глубинно вспомнит, что такое «быть». С этого благодарного момента и начнется процесс выздоровления человека России и самой страны. Нет правых и виноватых теперь для него, но есть гордость за весь трудный и целостный путь страны и народов России. Нет только личного или только общественного начала для него, но есть понимание общности и потребность в единении. Нет больше угодничества перед западом, но есть желание познать свою Родину и себя – как часть этого синергетического организма. Есть определенное предчувствие, что для России неумолимо наступает время пробуждения Духа.

Н.В. Степанова: Майя Вильевна, Вы очень ярко «нарисовали» образ России. Понятие «образ страны» многозначно по своей сути, поэтому количество компонентов, вписывающихся в это понятие, обширно. Можно выделить основополагающие компоненты, такие, как: форма государственного устройства, его внешняя и внутренняя политика, национальные интересы, пространственно-географическая и культурно-историческая принадлежность, традиции, обычаи и т. д. Более того, все эти компоненты взаимосвязаны и взаимозависимы. Их содержательное наполнение и формирует целостную картину, воссоздавая своего рода «портрет» страны. Характер представлений о стране далеко не всегда объективен. Это обусловлено тем, что в едином социокультурном пространстве сосуществуют взгляды, позиции, ценности не только не связанные, но во многом взаимоисключающие друг друга.

Е.Г. Прилукова: Действительно, представления о стране не всегда объективны еще и потому, что существуют различные субъекты культуры, расставляющие те или иные акценты в репрезентации этого образа. Многие сегодня – от М. Маклюэна до М. Кастельса – называют в качестве такого субъекта современные масс-медиа. Однако это далеко не так – за ними стоят конкретные люди со своими собственными ценностными ориентирами и установками, выполняющие социальный заказ.

С.С. Соковиков: Я бы хотел поддержать Наталью Викторовну в том, что в российском, как и в любом другом современном обществе, неизбежно весьма противоречивое и чреватое острыми

коллизиями сосуществование групп, слоев, общностей как носителей не только различных, но именно категорически противоположных взглядов и убеждений. Современная ситуация в России как раз и демонстрирует некоторое «воспаленное» состояние подобного противостояния, причем градус его, на мой взгляд, только повышается. В ситуации конфликта мировоззрений втягиваются даже те слои, которые ранее привычно оставались в стороне, а современные коммуникационные технологии этому только способствуют. В этом смысле очень хотелось бы, чтобы ситуация развивалась по сценарию, который так выразительно представила Майя Вильевна. Вот только сложно представить, в каких конкретно формах и социокультурных персоналиях проявит себя «Человек России». Мне, например, хотелось бы это увидеть более предметно, операционально, но пока это, на мой взгляд, еще не отрефлексировано нашей гуманитарной мыслью с нужной степенью отчетливости.

С.Н. Некрасов: Уважаемые коллеги! Неиндустриальный вектор развития социума, на который нацелена русская ментальность, сам исторический путь нашей Родины позволяют по-новому и вместе с тем в целом – традиционно, поставить вопрос о неоиндустриализме как национальной идее нового тысячелетия, магистральном пути общества в базисе, созидающем новую экономику – экономику безопасности всего народа. Такая экономика и ее культура гарантируют сохранение суверенитета – государственной и культурной независимости народа, сбережение созданного русским народом в содружестве с другими народами Евразии единого, великого, тысячелетнего государства-нации. Именно поэтому нашей национальной идеей может и должен стать неоиндустриализм как развитие производства тонких технологий, формирование экономики знания как экономики безопасности и народосбережения. В сущности, речь идет о начале движения великой страны от обеспечиваемой из последних народных сил безопасности стратегических объектов и технологий старой индустриальной экономики «второй волны» к неэкономике безопасности – экономике неоиндустриализма, гарантирующей государственное и территориальное единство России, ее лидирующее положение в мировом историческом процессе. В этом процессе завершается предыстория человечества и начинается подлинная его история. Движение к неоиндустриализму идет через постиндустриальную стадию развития. Эта стадия выглядит как элемент формирования глобального сверхобщества. Поскольку социалистическое сверхобщество погибло в ходе холодной войны, речь идет о развитии в рамках западного глобального сверхобщества «глобального человеиника», по выражению А.А. Зиновьева. Такое развитие идет в условиях продолжающейся скрытой конкуренции двух цивилизационных типов – антропогенного и техногенного. А.С. Панарин пишет, что в наступлении западной цивилизации и формировании глобального сверхобщества постиндустриализма что-то сломалось: «Караул устал!». Принцип реальности

берет верх над принципом довольствования видимостями. Началась первая поляризация людей в рамках самой потребительской формации. Одни – «слабые» – по-прежнему готовы довольствоваться видимостями манипуляторского дизайнера и просят: дайте нам новую иллюзию, в новой упаковке и послатке прежней. И в России что-то изменилось на рубеже тысячелетий. Все сказанное означает, что планета, ее большая часть, переходит вслед за Россией на путь суверенного неоиндустриального развития и обеспечивает антропогенную линию формирования объединенного человечества. Россия будущего и объединенная интересами развития планета формируются в противостоянии техногенной цивилизации западного глобального сверхобщества.

Л.А. Секретова: В продолжение я хотела бы поднять животрепещущий вопрос о самоидентификации России. Ведь на самом деле идентификация России в последние годы осуществлялась на ценностях, чуждых русской культуре и русскому человеку. Заглядывая в будущее можно сказать, что одной из главных задач на нынешнем этапе является духовное единение народа, или его консолидация. Как нам вернуть утраченную идентичность? Ответ видится, прежде всего, в обращении к вечным духовным ценностям и воспитании патриотизма. Общеизвестно, что суть духовного кризиса, охватившего современную Россию, и состоит в утрате надындивидуальных ценностей, когда Родина стала восприниматься не как духовная реальность, где ты родился, а как место, где «хорошо» или «плохо» живет. На мой взгляд, культурная идентификация российского общества должна связываться в первую очередь с обращением к русской культуре (музыке, живописи, литературе) ...

А.А. Бобрик: Разрешите продолжить, Лариса Адольфовна. Проблема идентичности – идет ли речь о личности, народе или стране – многоаспектна и сложна. Мы можем говорить об исторической, национальной, культурной, религиозной идентичности – это все грани одного и того же вопроса. Потеря ценностной стратегии в развитии страны в определенной мере связана с разрушением себестождественности коллективного «Мы». Образ «Мы» потерять нельзя, иначе – с чем тогда соизмерять человеку свой выбор в наиболее важных вопросах жизни. Более того, вне идентичности человек или общество, государство становятся расколотыми и несчастными. Россия в XXI веке выбирает свой путь, а это предполагает...

В.М. Гафурова: Говоря об идентичности, необходимо отметить, что на современное состояние общества очень большое влияние оказывает процесс глобализации и, к сожалению, самым слабозащищенным элементом в сценарии глобального проекта оказалась культура. В рамках глобализации увеличивающаяся прозрачность государственных границ компенсируется увеличением плотности культурных границ, которые «смещаются в пространство идентичности». Внедрение интернационализированной массовой культуры глобальными СМИ разрушительно влияет на население, снижает «национальный иммунитет» и

ведет к духовно-нравственной деградации этносов. Стремление этносов самосохраниться запускает механизм сохранения культурно-этнической идентичности, именно она и является «конечной идентификацией», и это стремление часто приводит к многочисленным этническим конфликтам. Наиболее подверженными этим конфликтам являются полиэтнические государства, в том числе и Россия, для которых проблемы межэтнического взаимодействия – это один из базовых компонентов развития государства и не всегда эти контакты являются толерантными.

Н.Р. Балынская: Уважаемые коллеги, продолжая разговор об этнических конфликтах, мы отмечаем, что одной из форм таких конфликтов является *конфликт культурных стандартов*. Причиной их возникновения, как правило, являются конфликты между местным населением и мигрантами. Наиболее ярко выражен такой конфликт, когда этнический состав местного населения (принимающей стороны) не соответствует этническому составу мигрантов. Мигранты, оказавшись в непривычной для себя культурно-языковой среде, привносят в нее разнообразие сформировавшихся в иных условиях норм, традиций, ценностей, тем самым вызывая раздражение, непонимание и неприятие со стороны местного населения. Между местным населением и «пришлыми» возникает ситуация нетерпимости. Мигранты, оказавшись в ситуации нетерпимости и социальной изоляции, пытаются сохранить свою культурно-национальную идентичность, чем еще более усиливают ситуацию напряженности. Мигранты, которым необходимо адаптироваться в данных условиях, ищут и выбирают различные стратегии адаптации, чаще всего с ориентацией на «своих среди чужих», объединяются для «выживания», и эти объединения превращаются в объекты негативных социальных установок, тем самым продолжается эскалация конфликта. А среди принимающего населения возникает новое для российской действительности явление – мигрантофобия.

Е.Г. Прилукова: Более того, уважаемые коллеги, эта новая фобия активно «вторгается» в общественное сознание благодаря всевозможным информационно насыщенным и зрелищным сюжетам современной кинопродукции в форме детективных телесериалов.

В.М. Гафурова: Анализируя различные формы этнических конфликтов в современной России необходимо также сказать о тенденциях в их развитии. Речь идет о качественных и количественных характеристиках конфликтов. Самая опасная из всех тенденций – постоянное расширение территории их распространения. Сегодня такие конфликты происходят не только в регионах их традиционного распространения, но и в регионах, которые долгое время считались «беспроблемными» в этом отношении – это ряд субъектов Сибири, Дальнего Востока, Поволжья и Урала, что вызывает обеспокоенность не только у властей, но и местных жителей и заставляет искать альтернативные способы разрешения таких конфликтов.

С.С. Сокоиков: Мне представляется, что Россия уже в который раз сталкивается с проблемой категорической нехватки *социокультурных технологов*, профессиональных, креативно мыслящих, владеющих не просто современными, но острейшими коллизиями, в число которых, несомненно, входит и конфликтное состояние российской этнокультурной сферы. А вот кто, где, в каких институциях может и, подчеркну, должен готовить таких технологов – вопрос, который следует задать субъектам культурной политики, причем адресно, и системе образования, которая эту задачу сегодня не выполняет. Боюсь, что не решив эту проблему сегодня, Россия завтра может испытать кризис, способный стать необратимым.

С.О. Ткаченко: Хочется отметить тенденцию, свойственную русскому искусству, и, вероятно, российскому обществу в целом. Поиск исконно русского, особенного, пути развития страны, реализация различных геополитических и социально-экономических стратегий не раз приводили в XX веке к отрыву России от тела мировой культуры, к социокультурной дезинтеграции и значимым «провалам» в эволюции художественной культуры. В качестве примера можно вспомнить прерванный трагическими событиями 1917-1922 годов взлет русского искусства Серебряного века. Можно упомянуть не только идеально встроенные в контекст мирового искусства радикальные декларации К. Малевича, В. Кандинского и Д. Бурлюка, но и более художественные по образно-символической структуре произведения художников-сезаннистов «Бубнового валета», а также подчас превосходящую европейские образцы реализацию программы стиля «модерн» в творчестве мастеров «Мира искусства» и Абрамцевского кружка. Второй «отрыв» произошел в начале 1930-х годов, а в изобразительном искусстве еще ранее, когда открытия В. Степановой, А. Родченко, В. Татлина, архитекторов-конструктивистов, вполне революционные по своей семантике и пластическим решениям, оказались идеологически чуждыми набравшему силу и «ампирную» стать советскому государству. При этом мировая архитектура и изобразительное искусство продолжали эволюционировать, используя и российские достижения. Значительные «культурные» потери произошли и в результате распада СССР: вдруг оказались далекими и непопулярными прекрасные художники-графики Прибалтики, исчезли с экранов обладавшие неповторимым обаянием грузинские фильмы и, словно за пеленой песчаной бури, скрылись воспетые русскими поэтами и художниками архитектурные шедевры Хивы и Бухары. Уверен, что отечественная культура всегда «утоляла жажду» из реки мировой культуры, наполняя последнюю влагой своих звонких ручьев. Важно также отметить, что разрыв культурных связей чреват и межнациональными конфликтами, ведь именно культура способна объединять народы и спасти мир.

В.Д. Мороз: Станислав Олегович, соглашусь с Вами в том, что социальные и политические

катаклизмы уже несколько раз заставляли нашу страну в благодатные периоды интенсивного развития сфер культуры и искусства. Страх перед опасностью потери «национальной идеи», ход исторических событий в политике, экономике приводил в такие моменты к потере возможностей естественной саморегуляции обмена духовным, творческим и культурным опытом между странами.

Д.А. Чернов: Виктор Дмитриевич, но для того, чтобы понять, как минимизировать риск повторения таких негативных сценариев для искусства и культуры, нужно учитывать и эпизоды истории более ранних периодов, когда духовные основы культуры зарубежных стран послужили толчком к формированию эстетических воззрений русского искусства. Ранние образцы подражания и заимствований проявились уже в древнерусском искусстве, когда вместе с христианской верой были переняты не только религиозные догмы, но и образность. При этом русские мастера, заимствуя композиционные схемы и отдельные стилевые составляющие все же сохраняли и выражали на разных художественных пластах и духовных уровнях национальный дух. Даже в Новое время, несмотря на пройденный путь европеизации и влияния искусства стран Востока и др. (проявления в тюркери, шинуазри и пр.), в творчестве художников сохранилась преемственность истинно русских мотивов и традиций. Мастера не слепо заимствовали образцы, а видоизменяли их в соответствии с внутренними творческими потребностями и менталитетом, «приспосабливали» их к особенностям русского восприятия. Я считаю, что пройденный путь позволяет и в современной России сохранить это осознание «русскости», приверженности к глубинным основам русской культуры, что, несомненно, влияет на воспитание будущих поколений.

В.В. Козлов: В современных геополитических условиях важно, чтобы вопросы формирования и поддержания социокультурной идентичности не стали источником национальных раздоров и обострения отношений между странами. И здесь хочется отметить значимость сказанного Александрой Александровной о ценностном содержании исторического национального самосознания в России, которое, возможно, и является одним из самых существенных факторов, направляющих ее исторический путь. Вспомним, нашей стране на ее историческом пути довольно часто приходилось играть миротворческую роль на международной арене, но именно в этих сложных ситуациях многие граждане проявляли свои лучшие личностные качества и патриотические чувства.

О.В. Слева: Однако в современном многополярном и глобализованном мире выполнение государством этих ролей, проведение соответствующей политики, в том числе и в области культуры, сталкивается с интересами других стран и может приводить к обострению международной обстановки. В то же время, как сказала Лариса Адольфовна, сфера искусства, позволяя с помощью лучших своих образцов формировать в духовном облике человека надындивидуальные ценности, имеет

опыт успешной трансляции их содержания представителям других культур. Этот опыт реализуется как через передачу и восприятие универсальных гуманистических смыслов, лежащих в основе высокохудожественных произведений искусства, в том числе и глубоко национальных по духу, так и через деятельность людей искусства, представляющих свою страну или этнокультурную общность в мире.

Е.А. Куштым: Искусство является тем «золотым следом» (используя выражение Г. Гессе), который историческим лейтмотивом проходит через всю эволюцию человека и созданной им культуры. Искусство – связующая все поколения людей нить, вплетающаяся в многообразие исторических периодов, удерживающая непрерывность духовного творчества человека как такового, вне его национальной принадлежности. Особенностью многих современных направлений в искусстве является такая тематическая переориентация (в сравнении с классикой), которая приводит в недоумение здравомыслящего человека. Нередко эстетический вкус и эстетическое сознание современного человека пребывают в болезненном состоянии. В связи с этим необходим критический анализ вновь возникающих направлений, который должен находиться в русле основной проблемы современности – сохранение духовного творчества человека как животворящей энергии, сохранение способности человека к созданию произведений изящного искусства. В этом отношении примечательны высказанные в свое время Ф. Шиллером идеи о красоте, которую он понимал в качестве соединительного звена между грубой чувственностью и отвлеченной умственной деятельностью человека. Разрешите процитировать: «Наша природа равно не способна как слишком долго пребывать в животном состоянии, так и слишком долго предаваться утонченной умственной работе. Она потребовала поэтому среднего состояния, где соединились бы обе крайности, где резкое напряжение умерялось бы мягкой гармонией и облегчался поочередной переход одного состояния в другое» (Ф. Шиллер).

А.С. Чупров: Непосредственное влияние на психику человека оказывают формы общественной практики. Обращусь вновь к Шиллеру, который отметил, что человеческая природа не выносит вечной и непрерывной пытки деловыми занятиями... Утомленный напряжением труда, терзаемый вечной потребностью в деятельности, человек жаждет более высоких, более утонченных удовольствий или безудержно набрасывается на дикие, разрушительные для общественного спокойствия, развлечения. Отмечу, именно искусство, как правило, опережает наличные состояния сознания и в этом смысле подвижно. Искусство – царство видимости. Искусство освобождает человека от всего, что зовется принуждением – как в физическом, так и в моральном смысле...

Е.А. Куштым: Вне всякого сомнения, классическое искусство мобилизует все уровни психики человека, его логические и иррациональные

способности, помогая ему нивелировать искривленность помыслов и свести к минимуму негативное воздействие извне. В условиях новой социально-культурной реальности реализуемая искусством (наравне с другими феноменами культуры) миссия связана, прежде всего, с восстановлением единства культуры человечества, возрождением на этой основе нового мировоззренческого синтеза идей гуманизма и актуализации духовно-интеллектуального потенциала народов мира.

А.С. Чупров: Именно в искусстве находят свое выражение способности души человека как «способности суждения» (в терминологии И. Канта). «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное, подчиненное общему» (И. Кант) ...

Н.В. Степанова: Искусство является частью духовной культуры общества, к которой приобщается каждый человек как субъект культурного пространства. При этом уровень культуры общества, как правило, определяет уровень культуры личности. Музыкальное искусство как вид художественной деятельности аккумулирует опыт и традиции предшествующих эпох и представляет собой исключительную ценность для грядущих поколений. Обладая мощным духовным и творческим потенциалом, оно обретает значимость в качестве сопутствующей составляющей бытия человека. Огромна роль этого вида деятельности в наполнении культурным содержанием повседневной реальности современного общества, выражающаяся в приобщении человека к музыкальному знанию, к ценностям музыкального наследия, которые оказывают влияние на формирование духовного склада личности...

Е.Р. Сизова: Наталья Викторовна, в продолжение озвученной Вами проблемы (с ее постановкой я в большей части согласна) отмечу, что личность как раз и возникает тогда, когда человек становится субъектом отношений, в том числе субъектом культурного пространства. Человек как субъект самостоятельно осуществляет деятельность согласно нормам и эталонам, которые задаются прежде всего той культурой, в лоне которой он актуализирует свой познавательный, художественно-творческий потенциал, проявляет себя в качестве деятельного человека, носителя социально-человеческой деятельности. Подчеркну, необходимо реальное культурное взаимодействие, построенное на основе диалогических отношений. Только так у человека может возникнуть объективное «отношение к самому себе» (в терминологии Э.В. Ильенкова). Данный вопрос является одним из самых важных вопросов современности: каков внутренний мир человека, каковы основания построения этого мира, таково и мировоззрение человека, таковы совершенно конкретные проявления его личностного начала. Масштаб личности соизмерим с масштабом реализации человеком творческого потенциала. Быть личностью – это талант приносить людям радость посредством проявления своей творческой индивидуальности.

С.С. Соколов: Коллеги, согласен с вашими суждениями, однако сфера художественной деятельности в современной России в ее реальных практиках и социокультурных контекстах является, на мой взгляд, пример поля скорее дисгармонии, нежели стремления к некоему социо-эстетико-культурному консенсусу...

А.А. Бобрик: Уважаемые коллеги, в этой связи хочу подчеркнуть, что одно из общих свойств человека – становление индивидуальности, которая, безусловно, является движущей силой эволюции, так как благодаря ей создается и закрепляется нечто Главное в виде привнесения новизны. Поэтому велика роль образования как социального института. Сердца должны возгораться не от компьютера... Притягательными для человека должны оставаться классические произведения искусства, культуры в целом. Причем, независимо от того, представителем какого государства человек является.

Е.А. Куштым: Думается, мы подошли к историческому времени в лице XXI века, когда не только искусство, литература, но и само сотрудничество Российской Федерации с субъектами зарубежных стран должно стать классическим, иначе – образцовым...

В.Ф. Бабюк: В этом отношении разрешите поделиться опытом. Сотрудничество с коллегами из зарубежных стран стало в ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского уже устоявшейся традицией. Так, в течение пяти последних лет целый ряд музыкантов и художников побывал в гостях в нашем институте, и что не менее важно, наши студенты и преподаватели представляют свои творческие проекты за рубежом. К таким примерам можно отнести сотрудничество института с Генеральным консульством США в г. Екатеринбурге, проект «Южноуральск-Зальцбург», Международный конкурс «Кубок Фридриха Липса», Международный конкурс молодых композиторов им. С.С. Прокофьева, гастрольные поездки наших студентов в Румынию, Финляндию, Францию, Австрию, Болгарию, Грецию и др. Не стал исключением и этот, 2017 год. В рамках творческого проекта Vivat, almatater состоялся концерт нашей выпускницы Марии Кабельской (сопрано), ныне проживающей в Израиле и представляющей Новую оперу этой страны. В рамках «Дней Германии в Челябинске» в институте прошел мастер-класс джазового дуэта Матиаса Шрайфла и Тамары Лукашевой. В состав жюри международного конкурса «Кубок Фридриха Липса» и с мастер-классами были приглашены Дамир Султанов (Астана, Казахстан) и Константин Ищенко (Мюнхен, Германия). На факультете изобразительного искусства ЮУрГИИ прошла творческая встреча и мастер-класс членов Союза художников республики Узбекистан Дилором Мамедовой и Дилмурода Юлдашева (Ташкент). В 2018 году запланирован ряд творческих проектов с участием исполнителей из Швейцарии, Китая, Израиля, США и других стран.

О.П. Яновский: Следует поддержать Виктора Федоровича в вопросе о сотрудничестве в рамках художественных и исполнительских проектов. Именно такого рода совместные творческие встречи,

участие преподавателей и студентов в качестве конкурсантов, участников международных семинаров, мастер-классов помогают резко увеличить уровень исполнительского мастерства, увидеть и понять именно те направления и то разнообразие, которые присутствуют в школах других консерваторий стран СНГ и Европы.

В.А. Лукашевская: Студенты обязательно должны выступать в мастер-классах и на любых мероприятиях для повышения уровня исполнительского мастерства и мышления....

Н.В. Растворова: Отмечу, что отечественное музыкознание на современном этапе своего развития демонстрирует необычайную широту научных интересов, охватывая музыкально-исторический процесс от его истоков и до наших дней. В общую картину современной музыковедческой мысли вносят свой вклад и молодые музыковеды, исследования которых отличаются ярко выраженной новизной, оригинальностью концепций и глубиной раскрытия исследуемых тем. Открытые новые ракурсы осмысления отечественной и зарубежной музыки служат примером смыслопорождающего направления развития интеллектуального творчества современного музыковеда.

И.В. Милицина: Уважаемые коллеги, Конфуций, который, как известно, «наше китайское всё», говорил, что «три вещи никогда не возвращаются обратно: время, слово, возможность, поэтому не теряй времени, выбирай слова, не упускай возможность». До какой степени сейчас значимы для китайской молодежи эти наставления? Действительно, китайцы – носители древних знаний и мудрости, они отличаются трудолюбием, послушанием, высокой организованностью. Многие считают Китай отдельной планетой, настолько непривычны уклад жизни, мироощущение. Здесь переплелись древность и современность, мудрость и рационализм. Китайцам удалось сохранить свои традиции, несмотря на коммунистическое мировоззрение и годы культурной революции. «Открытие Китая с Ириной Милициной» продолжается уже 4 года. За эти годы я преподавала в университетах Шанхая, Чженьчжоу, Гуанчжоу. Надо признаться, что всё это время было омрачено лишь небольшими бытовыми трудностями, но и они были восприняты как экзотический опыт, как погружение в культуру особенную, уникальную. Отношение к *лаоши*, учителю, в Китае традиционно безоговорочно почтительное, а к иностранному – вдвойне. Но отношение к русским и к русскому отличается особой приятностью и теплотой. Мне стало понятно, почему: европейцы для китайцев слишком высокомерны и чопорны, а мы, русские, в силу значительных исторических связей и географической близости – братья, старшие братья. Китайские студенты и преподаватели всегда открыты к помощи, причем бескорыстной. Они живо интересуются жизнью в России. А вот мнение о настойчивости, усидчивости, упорстве в труде и достижении цели современных китайских студентов, на мой взгляд, несколько преувеличено: они почти ничем не отличаются от наших в студенческих буднях «от сессии до сессии». Но однозначно нужно признать факт глубочайшего

интереса к русской культуре. Вот тут и пытливость, и увлеченность, и живое любопытство: русские традиции, кухня, жизненный уклад, подробности обыденной жизни, погода, природа – интересно всё! Современные китайские студенты хорошо знают русскую классическую литературу. Приведу в доказательство темы дипломных работ, предложенные самими студентами: «Семейная и историческая хроники в повести Пушкина «Капитанская дочка», «Трагедия личной судьбы на фоне трагедии страны: творчество О. Мандельштама», «Символизм рассказов Бунина». Никого не испугаешь именами Толстого, Достоевского, Репина, Чайковского. Хорошо знает молодежь архитектуру Москвы и Петербурга... А сейчас мне бы хотелось спросить русских студентов: «А что вы знаете о древней традиционной и современной культуре Китая?». Сейчас абсолютно очевидна дальнейшая биография нашей страны: сотрудничество и интеграция с сильным и богатым соседом. И, поверьте, русский язык, который, плача, осваивают китайские студенты, ничуть не легче китайского!

С.С. Соковиков: Уважаемая Ирина Владимировна, позвольте сделать маленькое дополнение. У меня есть два приятеля, которые специализируются на посредничестве в деловых связях между Китаем и Россией, оба – лингвисты по образованию. Так вот, они оба подтвердили мое предположение, что китайцы, целенаправленно и прагматически ориентированные на коммуникацию с российскими людьми, изучают не просто некую российскую культуру, а именно различные культуры внутри России: региональные, этнические, конфессиональные и пр. Это я к тому, что нет какой-то абстрактной, среднестатистической «китайской» культуры, а есть сложнейшее сочетание чрезвычайно интересных субкультур, которые в совокупности и составляют «планету Китай». Вот этими культурами, на мой взгляд, и стоит прицельно интересоваться российским людям, особенно – молодым.

Л.Г. Загвоздина: Для того чтобы разгадать тайну той или иной культуры, нужно оказаться внутри этой культуры. Туризм предоставляет человеку такую возможность. В современную эпоху туризм является неотъемлемой частью жизни. Сегодня туризм превратился в явление мирового масштаба. Однако туризм не следует понимать лишь в качестве рафинированного развлечения или утонченного наслаждения. С нашей точки зрения, развитие туризма нужно связывать прежде всего с потребностью человека реализовывать свои творческие способности, а не только с совершенствованием способов быстрого и доступного для человека передвижения. Туризм предоставляет человеку возможность понять язык другой культуры, поскольку благодаря туризму человек оказывается внутри другой культуры. Говоря о том, что туризм предоставляет человеку всего лишь возможность понять язык другой культуры, мы подчеркиваем следующее: всегда существует нечто существенное, существует некий культурный стандарт мышления, в силу которого делается принципиально невозможным

понимание между людьми разных культур. Здесь требуется особого рода работа – умение вести диалог друг с другом.

Орлин Стефанов: Уважаемые коллеги! Для меня очень близка тема взаимного влияния русской и болгарской культуры. Прежде всего потому, что я воспитанник российского вуза и мне посчастливилось получить диплом на театроведческом факультете ЛГИТМиКа еще в далеком 1972-м году. Во время учебы я приобщился к русскому искусству, философии, истории, усвоил великий русский язык. Томас Манн верно заметил, как важно развивать свое понимание жизни вдалеке от привычной среды. Тогда можешь более свободно думать, осмыслять и развивать свои мировоззренческие устои. Тем более, когда можешь рассчитывать на большую доброжелательность русской интеллигенции. Потом мне снова пришлось положиться на отзывчивость русский аудитории, когда я стал посещать университеты, научные центры многих городов России. К сожалению, круги болгарских ученых по преимуществу весьма замкнуты: каждый знает каждого, и «заговор» традиционалистов легко вычисляет самостоятельно думающего и может проявлять свою мнительную ревнивость, даже зависть... Поэтому я буквально счастлив, что с помощью Интернета легко можно проскочить на просторы и русских сайтов, организовать встречи с русской аудиторией. Вот недавно я вернулся домой после трех с половиной месячного пребывания в России по приглашению Челябинского ЮУрГУ. И в свободные от лекций дни я смог посетить еще четыре города, выступил на двух конференциях в МГУ, в ГИТИСе и даже в Доме А.Ф. Лосева! Надеюсь, что мои многочисленные выступления останутся не только в моей памяти и публикации в сборниках, записи на ютубе помогут распространению моих несколько нетривиальных идей. Но как иначе мы можем двигать науку? Тем более во времена, когда наметились тревожные тенденции слишком узкой специализации. А современности крайне нужны мировоззренческие ориентиры, которые слишком поверхностны, и в погоне за фетишами общество позволило себе их размыть. И я надеюсь своими усилиями возратить неоплатный долг гостеприимному русскому народу, который помог мне состояться как личности!

С.С. Соколов: В нашей дискуссии принимает участие Юрий Кирпичев, наш бывший соотечественник, с 2006 года проживающий в США. Юрий, в ноябрьском номере за 2017 год бостонского Независимого альманаха «Лебедь» был опубликован Ваш материал под заглавием «Московский деревянный паровоз», где Вы весьма критично оцениваете современную ситуацию в России, в том числе – в контексте ее отношений с другими странами. Не могли бы Вы дать комментарии к тому, на чем основана такая нелюбезная оценка?

Ю. Кирпичев: Сергей, прежде всего я бы хотел дать комментарий к эпитету «бывший». Я живу в США более 10 лет, вполне адаптировался, инкультурировался и аккультурировался к здешнему менталитету, но продолжаю оставаться

соотечественником по отношению к советским, российским и украинским людям, поскольку сам я из Донеца советских времен. Что же касается упомянутого Вами материала, то уже в силу вышесказанного выше вопрос для меня очень серьезный и сложный, поэтому я бы хотел попросить участников дискуссии выслушать относительно развернутое сообщение на эту тему.

Участники поддерживают просьбу Ю. Кирпичева.

Ю. Кирпичев (сообщение):

Инверсный карго-культ

Итак, темы выступлений круглого стола «Россия и зарубежные страны: искусство созидать» могут быть самыми разнообразными, и очень приветствуется полемический задор и стилистика живого разговора. Что импонирует – вспоминаются рыцари Круглого стола, свобода и честь, доблесть и отвага. Но тема смущает...

Ибо созидание – не самая сильная сторона России, особенно в отношении с зарубежными странами. Никогда еще со времен холодной войны отношения не были так плохи. Страна в изоляции, и это очевидно. И, судя по всему, изоляция будет усиливаться, причем большой вклад в этот процесс вносит сама Россия. Изоляция же, как известно, ведет не к созиданию, но к стагнации и деградации, и первыми страдают даже не наука и высокие технологии – на это, как показала практика, требуется хотя бы одно поколение упадка образования и профессионального обучения, а такие хрупкие вещи, как право и мораль – они девальвируются очень быстро!

Юрий Домбровский в романе «Факультет ненужных вещей» полагал, что пишет о прошлом, но заглянул в будущее. На наших глазах замыкается очередной виток спирали и страна возвращается к разрушению основ, на которых держится цивилизованное общество. Ненужные вещи – это право в его юридическом и общечеловеческом смысле, это совесть, стыд, и прочие издержки культуры и цивилизации. Ну а поскольку мораль – предмет тонкий и со времен Морального кодекса строителя коммунизма к ней апеллируют все реже, то поговорим о праве.

Нужна ли России Конституция?

Не так давно Владимир Бортко, первый заместитель председателя комитета Думы по культуре, внес законопроект о Конституционном собрании. Сей орган сможет изменять Основной закон России. В члены собрания Бортко предлагает президента РФ, всех членов Конституционного суда, председателя Верховного суда, всех сенаторов, сто депутатов Госдумы во главе с председателем и «100 признанных специалистов по вопросам права, назначенных президентом». Всего 400 человек.

Бортко поддержал не менее пронизательный Жириновский и предложил заодно поменять название главы государства: «чужое западное слово "президент" можно заменить на "верховный правитель", "председатель" или "начальник"». Тут он угадал: проект явно направлен на усиление позиций президента.

Прогрессивная общественность, разумеется, встала на защиту основного закона и мои деликатные намеки на тот печальный факт, что законы в России служат лишь для удержания населения и политических противников в узде, и что Конституцию нарушают в первую очередь, встретили возражения. Написал я в Фейсбуке комментарий к призыву известного журналиста Игоря Яковенко защитить самое святое, и завязался у нас небольшой диалог:

Юрий Кирпичев: Непонятно, о чем плач вот уже третий день? Разве опереточная конституция в России играет хоть какую-то роль? Хоть кто-то на нее обращал внимание? Хоть кого-то она когда-то останавливала?

Игорь Яковенко: Плача, уважаемый Юрий Кирпичев, никакого нет. Правда, благодаря статье 15, часть 4, тысячи людей получают защиту от беспредела, а еще сотни тысяч она реально спасает, поскольку держиморды на краешке своих тупых мозгов удерживают мысль, что в случае чего могут быть проблемы с международным судом. И так по всем статьям, перечисленным в комментируемой колонке. То же и с отменой смертной казни и пр. Имперские режимы фашистского типа бывают разными. Не видеть этого – странно. Я в этом смысле оптимист, поскольку точно знаю, что может быть хуже.

Юрий Кирпичев: Извините, Игорь, но я что-то не слышал о сдерживающем влиянии конституции в России, не помню таких примеров. Зато знаю массу случаев ее нарушений, такую массу, что не стоит даже говорить о действенности конституции. О ней вспоминают лишь в ритуальных целях».

Игорь Яковенко: Меньше всего я гожусь на роль защитника ельцинской конституции, а также на роль человека, утверждающего, что РФ – правовое государство. Но есть очевидные факты, и если Вы их не знаете, это не значит, что их нет. Есть решения Страсбургского суда по России, масса. Все они в пользу истцов. Это – работа статьи 15, часть 4. Мы привыкли жить в метафорах, например, утверждаем, что в России не работают законы. Как метафора в публицистике – ОК. Как истина – чушь. Еще раз. Конституция работает очень плохо, как и закон в РФ. Но ее ухудшение (отмена), как и ухудшение законодательства сделает ситуацию в стране намного хуже. Нам еще есть, куда падать.

Юрий Кирпичев: Ну и что с того, что решения Страсбургского суда в пользу истцов, если Россия не собирается их выполнять, и это очевидный факт? И даже использование Вами, Игорь, такого сильного аргумента как «чушь» не делает утверждение, что в России работают законы, истиной. Ее конституция – это деревянный паровоз, предшественник известного карго-культа. Но построившие его туземцы напрасно думают, что он будет работать. Дело вовсе не в конституции, а в самой России и в ее народе».

Страны, чьи народы впитали уважение к законам с молоком матери в течение многих поколений, и без конституций живут неплохо. А тем, у кого закон что дышло, никакие конституции не помогут.

Деревянный паровоз и обратный карго-культ

Но если про конституцию многие слышали, то про деревянный паровоз надо бы пояснить. И самое время применить стилистику живого разговора. Итак, в позапрошлом веке несколько крестьян из глухой русской деревни побывали в городе и поняли, что живут очень бедно и плохо. Что у них есть в деревне, кроме покосившихся изб и непролазной грязи? А ничего нет. Ни лавок и магазинов, набитых товаром, ни мощеных улиц с экипажами, ни школ, ни театров, даже кабак, и тот далеко, в уездном селе. Но почему в городе все это есть в изобилии, а у них нет и в помине?

Может, они меньше горожан работают и потому бедны? Нет как будто, и даже наоборот, трудятся они в своей залесной Загибаловке от зари до зари, света белого не видя, только осенью и передых, когда грязь совсем уж непролазная становится, так что до нужника не дойдешь – лапти потеряешь. Тогда как городские только и делают, что по улицам фланируют, в магазины заходят, в чайных посиживают, кофей-мADERу пьют, со своими фифами жуируют и в ус не дуют. Значит, не в этом дело, не в труде-работе, в том числе и над собой. А в чем?

Думали они, думали, немыты головы ломали, пока одного не осенило. Он объяснил коллегам: а потому в городе все это богатство есть, что идет к нему железная дорога. По ней оно все и подвозится. Вот он, ключ к просперити! И порешили православные не ждать милостей от природы, но совершить большой скачок из темного прошлого прямо в светлое будущее. Чтобы все, значит, всем – и сразу!

Воротились они из анабазиса в родную Козолуповку, сход собрали, ситуацию осветили и всем миром положили строить железную дорогу от центра деревни и до ближайшего выгона. А на ней поставить паровоз. Поскольку же с железом было негусто и даже лошади в этой Мухосрановке ходили некованные, то строить пришлось из дерева, благо, его хватало. Лес как-никак вокруг, глухомань, как и было сказано, так что все мужики не худо орудовали топором и даже брились им.

Н-дас. И вот срубили они, значит, паровоз. Почти как настоящий, даже дым из трубы шел – посадили внутри мальчонку, чтобы костерок раздувал и сыру траву подбрасывал. Со свистком и паром, правда, не получилось, дерево оно и есть дерево, большой огонь не разведешь, полыхнет и поминай, как звали. А для пушей вящести катали паровоз по деревянным рельсам туда-сюда, от выгона до таун-центра и обратно.

Увы, ожидания не сбылись и прорыв в будущее не удался. Сколько ни вглядывались пейзажи вдали с околицы, а ответного дыма не увидели и товары к ним не прибыли. Зато деревянный паровоз стал символом и появился намного раньше карго-культу и деревянных самолетов жителей островов Тихого океана.

После Второй мировой войны поток грузов на острова, служившие американцам базами, прекратился, и туземцы, привыкшие к заморским товарам, расстроились. Чтобы снова получить

вожделенный груз и увидеть парашюты и самолеты с ним, они имитировали действия солдат, моряков и лётчиков. Они строили из дерева и плели из тростника свои самолёты в натуральную величину, контрольно-диспетчерские вышки и маяки, делали наушники из половинок кокоса, изображали сигналы посадки на имитациях взлётно-посадочных полос, зажигали факелы для освещения этих ВПП и маяков и так далее.

Так вот, российская конституция это тот же деревянный паровоз и проявление карго-культ. Россияне надеются, что, скопировав общественные институты развитых стран, они тоже одним махом окажутся в их рядах – и принимают конституции, которым не собираются следовать, устраивают парламент, который сами же потом называют «бешеным принтером», создают инновационные центры типа Сколково, от которых никакой отдачи, несмотря на потраченные миллиарды, вводят должность президента...

В общем, дым из трубы почти как настоящий, но паровоз стоит на месте и помаленьку гниет. Именно имея в виду Россию, политолог Екатерина Шульман ввела понятие «обратного карго-культ». Российские общественные структуры скопированы у других стран, но являются поверхностной имитацией и работают значительно хуже оригинала. При этом часто совершается логическая подмена понятий – принципы работы передовых общественных институтов объявляются ложными, потому что плохо работает их имитация. После чего страна отторгает западные ценности и возвращается к самобытной кондовости. Что мы и наблюдаем.

Недаром Путин недавно открывал в Крыму (кстати, на днях ООН официально признала Россию страной-оккупантом) памятник Александру III, который свернул Россию с пути реформ. По рассказу супруги его отца, Александра Освободителя, когда умирал Николай I, эпоха которого чрезвычайно напоминает нынешнюю, «одной из его последних фраз, обращенных к сыну, была: «Держи всё... держи всё». Эти слова сопровождался энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко». То есть, рука царя сжалась в кулак. А за много лет до того при упоминании о народах, населяющих Россию, Николай спросил сына: «А чем все это держится?» Тот дал заученный ответ: «Самодержавием и законами».

– Законами? – усмехнулся отец, – нет, самодержавием и вот чем, вот чем, вот чем!

И при каждом повторении этих слов он махал сжатым кулаком.

В этом с императором вполне соглашался известный редактор Н. Надеждин, опубликовавший в своем журнале «Телескоп» вольнодумную статью Чаадаева. В том же 1836 году поместил он в двух номерах журнала и свою программную статью «Европеизм и народность в отношении к русской словесности». В ней отстаивал право России быть самой собой, не слишком заглядываясь на Европу, но опираясь на свои немеряные силы, на единство верхов и низов, спаянное православной верой.

Завершает свои инвективы Николай Иванович известной формулой, каковая, на мой взгляд, отражает и нынешние реалии: «В основание нашему просвещению положены *православие, самодержавие и народность*». Здесь он повторяет принципы, изложенные графом Уваровым в докладе Николаю I при вступлении 19 ноября 1833 года в должность министра народного просвещения. Развивая его знаменитую триаду, начальник III отделения Бенкендорф и объяснял вскоре Чаадаеву, что прошлое России удивительно, настоящее прекрасно, а будущее выше всяких представлений! Тот же, кто думает иначе – сумасшедший.

Так вот, народность в понимании Надеждина наиболее полно проявилась... в кулаке: «Европейцу как хвалиться своим тщедушным, крохотным кулачишкой? Только русский владеет кулаком настоящим, кулаком *comme il faut*, идеалом кулака. И, право, в этом кулаке нет ничего предосудительного, ничего низкого, ничего варварского, напротив, очень много значения, силы, поэзии!»

Н-дас. «Русь, куда ж несешься ты?» – писал восторженный Гоголь, но не указал, куда именно мчится деревянный паровоз, распугивая изумленные народы. А мчится он в обратную сторону. Россия – страна-контрамот. Помните термин Стругацких из повести «Понедельник начинается в субботу»? Она движется против течения времени. Об этом говорит и то, что ажиотаж защитников конституции быстро сошел на нет. В глубине души все понимают, что от нее, да и от них, абсолютно ничего не зависит.

И еще о Гоголе. Белинский писал ему о России: «Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, ... где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Писаны сии строки в 1847 году, но что с тех пор изменилось? И верите ли вы, что перемены вообще возможны? Боюсь, Россия инвариантна в любой системе координат и в принципе не реформируема.

Инверсный карго-культ

Многим могут не понравиться мои заключения, но не спешите называть меня русофобом. Ибо русофобия нынче – это естественный, логичный и хорошо обдуманый ответ мира на поведение России. О чем говорить, если ее стремление к разрушению настигло меня и в Америке! С приходом Трампа, а давно не секрет, что этому способствовали русские, и согласно недавним данным опросов Pew Research Center, уже 59% американцев в этом не сомневаются, страна поляризовалась. Резко вырос уровень агрессии, под угрозой оказались базовые принципы морали, на которых построены США, а число антисемитских выходов, к примеру, возросло почти вдвое.

Корреляция тут однозначна и несомненна, и большую роль сыграло русское информационное наступление. Поэтому работает комиссия специального прокурора Роберта Мюллера, ответные меры против русского влияния принимают и страны Европы.

Вслед за Екатериной Шульман я назвал бы подобное негативное влияние инверсным карго-культом: не в силах подняться до высот современной цивилизации, Россия стремится опустить мировой уровень до своего. Кое-что удастся, но конечный итог будет явно не в ее пользу.

Е.А. Куштым: Итак, коллеги, Вам слово.

В.А. Жилина: Мне кажется, что в нашей дискуссии мы несколько упустили такой важный аспект сегодняшнего социального развития, как геополитичность всех сфер социума и всех социальных институтов. Предвижу Ваши возражения по поводу того, что политическая сфера в области рассматриваемых нами проблем, безусловно, не может быть доминирующей. Хотя в условиях глобализации роль политики и политических процессов возрастает, это объективно необходимая закономерность любой социальной интеграции. Более того, подчиняясь общей тенденции агрессивного вставания социально различных феноменов друг в друга, политика пытается претендовать чуть ли не на статус движущей силы развития сфер, по своему статусу далеко от них отстоящих. А так как политика в таких сферах все равно имеет статус внешнего условия, ее претензия стать причиной способна полностью разрушить саму эту сферу. Так, на мой взгляд, антидопинговые скандалы не столько подрывают престиж страны, сколько разрушают суть того же олимпийского движения. Результатом вполне может стать полная дискредитация олимпийского движения. Но я о другом аспекте геополитики. Сам этот феномен как характеристика социального развития гораздо более древний, чем введение соответствующего термина в научный анализ. Собственно, цивилизации всегда, так или иначе, были геополитичны. Достаточно вспомнить историческую значимость противостояния Востока и Запада или противостояние стран «Моря» и «Суши». Поэтому, в принципе, выход геополитики за сферу собственно политического не нов. Но сегодня такое геополитическое «расползание» приобретает особую значимость. Цивилизация сегодня отлична интегративным коммуникативным пространством, поэтому при нарушении гармонии одного элемента страдает вся целостность. Именно поэтому в обсуждении любой грани статуса России важно помнить об актуальности проблем безопасности: социальной, политической, экономической.

Е.А. Куштым: Вера Анатольевна, Вы имеете в виду попытку усомниться в силе, самобытности, да и в статусе России как сверхдержавы?

В.А. Жилина: Евгения Александровна, такие попытки были и, наверное, будут и, скорей всего, это просто поверхностное отражение глубинных политических противоречий. Дело в другом. Прежде всего, в этих измененных социальных условиях мы должны обязательно помнить о том, что статус сверхдержавы – это не просто престиж страны. Это

реальный фактор сдерживания. Думаю, что ситуация с разрастанием тенденций терроризма более чем наглядна в плане того, что происходит, если такие факторы ослабевают. На мой взгляд, деструктивные моменты в социальных отношениях сегодня начинают доминировать вследствие общей закономерности: человеку сегодня проще отказаться от свободы, чем реализовать ее здесь и сейчас. В процессах интеграции, сужения личного пространства и все более нивелированного пространства общественных отношений закладываются основания трансформации социального субъекта в толпу. Обратим внимание на так называемые цветные революции. В свете этого, на мой взгляд, понятно, что сохранение самобытности культуры сегодня – это не просто сохранение культурной уникальности, это проблема выживания человечества в целом.

Е.Г. Прилукова: Хотелось бы продолжить мысль Веры Анатольевны о необходимости сохранения самобытности культуры в современном тотально политизированном мире. При этом самобытность не следует понимать как нечто застывшее и обращенное только к прошлому. Это еще и обращение к своему настоящему, не к кальке западных или иных образцов и стандартов и постоянному тиражированию их. Здесь важно это свое подлинное настоящее не потерять. Приведу только один пример, в погоне за различными рейтингами мы стали стремиться к активной публикации за рубежом, преимущественно на английском языке и зачастую не обращаем внимания на идеологическую и коммерческую направленность изданий. Творческая свобода начинает подменяться количеством всевозможных показателей. Так постепенно мы учимся мыслить на чужом языке и по чужим правилам. Не поддерживаем ли мы тем самым очередной коммерческий и политический проект? Вряд ли случайно известный российский ученый-физик, член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук сказал: «Все эти «хирши», с моей точки зрения, применительно к нашей науке – спорное, неоднозначное дело. Какие были индексы у Вернадского, Келдыша, Курчатова? Мы имеем дело с зарубежным коммерческим проектом. <...> А если мы подталкиваем наших ученых печататься в западных журналах, это, ко всему прочему, подрывает отечественную специализированную периодику» (Культура. 2015. № 35). Солидаризируясь с ним, предлагаю нести свою культуру, прежде всего, не умаляя значения и другой – чужой культуры, ориентируясь на развитие человека и общества.

С.Н. Некрасов: Именно поэтому истоки стратегий взаимоотношений России на международной арене необходимо искать в устойчивых формах культуры. Среди них, настаиваю, религия всегда занимает значимое место. Свидетельством может служить постоянное расширение поля религиозного влияния. И в современном мире не только прекрасно себя чувствуют традиционные культы, но и постоянно возникают новые религиозные течения...

В.А. Жилина: Станислав Николаевич, с этим трудно спорить. Сразу вспоминается позиция Гегеля, который вообще не представлял исторический или

социальный анализ вне анализа религии. Но, на мой взгляд, выстраивание настоящей модели социального взаимодействия на историческом прошлом – это все-таки несколько излишнее увлечение мифологизацией. Например, отношение к русскому православию внутри страны напоминает некоторую ностальгию о прошедшем Золотом Веке. Хотя по историческим фактам православный сегмент русской культуры всегда был далек от безмятежности. Еще более сомнительным мне видится выход через обращение к идеалам Просвещения. Это типично западная модель, достаточно агрессивная в логике культуры. Именно благодаря этой эпохе сформировался устойчивый стереотип о возможности «формирования» личности по некоторым образцам. Русской культуре это было чуждо всегда. Мы с Вами, работая в сфере образования, критично относимся к перестройке образовательной системы, мне думается, именно потому, что в основе компетентностного подхода лежит то самое бездумное абсолютно рациональное обтесывание обучаемого под жесткие требования компетенций.

С.Н. Некрасов: Вера Анатольевна, так что, путь один – славянофильство? Но, помнится, Вы сами негативно оцениваете все возможные попытки возрождения в культуре неоязычества... В чем тогда самобытность и где основание для ее сохранения, для совмещения этой уникальности с чуждыми культурами? В толерантности?

В.А. Жилина: На мой взгляд, столь модный сегодня термин полностью утратил свое какое-либо содержание и превратился в симулякр. И, по-моему, в симулякр механизма политики. Да, я действительно достаточно критично рассматриваю сегодняшние спекуляции на наследии русской культуры по той причине, что эти явления проистекают, прежде всего, из невежества, незнания основ отечественного культурного наследия. И уж конечно, славянофильство нас не спасет, тем более что с их позицией можно и нужно спорить. Выход видится в другом: следует большее внимание уделить идеологической безопасности и стабильности. Последние годы развития России напрямую связаны с идеологическим противостоянием двух идеологических систем. При разрушении СССР как компонента, осуществляющего это противостояние, начинается искусственный дисбаланс. Необоснованное доминирование уцелевшего компонента, его экспансия при одновременном разрушении интегративного информационного поля самого российского общества приводят, к сожалению, к формированию устойчивого стереотипа о некоторой ущербности всего русского. Стереотип формируется по всем канонам пропаганды: навязывается носителям культуры сверху. Это явление само по себе – идеологическое вторжение. В идеологической войне можно победить только тогда, когда основанием принятия собственной культуры выступает убежденность в значимости и собственного Я, и культуры в целом. Поэтому, Евгения Александровна, я убеждена, что будущее гуманитарное знание будет принципиально отлично от нынешнего определенной

сакральностью. Но сакральность эта будет в освящении чувства уважения к России.

Н.В. Степанова: Могу согласиться с Вами, Вера Анатольевна. Однако уважение не приходит само по себе. Ситуация времени требует нового взгляда на реалии жизни человека, нового понимания и новой интерпретации феноменов истории, цивилизации, общества, культуры. За этим должна стоять титаническая работа, духовно-интеллектуальные усилия, направленные на создание стратегии деятельности человека в «культурном поле». Главные ценности человека культуры – это знания, интеллект, творчество, взаимопонимание, направленные на духовное и нравственное созидание. Поскольку культура призвана выполнять человекотворческую функцию, то она является ключевым ресурсом развития страны, формирующим, как говорил И.А. Ильин, ее «духовный уклад». Именно созидательная деятельность человека способна обеспечить на культурном уровне поступательное, восходящее развитие страны и укрепление ее позиций в мировом сообществе. Безусловно, реальность современной культуры обусловлена слиянием культур, наций, стилей жизни и т.д., этому можно противопоставить только свои духовные ценности, их значимость. Именно духовные ценности человека лежат в основе внутреннего поиска человека, его стремлений, формирования мировоззрения, индивидуального взгляда на окружающую действительность.

В.Н. Соловьев: Глубоко убежден, что модернизм ведёт к утере национального своеобразия и денационализации культуры. Мысль тривиальна. Душу сохраняет реалистическое искусство. При посягании на нравственность понятие «нетрадиционное» – абсурдно. Школа для художника – это крылья. Не овладев знаниями, художник остаётся самодеятельным. Национальное и традиционное мыслятся как синонимы. На пути правды – это верный путь, даже ошибки могут быть, главное – не свернуть с этого пути. Нас всегда коробило, когда жонглировали и жонглируют понятиями «современное – не современное». Искусство должно быть настоящим – вот главное мерило. Реализм всегда вечен и нов. Искусство не имеет прогресса (это не научно-технические новации). Вспоминаются слова великого польского живописца Яна Матейко: «Каждое искусство велико, если оно национально, если оно выражает бытие данного народа».

С.Н. Некрасов: Уважаемые коллеги! Возникает вопрос, а способны ли гуманитарные науки и философия в условиях кризиса традиционных ценностей и конкуренции цивилизаций осмыслить изменения человека и общества в направлении трансгуманизма как антигуманизма? Если первый ответ в истории на проблему гуманизма был дан К. Марксом, который создал свое учение как «теоретический антигуманизм» (или реальный антибуржуазный гуманизм), говоря словами Л. Альтюсера, то сегодня либерализм и его крайняя форма – либертаризм, выступает новейшей формой антигуманизма в виде трансгуманизма.

Е.А. Куштым: Станислав Николаевич, и все-таки, с Вашей точки зрения, традиционные гуманитарные науки способны разобраться с вызовами человечеству или же необходимы новые – трансгуманитарные – знания?

С.Н. Некрасов: Нам представляется, что России нужны новые гуманитарные технологии, и вопрос заключается в том, как они будут развиваться. В марте 2017 г. мне пришлось провести в Уральском Федеральном Университете имени первого президента России Б.Н. Ельцина двухдневный научно-методический семинар с международным участием по указанной тематике. Идею проведения семинара «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы» позитивно восприняли многие ученые из других российских городов и стран. На мероприятие прибыло около 130 человек, также заочно в онлайн-режиме в семинаре приняли участие представители Франции, Чехии, Германии, Казахстана и Сербии. Сегодня уже нельзя говорить о некоем едином универсальном гуманитарном знании, поскольку каждому социуму требуется свое собственное гуманитарное знание. В этом я полностью солидарен со словенским социологом профессором Растко Мочником – преподавателем теории символических формаций на факультете медиа и коммуникаций Университета Сингидунум в Белграде. Нет единого знания, которое было бы адекватно обществу и может полноценно описать отношения в разных социумах – в России, Монголии, Корею и других странах. Речь идет о формировании новой линейки гуманитарных знаний, которая строится не на западной модели, но на которой выстраивается классическое гуманитарное знание.

Е.А. Куштым: Станислав Николаевич, на Ваш взгляд, что является главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI века за общее посткапиталистическое будущее?

С.Н. Некрасов: На мой взгляд, таким условием является научная культура и создание новой картины мира – это главное. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Классическое понимание религии как связи человека с Богом оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта.

Е.А. Куштым: Но сакральность – главный признак всякой религии, всякой культуры и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюту. Не лежит ли сакральность в основе гуманитарного знания будущего?

С.Н. Некрасов: Проблема модернизации России и традиционных аутентичных евразийских социумов в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически поставлена, если опираться на

расширенное понимание В.С. Соловьевым религии как связи с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру, философию научную и философскую убежденность народа нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени всего человечества. Зафиксированное историей деление связи с Абсолютом на связь с космосом, с социальностью, эгоцентрические религии индивидуального поклонения позволяют интегрировать религии и конфессии, науки и мировоззрение в более широкой исторической рамке русской цивилизации.

А.А. Сериков: Уважаемые коллеги! Главных путей развития у России на выбор до последнего времени было два. Или замыкаться в традиционализме, оставаясь островком стабильности в меняющемся мире, или теснейшим образом встраиваться в мировую экономику, пытаясь импортозаместить товары, получаемые сегодня из-за рубежа, и одновременно стать самой технологически развитой страной на планете. Санкции Запада серьезно укрепили нашу промышленность и сельское хозяйство. Считаю, что ближайшие годы пройдут в режиме глубокой информатизации всей экономики России. Ставка будет сделана не на традиции, не на выплавку чугуна и стали, не на производство холодильников и автомобилей, а на информационные технологии. Вспомним историю. Автомобили заменили лошадей, цифровые фотокамеры заменили пленочные, мобильные телефоны сделали бесполезными проводные телефоны. Если именно на нашей территории будут размещаться фирмы, разрабатывающие роботов и искусственный интеллект для них, Россия станет одним из главных технологических центров, в государственном бюджете будет достаточно средств, в том числе на образование, культуру и науку. Наши IT-продукты успешны и конкурентоспособны на мировом уровне, программисты и прочие российские специалисты IT-отрасли востребованы в инновационной «цифровой экономике». Новые технологии наступают одновременно по многим фронтам и социальные последствия их внедрения будут тяжелыми. Роботизированные кассы уже можно наблюдать во многих магазинах, автомобили с автопилотами ездят по дорогам в зарубежных странах. Допустим как возможность, что эти две технологии будут доведены до совершенства и распространятся. Что произойдет? В России без работы останутся миллионы шоферов и кассиров. Уже сегодня регулярно приходят новости о новых роботах, делающих заявки на человеческие рабочие места. В крупнейшем банке страны массово увольняют бухгалтеров и юристов, избавляются от кадровиков и передают роботу задачи первичного собеседования персонала. Исчезновение старых рабочих мест на этот раз не сопровождается появлением новых. Тысяча лошадей создавала рабочие места для тысячи кучеров, тысяча автомобилей – для тысячи шоферов. Тысяча беспилотных автомобилей не будет нуждаться в шоферах, тысяча рабочих мест просто исчезает. Информационные технологии очень легко

масштабируются. Парикмахер может за день подстричь 25 человек, а программист может написать программу, которой будут ежедневно пользоваться 25 миллионов человек. Из-за этого переqualificировать всех безработных в программисты не получится: планете такое количество программистов не нужно. К сожалению, массовая безработица неизбежна. И «накрыть» наше общество она может значительно раньше, чем предполагают скептики. Вспомните, как быстро распространялись мобильные телефоны, и с какой скоростью они обрастали фотокамерами и полноценным доступом в интернет. Многие эксперты полагают, что роботизация начнет массово уничтожать рабочие места уже в ближайшие три-пять лет. И это будет новый вызов современной России...

Н.А. Сергеева: В то же время можно отметить, что кризис – естественный процесс развития самосознания общества конкретной страны или в целом мировая тенденция. Особенностью сегодняшней социальной эволюции являются движущие, казалось бы, противоречивые факторы: ориентация на самобытность России с одной стороны и процесс неизбежной интеграции, смешения мировых культур, традиций. Кризис – это не только резкий крутой перелом, это поворотный момент развития.

С.Н. Некрасов: Коллеги, хочу отметить, что разработка концепции неоиндустриальной системы аутентичного российского социума в отличие от западной концепции постиндустриализма нацелена на теоретический и практический отрыв – как от нынешней разрушенной производительной системы, так и от советской модели потребного будущего. Нашему народу известна позиция либералов-западников, полагающих, что только активная монетаристская политика в интересах богатого меньшинства и связанные с ней финансовые манипуляции могут спасти Россию. Либералы тем самым в антидемократическом духе оправдывают колоссальные потери промышленности, народонаселения, образовательных учреждений и научных институтов страны. Именно такое понимание называется советником президента РФ академиком РАН С.Ю. Глазьевым в духе решений ООН «геноцидом». Это геноцид выброшенных на улицу лишних работников, к которым относится большинство трудоспособных людей. Это геноцид народа, посаженного на прожиточный минимум, ведущий к голодной смерти. Вторая позиция связана с работой так называемых «крепких хозяйственников», направленной на разработку новых программ. Это нелиберальная и нереформистская установка.

Е.А. Куштым: Станислав Николаевич, Вы полагаете, что данная установка не отвечает на вопрос о том, как следует строить всю систему жизнеобеспечения и труда в постсоветской России?

С.Н. Некрасов: В сущности, данная позиция стремится вернуться к старой советской индустриальной системе, поскольку надеется на взятие в руки реальной политической власти для претворения в жизнь выработанных идей. При этом забывается, что сам народ России нуждается в понимании миссии своей страны в мире, в создании

новой системы отношений между научной, образовательной и индустриальной системами страны, выполняющей функцию особой цивилизации – континента Евразии. В этой позиции труд есть дело чести и героизма, обязанность и источник благополучия общества, которое распределяется через общественные фонды потребления и носит коллективный характер. Третья позиция носит технологический характер. Она исходит из того, что современный промышленный комплекс страны возник исторически и тесно связан с двумя другими системами – образовательной и научной. Существует единый промышленно-образовательно-научно-исследовательский комплекс, компоненты которого не могут быть в ходе «открытого заговора» произвольно и по отдельности реформированы в качестве очередного «апгрейда» в духе информационного постиндустриального общества, нацеленного на финансово-информационное развитие. В сущности, эта позиция предполагает, что основная масса людей будет проходить через переобучение и перепрофилирование и все равно станет излишней. Четвертая позиция преимущественно связана с процессом инновационного развития науки, образования и промышленности. Постиндустриалистское понимание постсовременности полагает, что так называемое «информационное общество» целиком строится на высокой технологии и компьютерах. Действительной же задачей для настоящих реформаторов оказывается соединение информационных технологий с индустриальным производством и машинным парком в целях образования передовой промышленной системы городского типа. Новый тип промышленной организации строится в зависимости от передовых научных технологий, структуры подготовки и образования рабочей силы. В рамках четвертой позиции возможны три типа проектов развития российской социальности в контексте динамики единого комплекса. Первый тип проектов основан на традиционных отраслях промышленности и может быть назван консервативным вектором, замораживающим отсталость. Второй тип направлен на создание новых форм промышленности и таких ее отраслей, которые ныне находятся в эмбриональном состоянии в лабораториях по оптоэлектронике, лазерной технике и выращиванию кристаллов, созданию умных роботов. Третий тип ориентирован на создание метапромышленности как основы метаэкономики, связанной с циклами инновационной деятельности в рамках корпоративных университетов и технопарков. Все это позволит обнаружить реперные и бифуркационные точки в советском индустриальном комплексе в качестве опоры развития технологических инноваций XXI века.

Е.А. Куштым: Станислав Николаевич, источники развития.....

С.Н. Некрасов: Источники развития извлекаются при таком ходе событий из сферы человеческого потенциала как важнейшего отечественного интеллектуального ресурса – мышления и образования. При этом предполагается использовать единственный критерий развития – физическую

экономику, экономику производства потребительских товаров и услуг.

Е.А. Куштым: Какое же знание необходимо в такой интеллектуальной ситуации?

С.Н. Некрасов: Прежде всего, это знание в области предвидения будущего развития. Важнейшим направлением социального, экологически ориентированного, а не только технологического предвидения будущего, выступает предположение о выходе в космос – в космос микромира, космос физический и главное – в космос русского Севера. Речь идет об исключительно северно-уральском и арктическом направлении российского мультицивилизационного развития. После распада СССР в 1991 г. несомненна характеристика России как преимущественно северной цивилизации, а потому невозможно представить будущее страны без принципиально новой программы возрождения и освоения Севера, в том числе дальнего арктического Севера – нашего Заполярья. Очевидно, что Россия не должна ни отворачиваться от Запада, ни поворачиваться лицом к Востоку, ее курс в XXI веке – Норд-Ост. Российское Заполярье прирастать будет агротехнополисами и технопедаполисами, и возможно, техноандрагополисами. Будет формироваться новый исторический тип индивидуальности – личности творца, овладевающего социальным и природным космосом. Идеи В.И. Вернадского о создании новых типов энергетического обмена и новых материалов в своем жизненном воплощении позволят создать достаточную для интенсивного развития плотность населения в дотеле неосвоенных и невыносимых для жизни регионах.

Сейчас народы мира ждут спасения от катастрофы постиндустриального общества. Они нуждаются в избавлении от свободного рынка, информационной эры, от фетиша свободной торговли. Здесь необходимо применить силу и политическую волю – вернуться средствами стратегического планирования к развитию сельского хозяйства и промышленности, улучшению качества образования и повышению жизненного уровня рабочей силы. Локомотивом такого глобального неоиндустриального развития в общее и безопасное будущее объединенного человечества может и должна стать Россия. Только такое будущее может стать безопасным для настоящего, в любом ином случае нас ждет «футурошок» – столкновение с будущим в его наиболее монструозном образе постиндустриализма, возврат в прошлое кастового феодального общества социального неравенства, насилия и войн.

Е. Косовска: Исторические и современные культурные отношения между Россией и другими странами, нелегки ни для описания, ни для интерпретации. И, несомненно, они рассматриваются по-разному: с российской точки зрения, и совсем иначе – с позиций западноевропейских, американских или азиатских. Различия этих точек зрения являются результатом множественной обусловленности. Меня интересуют в первую очередь культурные инварианты, т. е. явления и процессы,

характеризующиеся «длинными волнами истории» (Ф. Бродель).

С исследовательской точки зрения, укоренившейся в польской культуре, тесно связанной с культурной идеологией римско-католического христианства и наследием западноевропейской мысли, русская культура является культурой ближайшего соседа, с которым поляков на протяжении веков объединяли попеременно недоверие и доброта, страх и любовь, вражда и понимание, фаворитизм и толерантность. На эти периодически переменные позиции, без сомнения, влияли актуальные политические и экономические ситуации. Источники сложного отношения поляков к России весьма разнообразны, их понимание должно быть предметом отдельных исследований. Одним из этих источников, можно полагать, выступает «нарциссизм малых различий», в котором Зигмунд Фрейд видел причины ссор и вражды между людьми (и культурами) соседствующими и близкими друг другу больше, чем диктует официальный уровень взаимоотношений. Внутреннюю близость славянских культур, очевидно, трудно опровергнуть, потому что они возникали в общих культурно-исторических условиях, в родственных языковых системах, на близости многих социокультурных конструкций (Р. Линтон) и стандартов культуры (Б. Малиновский). Несмотря на это, отношения между ними складывались по-разному. Как незначительные, так и фундаментальные различия сказывались со временем на эмоциональной дистантности, существенную роль которой не всегда можно легко проинтерпретировать. Эта дистантность (и различие) складывалась уже в глубине исторических времен, она отчетливо обозначилась, например, с введением христианства, которое, как известно, в Россию пришло через Византию, а в западную Европу, включая Чехию и Польшу – через Рим.

В то же время, типологически упрощенно выглядит деление Европы на Восточную и Западную, что, впрочем, полезно для наглядного представления некоторых различий. Принимая это допущение, я понимаю, что та часть континента, которая называется западной Европой – это территории, населенные большими и малыми народами, с длительной исторической судьбой, обладающими специфичными традициями и испытывавшими различные внешние влияния. Это не отменяет того факта, что радикальный разрыв глав Восточной и Западной Церквей, известный как раскол христианского мира, произошедший в XI веке, не только кардинально разделил Европу в сфере религиозных культовых практик, но стал механизмом более существенных социокультурных изменений, важность которых обнаруживалась и возрастала постепенно, вместе с развитием современной европейской цивилизации. Я думаю, здесь прежде всего нужно сказать о культурных последствиях принятия двух алфавитов, что изначально было важно только для очень узкого круга образованных людей, но со временем стало существенным барьером в межкультурных коммуникациях. Кроме того, становилось все более затруднительным общение

между людьми, говорящими в разных странах на разных языках. Со времени XV и XVI века, с развитием печати, именно посредством письменности начала развиваться специфика современной европейской культуры: интеллектуальной, научной и художественной. Построенные на ее основе стандарты восприятия и описания реальности не только влияли на мировоззрение элит, но и во все большей степени способствовали формированию социально приемлемых стереотипов.

Письменно-книжная культура в высокой степени укрепила раскол Европы, став одновременно еще одним источником социальной стратификации: неграмотность не способствовала быстрым изменениям в культуре. Обе части континента, восточная и западная, уже давно развивались в разном темпе, и – в высокой степени независимо друг от друга. Люди этих культурных миров оказались вовлечены в локальные войны и разного рода бедствия, были приняты различные модели культурной динамики. Возникавшие периодически религиозные конфликты и связанные с ними жесткие формы социокультурной регуляции в практической жизни ограничивали реальные процессы межкультурного обмена идеями. В сельских районах это происходило неизмеримо медленнее, чем в крупных городских центрах. В то время, когда русская культура опиралась на духовность, в некоторой степени архаичную, западные страны начали целенаправленную модернизацию собственной инфраструктуры, материальной и административной. Царь Петр Великий, вводя в России некоторые западные стандарты, пытался нивелировать эти различия. Однако он не мог в то время знать, что желаемая ему эффективная система регуляции и трансформации работает только в некоторых областях общественной жизни; что радикальные изменения в сфере обычаев, способов мышления и понимания требуют времени и должны быть постепенно реализованы в течение последующих поколений. Несмотря на это, проведенные им реформы устранили прежнюю самоизоляцию государства, а развивающаяся очень динамично, начиная с XVIII века, интеллектуальная и художественная русская культура становилась всё более известной в мире. Тем не менее, первоначально диапазон ее влияния был относительно ограничен и внутри страны, и за рубежом. Модернизация государства и общества имела различные последствия. Воспринятые с рубежа XVIII – XIX веков модели цивилизационных типов культуры постепенно вошли в повседневную жизнь и преобразовали, во всяком случае, достаточно ощутимо, и повседневный уклад. Вместе с развитием железных дорог, а затем введением воздушного транспорта и современных форм передачи информации, Россия существенно сократила дистанцию в отношении запада Европы, а в некоторых областях культуры и цивилизации стала бесспорным лидером. Тем не менее, необходимо учитывать присущие именно России (хотя бы учитывая огромные размеры государства) формы деятельности, способы управления и организации

повседневной жизни, которые отличали Россию от остальной Европы, закрепили особые черты уклада и, как следствие, специфично «русские» способы действий. Заимствованные конструкции не всегда принимались в культурном сознании многих россиян с энтузиазмом; естественная неприязнь к иностранным новшествам вылилась в своеобразную социокультурную гибридизацию – причудливое сочетание прежних старорусских и новоевропейских черт, что было встречено на Западе с настороженностью и вызывало не всегда доброжелательные комментарии. В свою очередь, можно отметить, что собственные российские культурные проекты редко были приняты в других странах Европы, в то время как они находили применение и оказывались эффективными в сфере российского влияния на территории Азии.

Это, в свою очередь, осложнило ситуацию и поставило ряд вопросов, на которые нелегко найти ответ. Проблема несоответствия между патриархальной лояльностью по отношению к Матери-Родине и, с другой стороны, огромными усилиями, предпринимаемыми для ее модернизации, а также с частым отсутствием понимания со стороны представителей других европейских народов, порождала некоторую отчужденность, но, в то же время, сопровождалась работой, приносящей серьезные достижения во многих областях науки и экономики.

Представляется, что невозможно интерпретировать отношения между Россией и другими странами без учета огромного пространства, где благоустройство и культурное развитие требовали совершенно других средств, чем те, которые были выработаны в западной Европе. Тем не менее, как европейская страна, Россия всегда обладала чувством культурной общности с остальной частью континента, хотя иногда и платила за это высокую цену. Может быть, своеобразный диагноз Ивана Александровича Ильина, который оценил последствия революции в категориях высших возможностей для современного ему поколения, была диагнозом только отчасти верным. История России является историей многих последующих радикальных революционных изменений, которые сочетали и огромные усилия, и страдания народа. Русские всегда ценили периоды стабилизации, используемой для разработки собственных, специфических культурных способов жизни. Стремление к упорядоченности, размеренной, целесообразной деятельности (спешка, которая является неотъемлемой частью изменения образа жизни, стала присуща культуре лишь в последнее время), созвучно установке на традиции и культурные обыкновения, которые считаются сутью русского образа жизни и указывают на иной тип культурной динамики, способствующий сохранению русской идентичности. Эта особенность, основанная на суверенности и экономико-культурной самодостаточности великого государства, периодически подвергается давлению ускоренной аккультурации, за которую уже несколько поколений россиян платят высокую цену. Вместе с тем, россияне сохраняют уважение друг к другу и хранят память о

тех, которые принесли величайшие жертвы, защищая Россию и ее духовное достояние, сохранили национальную самобытность и внесли весомый вклад в развитие общей европейской культуры. Подробный анализ этого достояния, учитывающий как русскую культурную специфику, так и объемы, формы и социальные расходы, периодические адаптации и радикальные преобразования, должен стать предметом междисциплинарных научных исследований.

Е.А. Куштым: Уважаемые коллеги, мы завершаем содержательную плодотворную дискуссию. Совершенно очевидно, каждая из стран как некая целостность может характеризоваться в качестве страны цивилизованной. Проблема заключается в том, что существуют разные культуры; в разных культурах одни и те же мировоззренческие универсалии имеют разную смысловую нагрузку, разную интерпретацию. Для понимания друг друга людьми, принадлежащими к самым разным культурам, есть только один путь – диалог, позволяющий прояснить некоторые «вещи». Направление взора к России как цивилизованной стране, сохранение России в качестве цивилизованной страны – актуальная задача современности, тем более, когда речь идет о сотрудничестве с зарубежными странами. В свое время Михаил Задорнов, без капли юмора, сказал очень правильные вещи: «Чтобы жить в цивилизованной стране, не надо уезжать из России. Тем более делать в ней революцию. Просто не мусори, не матерись, начни ездить по правилам на дорогах, не изменяй любимому человеку, уважай культуру и учи историю Отчизны, уважай стариков и сам не заметишь, как окажешься в цивилизованном государстве». Это первое.

Второе: для обеспечения диалогических отношений, для их укрепления и устойчивого развития очень важно знать культуру не только своей страны. Полагаю, что известная формула К. Маркса «абсолютное движение становления» актуальна и сегодня, так как выражает процессуальность в мыслительной и практической деятельности в мире переживаний, потрясений, поисков смысловых измерений действительности. Быть «симфонической личностью» – значит, постоянно выходить за свои собственные пределы, оставаться собой, и в то же время быть больше себя. Это неотъемлемое качество человека любой культуры и любой эпохи.

Южно-Уральский государственный институт имени П.И. Чайковского, разрабатывая крупномасштабный проект мирового значения при поддержке Правительства Челябинской области в лице Министерства культуры Челябинской области, открыт для укрепления сотрудничества с субъектами Российской Федерации и зарубежных стран на основе реализации конкретных мероприятий с участием коллег, в том числе из зарубежья для созидания будущего. «Сердце человеческое есть всегда сердце, в Париже и в России: оно обмануть не может» (Д. Фонвизин).

На этой позитивной «ноте» мы закрываем заседание круглого стола. Спасибо всем за работу и высказанные предложения для решения вопросов плодотворного сотрудничества в области образования, науки и искусства.

Перейдем к непосредственной реализации намеченных планов. «Все необъятное – в единый вздох!» да стеснится и выразится совокупной силой посредством Слова!

АВТОРЫ НОМЕРА

Агафонов Игорь Сергеевич, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», обучающийся (Россия, Пермь).

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент; Институт психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», профессор кафедры психологии развития и образования (Россия, Калуга).

Бабюк Виктор Федорович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», проректор по художественно-творческой работе (Россия, Челябинск).

Балынская Наталья Ринатовна, доктор политических наук, профессор; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», директор Института экономики и управления, заведующий кафедрой государственного муниципального управления и управления персоналом (Россия, Магнитогорск).

Бекиш Ольга Владиславовна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», директор Центра научно-методической информации и дополнительного профессионального образования (Россия, Челябинск).

Бобрин Александр Александровна, кандидат философских наук; Челябинский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (Россия, Челябинск).

Бутова Ирина Алексеевна; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», проректор по учебно-методической работе (Россия, Челябинск).

Бухарина Надежда Ивановна, Заслуженный работник культуры РФ, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой сольного народного пения (Россия, Челябинск).

Владимиров Александр Михайлович, член Союза художников России; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Викина Надежда Алексеевна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заместитель декана по научно-методической работе факультета социокультурной деятельности (Россия, Челябинск).

Воловин Константин Александрович, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», обучающийся (Россия, Пермь).

Гафурова Василия Минсалиховна, кандидат исторических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом (Россия, Магнитогорск).

Дымова Ирина Георгиевна, заслуженный работник культуры РФ, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий теоретическим отделением факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Жилина Вера Анатольевна, доктор философских наук, доцент; ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», заведующий кафедрой философии (Россия, Магнитогорск).

Загвоздина Любовь Генриховна, ОАНО ВО «Челябинский Многопрофильный Институт», учредитель, председатель Совета организации (Россия, Челябинск).

Зелезинская Лариса Андреевна, кандидат философских наук; ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет» (Россия, Амурская область, Благовещенск).

Ищенко Константин Николаевич, профессор, концертирующий баянист, преподаватель, солист Мюнхенской оперы (Германия, Мюнхен).

Ищенко Елена Борисовна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», кафедра теории, истории музыки и композиции, преподаватель (Россия, Челябинск).

Ищенко Николай Прокофьевич, заслуженный артист Российской Федерации; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», профессор кафедры народных инструментов (Россия, Челябинск).

Каминская Елена Альбертовна, кандидат педагогических наук, доктор культурологии, доцент; АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников; ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», профессор кафедры оркестрового дирижирования (Россия, Москва).

Кирпичев Юрий, бывший соотечественник, инженер-радиоэлектроник, литератор, публицист, с 2006 года проживает в США (США, Нью-Йорк; Канада, Монреаль).

Козлов Виктор Викторович, Заслуженный артист РФ, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», профессор кафедры народных инструментов (Россия, Челябинск).

Косовска Ева (Ewa Kosowska), доктор гуманитарных наук, профессор; Силезский университет, Институт наук о культуре и междисциплинарных исследований, кафедра теории и истории культуры (Польша, Катовице).

Костюк Ольга Николаевна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», декан факультета изобразительного искусства (Россия, Челябинск).

Куштым Евгения Александровна, кандидат философских наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», проректор по научной работе и международному сотрудничеству (Россия, Челябинск).

Лезьер Виктория, доктор философских наук, профессор; Образовательная некоммерческая Ассоциация «Центр культуры и познания», Президент Центра (Франция, Бриньоль).

Лукашевская Валентина Антоновна, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель кафедры оркестровых струнных инструментов (Россия, Челябинск).

Май К Да ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кафедра истории философии, аспирант (Россия, Москва).

Милицина Ирина Владимировна, кандидат культурологии, доцент; Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, преподаватель русского языка и русской литературы (Китай, Гуанчжоу).

Мороз Виктор Дмитриевич, профессор, заслуженный артист РФ; ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», профессор кафедры народных инструментов и оркестрового дирижирования (Россия, Челябинск).

Некрасов Станислав Николаевич, доктор философских наук, профессор; ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»; ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», профессор кафедры философии (Россия, Екатеринбург).

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор; ФГБУ «Сибирский институт управления» – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры государственного и муниципального управления (Россия, Новосибирск).

Парамонова Светлана Павловна, доктор философских наук, доцент; ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», профессор кафедры социологии и политологии (Россия, Пермь).

Пашков Геннадий Петрович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», декан факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Пашков Сергей Геннадьевич, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель кафедры оркестровых народных инструментов, заведующий отделением народных инструментов (Россия, Челябинск).

Питиримов Владимир Николаевич, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры живописи; заведующий отделением живописи художественного училища ЮУрГИИ (Россия, Челябинск).

Прилукова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), профессор кафедры философии (Россия, Челябинск).

Растворова Наталья Валерьевна, кандидат искусствоведения, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры теории, истории музыки и композиции (Россия, Челябинск).

Рахимова Майя Вильевна, кандидат философских наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин (Россия, Челябинск).

Романова Кира Степановна, кандидат философских наук, доцент; Учреждение Российской академии наук Института философии и права Уральского отделения РАН, отдел философии, старший научный сотрудник (Россия, Екатеринбург).

Секретова Лариса Адольфовна, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры теории, истории музыки и композиции (Россия, Челябинск).

Сергеева Наталья Александровна, ОЧУВО «Международный инновационный университет»; факультет гуманитарных наук, управления и сервиса, кафедра управления и гуманитарных дисциплин, старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Сериков Александр Алексеевич, ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин (Россия, Челябинск).

Сизова Елена Равильевна, доктор педагогических наук, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», ректор (Россия, Челябинск).

Слуева Ольга Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой оркестровых народных инструментов, заведующий отделением народных инструментов (Россия, Челябинск).

Соковиков Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», директор Междисциплинарного центра социальной теории и социокультурных трансформаций (Россия, Челябинск).

Соловьёв Василий Николаевич, Заслуженный художник РФ, член СХ России; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», старший преподаватель (Россия, Челябинск).

Степанова Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры фортепиано, заместитель главного редактора научно-практического журнала «Искусствознание: теория, история, практика» (Россия, г. Челябинск).

Стефанов Орлин, доктор филологии, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского; философ, писатель, литературовед, театровед, член Союза ученых Болгарии; профессор кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» (Болгария, София).

Стожко Дмитрий Константинович, кандидат философских наук, доцент; Уральский государственный экономический университет, доцент кафедры истории и философии (Россия, Екатеринбург).

Стожко Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор; ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», профессор кафедры управления и права (Россия, Екатеринбург).

Телегина Наталья Олеговна, кандидат педагогических наук; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», доцент кафедры специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства; заведующий учебным отделом факультета музыкального искусства, заведующий аспирантурой (Россия, Челябинск).

Ткаченко Станислав Олегович; ОГБУК «Челябинский государственный музей изобразительных искусств», директор (Россия, Челябинск).

Чернов Дмитрий Алексеевич; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», преподаватель кафедры оркестровых народных инструментов факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

Чикина Екатерина Владимировна, ДШИ № 12, преподаватель (Россия, Челябинск).

Чупров Александр Степанович, доктор философских наук, профессор; ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии (Россия, Амурская область, Благовещенск).

Шамгунов Александр Николаевич, кандидат медицинских наук, доцент; ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России, старший преподаватель кафедры патологической физиологии (Россия, Челябинск).

Яновский Олег Павлович, профессор; ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», заведующий кафедрой специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства факультета музыкального искусства (Россия, Челябинск).

AUTHORS OF THE ISSUE

Agafonov Igor' Sergeevich, FGBOU VO «Permskiy natsional'nyy issledovatel'skiy politekhnicheskiy universitet», obuchayushchiysya (Rossiya, Perm').

Arpent'yeva Mariyam Ravil'yevna, doktor psikhologicheskikh nauk, dotsent; Institut psikhologii FGBOU VO «Kaluzhskiy gosudarstvennyy universitet im. K.E. Tsiolkovskogo», professor kafedry psikhologii razvitiya i obrazovaniya (Rossiya, Kaluga).

Babyuk Viktor Fedorovich, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prorektor po khudozhestvenno-tvorcheskoy rabote (Rossiya, Chelyabinsk).

Balynskaya Natal'ya Rinatovna, doktor politicheskikh nauk, professor; FGBOU VO «Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. G.I. Nosova», direktor Instituta ekonomiki i upravleniya, zaveduyushchiy kafedroy gosudarstvennogo munitsipal'nogo upravleniya i upravleniya personalom (Rossiya, Magnitogorsk).

Bekish Ol'ga Vladislavovna, GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», direktor Tsentra nauchno-metodicheskoy informatsii i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya (Rossiya, Chelyabinsk).

Bobrik Aleksandra Aleksandrovna, kandidat filosofskikh nauk; Chelyabinskiy filial FGBOU VPO «Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii», dotsent kafedry grazhdansko-pravovykh distsiplin (Rossiya, Chelyabinsk).

Butova Irina Alekseyevna; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prorektor po uchebno-metodicheskoy rabote (Rossiya, Chelyabinsk).

Bukharina Nadezhda Ivanovna, Zasluzhennyy rabotnik kul'tury RF, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zaveduyushchiy kafedroy sol'nogo narodnogo peniya (Rossiya, Chelyabinsk).

Vladimirov Aleksandr Mikhaylovich, chlen Soyuza khudozhnikov Rossii; GBOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», starshiy prepodavatel' (Rossiya, Chelyabinsk).

Vikina Nadezhda Alekseyevna, GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zam. dekana po nauchno-metodicheskoy rabote fakul'teta sotsiokul'turnoy deyatelnosti (Rossiya, Chelyabinsk).

Volovin Konstantin Aleksandrovich, FGBOU VO «Permskiy natsional'nyy issledovatel'skiy politekhnicheskiy universitet», obuchayushchiysya (Rossiya, Perm').

Gafurova Vasilya Minsalikhovna, kandidat istoricheskikh nauk, dotsent; FGBOU VO «Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. G.I. Nosova», dotsent kafedry gosudarstvennogo munitsipal'nogo upravleniya i upravleniya personalom (Rossiya, Magnitogorsk).

Dymova Irina Georgiyevna, zasluzhennyy rabotnik kul'tury RF, kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent, zasluzhennyy rabotnik kul'tury RF; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zaveduyushchiy teoreticheskim otdeleniyem fakul'teta muzykal'nogo iskusstva (Rossiya, Chelyabinsk).

Zhilina Vera Anatol'yevna, doktor filosofskikh nauk, dotsent; FGBOU VPO «Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. G.I. Nosova», zaveduyushchiy kafedroy filosofii (Rossiya, Magnitogorsk).

Zagvozdina Lyubov' Genrikhovna, OANOVO «Chelyabinskiy Mnogoprofil'nyy Institut», Uchreditel', predsedatel' Soveta organizatsii (Rossiya, Chelyabinsk).

Zelezinskaya Larisa Andreyevna, kandidat filosofskikh nauk; FGBOU VO «Blagoveshchenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet» (Rossiya, Amurskaya oblast', Blagoveshchensk).

Ishchenko Konstantin Nikolayevich, professor, kontsertiruyushchiy bayanist, prepodavatel', solist Myunkhenskoy opery (Germaniya, Myunkhen).

Ishchenko Yelena Borisovna, GBOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», kafedra teorii, istorii muzyki i kompozitsii, prepodavatel' (Rossiya, Chelyabinsk).

Ishchenko Nikolay Prokof'yevich, zasluzhennyy artist Rossiyskoy Federatsii; GBOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», professor kafedry narodnykh instrumentov (Rossiya, Chelyabinsk).

Kaminskaya Yelena Al'bertovna, kandidat pedagogicheskikh nauk, doktor kul'turologii, dotsent; ANO VO «Institut sovremennogo iskusstva», prorektor po uchebno-metodicheskoy rabote, professor kafedry rezhissury teatralizovannykh predstavleniy i prazdnikov; FGBOU VO «Moskovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury», professor kafedry orkestrovogo dirizhirovaniya (Rossiya, Moskva).

Kirpichev Yuriy, byvshiy sootchestvennik, inzhener, radio-elektronik, literator, publitsist, s 2006 goda prozhivayet v SSHA (SSHA, N'yu-York; Monreal').

Kozlov Viktor Viktorovich, Zasluzhennyy artist RF, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», professor kafedry narodnykh instrumentov (Rossiya, Chelyabinsk).

Kosovska Yeva (Ewa Kosowska), doktor gumanitarnykh nauk, professor; Silezskiy universitet, Institut nauk o kul'ture i mezhdistsiplinarykh issledovaniy, kafedra teorii i istorii kul'tury (Pol'sha, Katovitse).

Kostyuk Ol'ga Nikolayevna, GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dekan fakul'teta izobrazitel'nogo iskusstva (Rossiya, Chelyabinsk).

Kushtym Yevgeniya Aleksandrovna, kandidat filosofskikh nauk, dotsent; GBOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prorektor po nauchnoy rabote i mezhdunarodnomu sotrudnichestvu (Rossiya, Chelyabinsk).

Lez'yer Viktoriya, doktor filosofskikh nauk, professor; Obrazovatel'naya nekommercheskaya Assotsiatsiya «Tsentral'nyy kul'tury i poznaniya», Prezident Tsentra (Frantsiya, Brin'ol').

Lukashevskaya Valentina Antonovna, GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», starshiy prepodavatel' kafedry orkestrovyykh strunnykh instrumentov (Rossiya, g. Chelyabinsk).

May K Da FGAOU VO «Rossiyskiy universitet druzhby narodov», kafedra istorii filosofii, aspirant (Rossiya, Moskva).

Militsina Irina Vladimirovna, kandidat kul'turologii, dotsent; Guandun'skogo universiteta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoy trgovli, prepodavatel' russkogo yazyka i russkoy literatury (Kitay, Guanchzhou).

Moroz Viktor Dmitriyevich, professor, zasluzhennyy artist RF; FGBOU VO «Chelyabinskiy gosudarstvennyy institut kul'tury», professor kafedry narodnykh instrumentov i orkestrovogo dirizhirovaniya (Rossiya, Chelyabinsk).

Nekrasov Stanislav Nikolayevich, doktor filosofskikh nauk, professor; FGAOU VPO «Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina»; FGBOU VO «Ural'skiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet», professor kafedry filosofii (Rossiya, Yekaterinburg).

Novokreshchonov Aleksandr Vasil'yevich, doktor sotsiologicheskikh nauk, professor; FGBU «Sibirskiy institut upravleniya» – filial Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii; professor kafedry gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya (Rossiya, Novosibirsk).

Paramonova Svetlana Pavlovna, doktor filosofskikh nauk, dotsent; FGBOU VO «Permskiy natsional'nyy issledovatel'skiy politekhnicheskii universitet», professor kafedry sotsiologii i politologii (Rossiya, Perm').

Pashkov Gennadiy Petrovich, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dekan fakul'teta muzykal'nogo iskusstva (Rossiya, Chelyabinsk).

Pashkov Sergey Gennad'yevich, GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», starshiy prepodavatel' kafedry orkestrovyykh narodnykh instrumentov, zaveduyushchiy otdeleniyem narodnykh instrumentov (Rossiya, Chelyabinsk).

Pitirimov Vladimir Nikolayevich; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prepodavatel' kafedry zhivopisi; zaveduyushchiy otdeleniyem Zhivopisi khudozhestvennogo uchilishcha YUUrGII (Rossiya, Chelyabinsk).

Prilukova Yekaterina Grigor'yevna, doktor filosofskikh nauk, dotsent; FGAOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet (natsional'nyy issledovatel'skiy universitet), professor kafedry filosofii (Rossiya, Chelyabinsk).

Rastvorova Natal'ya Valer'yevna, kandidat iskusstvovedeniya, dotsent; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dotsent kafedry teorii, istorii muzyki i kompozitsii (Rossiya, g. Chelyabinsk);

Rakhimova Mayya Vil'yevna, kandidat filosofskikh nauk; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zaveduyushchiy kafedroy sotsial'no-gumanitarnykh i psikhologo-pedagogicheskikh distsiplin (Rossiya, Chelyabinsk).

Romanova Kira Stepanovna, kandidat filosofskikh nauk, dotsent; Uchrezhdeniye Rossiyskoy akademii nauk Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN, Otdel filosofii, starshiy nauchnyy sotrudnik (Rossiya, Yekaterinburg).

Sekretova Larisa Adol'fovna, kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dotsent kafedry teorii, istorii muzyki i kompozitsii (Rossiya, Chelyabinsk).

Sergeyeva Natal'ya Aleksandrovna; OCHUVO «Mezhdunarodnyy innovatsionnyy universitet»; fakul'tet gumanitarnykh nauk, upravleniya i servisa, kafedra upravleniya i gumanitarnykh distsiplin starshiy prepodavatel' (Rossiya, Chelyabinsk).

Serikov Aleksandr Alekseyevich; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prepodavatel' kafedry sotsial'no-gumanitarnykh i psikhologo-pedagogicheskikh distsiplin (Rossiya, Chelyabinsk).

Sizova Yelena Ravil'yevna, doktor pedagogicheskikh nauk, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», rektor (Rossiya, Chelyabinsk);

Sluyeva Ol'ga Valentinovna, kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zaveduyushchiy kafedroy orkestrovyykh narodnykh instrumentov, zaveduyushchiy otdeleniyem narodnykh instrumentov (Rossiya, Chelyabinsk).

Sokovikov Sergey Stepanovich, kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent; FGBOU VO «Chelyabinskiy gosudarstvennyy institut kul'tury», direktor Mezhdistsiplinarnogo tsentra sotsial'noy teorii i sotsiokul'turnykh transformatsiy (Rossiya, Chelyabinsk).

Solov'yov Vasilii Nikolayevich, Zasluzhennyy khudozhnik RF, chlen SKH Rossii; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», starshiy prepodavatel' (Rossiya, Chelyabinsk).

Stepanova Natal'ya Viktorovna, kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dotsent kafedry fortepiano, zam. gl. redaktora nauchno-prakticheskogo zhurnala «Iskusstvoznaniye: teoriya, istoriya, praktika (Rossiya, g. Chelyabinsk).

Stefanov Orlin, doktor filologii, professor Sofiyskogo universiteta im. Svyatogo Klimenta Okhridskogo; filosof, pisatel', literaturoved, teatroved, chlen Soyuza uchenykh Bolgarii; professor kafedry russkogo yazyka i literatury FGAOU VO «YUUrGU (NIU)» (Bolgariya, Sofiya).

Stozhko Dmitriy Konstantinovich, kandidat filosofskikh nauk, dotsent; Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet, dotsent kafedry istorii i filosofii (Rossiya, Yekaterinburg).

Stozhko Konstantin Petrovich, doktor istoricheskikh nauk, professor; FGBOU VO «Ural'skiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet», professor kafedry upravleniya i prava (Rossiya, Yekaterinburg).

Telegina Natal'ya Olegovna, kandidat pedagogicheskikh nauk; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», dotsent kafedry spetsial'nogo fortepiano i kamerno-kontsertmeysterskogo iskusstva; zaveduyushchiy uchebnym otdelom fakul'teta muzykal'nogo iskusstva, zaveduyushchiy aspiranturoy (Rossiya, Chelyabinsk).

Tkachenko Stanislav Olegovich; OGBUK «Chelyabinskiy gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv», direktor (Rossiya, Chelyabinsk).

Chernov Dmitriy Alekseyevich; GBOU VO «Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», prepodavatel' kafedry orkestrovnykh narodnykh instrumentov fakul'teta muzykal'nogo iskusstva (Rossiya, Chelyabinsk).

Chikina Yekaterina Vladimirovna, DSHI № 12, prepodavatel' (Rossiya, Chelyabinsk).

Chuprov Aleksandr Stepanovich, doktor filosofskikh nauk, professor; FGBOU VO «Blagoveshchenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet», professor kafedry vseobshchey istorii, filosofii i kul'turologii (Rossiya, Amurskaya oblast', Blagoveshchensk).

Shamgunov Aleksandr Nikolayevich, kandidat meditsinskikh nauk, dotsent; FGBOU VPO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet" Minzdrava Rossii, st. prepodavatel' kafedry patologicheskoy fiziologii (Rossiya, Chelyabinsk).

Yanovskiy Oleg Pavlovich, professor; GBOU VO "Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy institut iskusstv imeni P.I. Chaykovskogo», zaveduyushchiy kafedroy spetsial'nogo fortepiano i kamerno-kontsertmeysterskogo iskusstva fakul'teta muzykal'nogo iskusstva (Rossiya, Chelyabinsk).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ И НАПРАВЛЕНИЮ В РЕДАКЦИЮ

1. Оформленная статья направляется в редакцию научного журнала «Человек > Общество < Государство» обязательно с электронного адреса автора в первом прикрепленном файле, который нужно назвать по фамилии автора статьи – «Фамилия Статья» (например, «Мерзлов Статья»). Во втором прикрепленном файле, который нужно назвать – «Фамилия Сведения» (например, «Мерзлов Сведения»), высылается на русском и английском языках: Фамилия Имя Отчество (полностью); название статьи; аннотация (2-4 предложения о содержании статьи); ключевые слова; уч. степень; уч. звание; место работы (учебы); должность; контактная информация – почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон.
2. Автор несет ответственность за содержание статьи, достоверность информации и оригинальность текста. В случае принятия статьи к публикации, с автором заключается договор оплаты рецензирования и экспертных услуг, лицензионный договор по оказанию информационных услуг.
3. Каждый номер журнала размещается на сайте www.elibrary.ru с постатейной регистрацией в системе SCIENCEINDEX.
4. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК. Автор указывает отрасль науки.
5. Текст статьи набирается на русском языке (или французском, или английском, или немецком без перевода).
6. Рекомендуемый объем статьи: от 4 000 знаков (включая пробелы) до 40 000 знаков (включая пробелы), без учета списка литературы. Если статья по объему превышает указанное количество знаков, рекомендуем разбить ее на две статьи.
7. Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Параметры текстового редактора: поля со всех сторон – 20 мм; шрифт – TimesNewRoman; основной текст – кегль 12; название статьи – прописными буквами в центре; межстрочный интервал – 1,5; выравнивание – по ширине; абзацный отступ – 1,25 см; ориентация листа – книжная. Не допускается ручная расстановка переносов.
8. В правом верхнем углу под названием статьи курсивом указываются: фамилия, имя, отчество (полностью в им. пад.), уч. степень, уч. звание, полное юридическое наименование учебного заведения (в им. пад.), занимаемая должность, город. (*Примечание:* 1) кто не работает в учебном заведении, указывает место работы, должность, город; 2) если статья студента или аспиранта, дополнительно указывается Ф.И.О. полностью, уч. степень, уч. звание научного руководителя).
9. После сведений об авторе приводится аннотация на русском языке 300-600 знаков и ключевые слова (отделяются точкой с запятой) на русском языке (не более пяти); внизу статьи приводится аннотация и ключевые слова (отделяются точкой с запятой) на английском языке.
10. Список литературы в алфавитном порядке оформляется в конце статьи. Ссылки на литературу при цитировании в тексте оформляются в квадратных скобках. Например, «Цитата» [1, с. 10]. Использование автоматических постраничных ссылок не допускается.
11. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
12. Статья рецензируется членами редакционно-экспертного совета журнала. Статья, не отвечающая требованиям, к рецензированию не принимается. В случае отклонения статьи, новый ее вариант регистрируется вновь. Решение о допуске к публикации направленной в редакцию журнала статьи принимается в течение 1 месяца.
13. Авторские экземпляры вышедшего номера журнала высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
14. Адрес редакции: 454091, область Челябинская, г. Челябинск, ул. Плеханова, 41, каб. 113. Тел. (8-351) 263-35-95; 8-922-63-86-986. E-mail: nauka@uyrgii.ru; onr@uyrgii.ru.

УДК 172

Попова Елена Валентиновна,
кандидат философских наук, доцент;
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»,
доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения
Россия, г. Екатеринбург E-mail:

Противоречивость бытия нормы в контексте культуры

Аннотация. Дифференциация видов деятельности, общественных отношений и социальных

Ключевые слова: норма; противоречивость применения нормы; культура; **нравственность.**

Текст... «Поэтому в культурах... ранних форм этой системы» [1, с. 44].

Литература:

1. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества [Текст] / К.Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 39-53.

В конце статьи прописанное выше продублировать на английском языке (без текста статьи):

UDC 172

Popova Elena V.,
candidate of philosophical sciences, associate Professor;
FGAOU VPO "Russian state vocational pedagogical University",
associate Professor of the Department of philosophy, cultural studies and
art history Russia, Ekaterinburg E-mail:

Inconsistency being the norm in the context of culture

Abstract. Differentiation activities, social relations and social

Keywords: norm; inconsistency of application of norms; culture; human morals.

Text

References:

1. Lorenc, K. (1992) Vosem' smertnyh grekhov civilizovannogo chelovechestva [Eight deadly sins of civilized humanity] [Tekst] / K. Lorenc // Voprosy filosofii. № 3. S. 39-53. [in Rus].

Правила оформления списка литературы

1. Копируем список литературы на русском языке.
2. Проводим транслитерацию списка литературы на русском языке, для этого заходим на сайт по адресу: translit.ru и выбираем вариант ВGNв окошке «варианты».
3. Помещаем текст списка литературы и транслитерируем.
4. Копируем транслитерированный текст, вставляем его в статью в список литературы.
5. Оформляем список литературы в соответствии с требованиями.

Requirements to registration of article and direction to the editor

1. The article sent to the editorial Board of the scientific journal "Man > Society < State" from the email address of the author in the first attached file, which should be called by the name of the author of the article "Article Name" (e.g. "Merzlov Article". In the second attached file, which should be called "Name Information" (e.g., "Merzlov Information") is sent in Russian and English: Full name; article title; abstract (2-4 sentences about the content of the article); keywords; academic art; academic star; place of work (study); contact information – email address, contact number.

2. The author is responsible for article content, accuracy of information and originality of the text. In case of publication of the article, the author makes a contract for payment of review and expert services, a license agreement for the provision of information services.

3. Each issue is posted on the website www.elibrarywithitemizedregistration in the system of SCIENCE INDEX.

4. The article must be classified, it should have UDC. The author specifies the branch of science.

5. The text is presented in Russian (or French, or English, or German without translation).

6. The content of the article is between 4.000 signs (including gaps) up to 40.000 signs (including) gaps, without bibliography. Recommended volume of the article is between 4 000 characters (including spaces) up to 40 000 characters (including spaces), excluding bibliography. If the article exceeds a specified number of signs, we recommend dividing it into two articles.

7. It is necessary to use editor Word for Windows for typing the text the word processor settings: all margins – 20 mm; font – Times New Roman; main text – 12 PT; title of the article – capital letters in the centre; line spacing – 1,5; alignment – justified; paragraph indent – 1, 25 cm; sheet orientation – portrait. No manual hyphenation.

8. In the upper right corner below the title in italics are indicated: Full NAME, academic degree, academic title, legal name of the institution (in them. pad.), position, city. (Note:1) if you don't work in an academic institution, indicates the place of work, position, city; 2) if the article belongs to the student or graduate student, additionally specify name in full, academic article, academic title of the supervisor).

9. There is the summary in the Russian language 300-600 signs and key words (separated by semicolons) in Russian (not more than 5); below the article there is an abstract and key words (separated by semicolons) in English.

10. The list of literature in alphabetical order is issued at the end of the article. The references in the text are formed in the square brackets. For example, "Quote" [1, p. 10]. Use of the automatic pagination links are not allowed.

11. Illustrative materials (figures, drawings, graphs, charts, diagrams) are performed using electronic graphic editors. All figures should be numbered sequentially. Figures are presented in the table. Each table should have a serial number and the name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for measurement units.

12. The article is reviewed by members of the editorial Advisory Board of the journal. The article does not meet the requirements, it is not accepted for a review. In case of rejection of the article, the new version is registered again. The admission to the publication in the journal shall be made within 1 month.

13. The copies of the magazine are sent by cod.

14. Editorial address: 454091, Chelyabinsk region, Chelyabinsk; 41, Plekhanova street, cab. 113.

Tel: 8(351) 263-35-95; 8-922-63-86-986. E-mail: nauka@uyrgii.ru; onr@uyrgii.ru.

A sample article:

UDC 172

Popova Elena V.,

candidate of philosophical sciences, associate Professor;

FGAOU VPO "Russian state vocational pedagogical University", associate Professor of the Department of philosophy, cultural studies and art history Russia, Ekaterinburg E-mail: poplinav@mail.ru

Inconsistency being the norm in the context of culture

Abstract. Differentiation activities, social relations and social

Keywords: norm; inconsistency of application of norms; culture; human morals.

Text.....

References:

1. Lorenc, K. (1992) Vosem' smertnyh grekhov civilizovannogo chelovechestva [Eight deadly sins of civilized humanity] [Tekst] / K. Lorenc // Voprosy filosofii. № 3. S. 39-53.

At the end of the article to be duplicated in Russian (without text):

УДК 172

Попова Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент; ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения Россия, г. Екатеринбург E-mail: poplinav@mail.ru

Противоречивость бытия нормы в контексте культуры

Аннотация. Дифференциация видов деятельности, общественных отношений и социальных

Ключевые слова: норма; противоречивость применения нормы; культура; нравственность.

Текст... «Поэтому в культурах... ранних форм этой системы» [1, с. 44].

Литература:

1. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества [Текст] / К. Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 39-53.

Rules for references

1. Copy the list of references in the Russian language.
2. Spend a transliteration of the list of references in Russian, go to the website at the following address: translit.ru BGN variant and choose in the window "varianti".
3. Put the text bibliography and translitorium.
4. Copy the transliterated text, insert it into the article in the References list.
5. Prepare a list of References in accordance with the requirements.